Насирулла Миркурбанов, Дильбар Мирахмедова

ЛИТЕРАТУРА

8 класс

Новое издание

Учебник для школ общего среднего образования
с русским языком обучения

*Рекомендован к изданию Министерством дошкольного
и школьного образования Республики Узбекистан*

Издательско-полиграфический творческий дом имени Гафура Гуляма
Ташкент – 2025

скачано с сайта www.idum.uz

УДК 82.09-343(075.3)
ББК 83.3я72
М 63

Литература 8 класс [Текст]: учебник / Н.М. Миркурбанов, Д.Т. Мирахмедова; редактор М. Мухамедова. – Ташкент: Издательско-полиграфический творческий дом имени Гафура Гуляма, 2025. – 240 с.

Под общей редакцией Н.М. Миркурбанова, профессора Национального педагогического университета им. Низами.

Рецензенты:

Д.Д. Марупова	–	Доктор философии по педагогическим наукам, и.о. доцента кафедры исследований письменного и устного перевода Международного университета туризма и культурного наследия «Шёлковый путь»
Р.А. Ташматова	–	учитель высшей категории школы 280 Чиланзарского района г.Ташкента
Т.Н. Ворсина	–	учитель высшей категории школы № 164 Чиланзарского района г.Ташкента

ISBN 978-9910-584-20-6

© Издательско-полиграфический творческий дом имени Гафура Гуляма, 2025

скачано с сайта www.idum.uz

Содержание:

Глава I. МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

Э. Джуманбульбуль-оглы. Равшан 4
А. Навои. Рубаи 23
А. де Сент-Экзюпери. Маленький принц 28
А.С. Грин. Алые паруса 42

Глава II. ЧИСТОТА ПОМЫСЛОВ И ПОСТУПКОВ ЧЕЛОВЕКА

А.С. Пушкин. Лирика 62
В.В. Маяковский. Лирика 75
Н.В. Гоголь. Ревизор 86
А. Доде. Последний урок 120

Глава III. ЧЕЛОВЕК, ПРЕОДОЛЕВАЮЩИЙ ИСПЫТАНИЯ

Н. Эшонкул. Человек, ведущий обезьяну 126
У. Шекспир. Сонеты 136
М. Горький. Старуха Изергиль 142
О. Генри. Последний лист. Дары волхвов 148
Т. Каипбергенов. Спасибо, учитель! 163

Глава IV. МИР ПОДОБЕН РАДУГЕ

М. Юсуф. Лирика 191
Ш. Холмирзаев. Пастух 198
Я. Ильясов. Тропа гнева 205
Н. Ильин. Лирика 233

Глава I

МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

ЭРГАШ ДЖУМАНБУЛЬБУЛЬ-ОГЛЫ
1868–1937

Э. Джуманбульбуль-оглы – выдающийся узбекский бахши, один из крупнейших исполнителей народных дастанов. Он запоминал, интерпретировал и передавал древние сказания, часто добавляя к ним личные интонации, стилистические особенности и вариации. В некоторых случаях он записывал или диктовал тексты дастанов, но не был автором, а оставался певцом, рассказчиком и носителем народной памяти фольклорного наследия узбекского народа.

Благодаря Эргашу Джуманбульбуль-оглы богатство узбекского фольклора не только сохранилось, но и обрело новую силу, вдохновляя современных исполнителей и исследователей народного творчества.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что такое народное творчество и какие его формы существовали в древний период узбекской культуры?
2. Вспомните героев русского и узбекского фольклора. Чем они вас поразили или заинтересовали?

УЗБЕКСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА

Узбекское народное творчество включает в себя устные и письменные формы выражения, такие как мифы, легенды, сказки, пословицы, поговорки и песни. Фольклор не просто художественное наследие народа – он хранилище того громадного духовного опыта, который чрезвычайно важен для культурной жизни общества. Укоренившиеся в памяти образы эпоса, каждодневно всплывающие строки и мелодии народных песен и, наконец, не сходящие с языка пословицы и поговорки – это важная часть духовной сокровищницы народа.

Особое место в творчестве народов Центральной Азии занимали героические эпосы, или дастаны, которые передавались из поколения в поколение посредством устного исполнения.

Древний период узбекской культуры охватывает эпоху, когда на территории Центральной Азии существовали ранние государства, такие как Хорезм, Согдиана и Бактрия. Культурное развитие этих регионов способствовало возникновению богатого фольклора, в котором героические образы играли важную роль. Они олицетворяли народные представления о справедливости, чести, доблести и самопожертвовании.

Собирание и изучение узбекского фольклора на научной основе началось лишь в XX веке. В самом начале прошлого столетия учёные-востоковеды, путешественники, этнографы, дипломаты записывали и публиковали отдельные образцы устного народного творчества. С другой стороны, в этот же период усилиями узбекских любителей фольклора, а иной раз и по инициативе самих народных сказителей, были сделаны записи, сохранившиеся в виде рукописных списков и довольно качественных типографских изданий.

Обсудим вместе

1. Какие современные государства, не являясь прямыми продолжателями, унаследовали в той или иной мере культуру, традиции, элементы языка, архитектуру и другие достижения древних государств Центральной Азии?
2. Какие традиционные праздники и обряды узбекского народа вы знаете? Назовите их.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОБРАЗЫ

Героический эпос узбеков представлен богатой галереей персонажей, среди которых выделяются отважные воины, защитники народа, борцы за справедливость и независимость. Они нередко наделены сверхъестественными способностями, преодолевают сложные испытания и побеждают врагов благодаря силе, мудрости и благородству.

Эпос – это героическое повествование, которое представляет обобщённую картину жизни определённого народа и рассказывает о подвигах и приключениях героев из далёкого прошлого. Термин «эпос» пришёл в русский язык из древнегреческого, где ἔπος означает «повествование, слово, стихотворение».

Таким образом, героические персонажи узбекского фольклора не просто развлекали, но и выполняли просветительскую, воспитательную и объединяющую роль, передавая из поколения в поколение важнейшие идеи о чести, справедливости и любви к родной земле.

Ключевые образы узбекского дастана:

1. Алпамыш – легендарный богатырь, символ национального духа и защитник народа. Он проходит сложные испытания, демонстрируя мужество и верность родине.

2. Гороглы – герой, чья судьба связана с борьбой за справедливость и освобождение своего народа от гнёта.

3. Равшан – центральный персонаж одноимённого дастана, герой, борющийся за любовь и честь семьи.

Обсудим вместе

1. Какую роль играют героические персонажи в узбекском фольклоре?
2. Как понять, кто герой, а кто злодей в узбекских народных сказаниях? Чем они отличаются? Вспомните знакомые образы и приведите примеры.

ЖАНР ДАСТАНА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Дастан – это один из важнейших жанров узбекского фольклора, сочетающий элементы эпоса, лирики и драматического повествования. В дастанах тесно переплетается героическая и романтическая тематика. Большинство этих произведений отражают историческое прошлое народа.

Главное, что характеризует дастан, – это свойственный ему особый эпический мир, который отличается гиперболичностью воспроизведения действительности. Гиперболизм в дастане создаётся при помощи различных художественно-изобразительных средств: эпитетов, метафор, сравнений.

Поэтические приёмы и средства художественной выразительности узбекского эпоса неразрывно взаимосвязаны, и связь эта не только формальная, но и смысловая. Это выражается, например, в том, что эпитеты, как и другие виды тропов, участвуют в создании гипербол, без которых немыслим героический мир узбекских дастанов.

Гипербола – это художественный приём чрезмерного преувеличения с целью усиления выразительности и усиления впечатления.

Эпические произведения создавались и исполнялись народными сказителями – ***бахши***. Дастаны представляли собой стихотворные поэмы, которые перемежались, прозаическими пояснениями рассказчика-певца и исполнялись в сопровождении музыкальных инструментов, таких как дутар или рубаб.

Эпитет – это художественное определение при слове, влияющее на его выразительность, красоту произношения.

Для того чтобы дастан вызывал у слушателей определённый эмоциональный настрой, изображение событий в нём должно быть настолько выразительным, чтобы воображение слушателей без труда воссоздавало их как нечто реально существовавшее. Об этом сами сказители говорят: «Песню о Гороглы надо спеть с таким красноречием, чтобы его увидел слепой, с такими метафорами, чтобы его услышал глухой».

Узбекское народное творчество древнего периода является важной частью культурного наследия народа. Образы героев эпоса, такие как Гороглы, Алпамыш, Равшан и другие, олицетворяют идеалы мужества, благородства и патриотизма.

Жанр дастана, с его уникальными художественными и поэтическими особенностями, сыграл значительную роль в формировании национального самосознания и продолжает вдохновлять современные поколения.

Метафора – слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение предмета или явления с каким-либо другим в соответствии с их общим признаком.

Особенности дастана:

1. Сюжетная структура. Традиционно дастаны включают экспозицию, завязку, кульминацию и развязку. В центре повествования – судьба героя, его подвиги и борьба с врагами.

2. Образы-символы – самостоятельные художественные образы, раскрывающиеся через сопоставление с другими понятиями; большое количество метафор, гиперболизация героических качеств.

3. Поэтическая форма. В дастанах часто сочетаются рифмованная проза и стихотворные вставки, что делает эпос запоминаемым и легко воспринимаемым на слух.

4. Наличие фантастических и мифологических элементов. В эпосе часто фигурируют сказочные существа, волшебные предметы и сверхъестественные силы.

Домашнее задание

Попробуйте написать четверостишие, посвящённое фольклорному герою-спасителю.

ДАСТАН «РАВШАН»

Одно из самых известных произведений узбекского героического эпоса – дастан «Равшан». Он повествует о судьбе Равшана, сына богатыря Хасан-хана, который сталкивается с многочисленными испытаниями на пути к восстановлению справедливости и обретению своей возлюбленной.

Дастан «Равшан» отличается динамичным сюжетом, глубокой философией и эмоциональной насыщенностью. Он продолжает оставаться популярным в узбекском фольклоре, вдохновляя поэтов, писателей и исследователей на новые интерпретации.

Вариант дастана «Равшан», записанный от сказителя Эргаша Джуманбульбуль-оглы, оригинален и отличается высокими художественными достоинствами. Надо отметить, что за столетия своего существования дастан «Равшан» претерпел очень много сюжетных изменений: менялись герои, география событий, по-иному отображались в разных вариантах дастана взаимоотношения героев и конфликты между ними. В данном варианте подчёркивается, что внук Гороглы Равшан (родившийся от приёмного сына Гороглы Хасан-хана) – узбек. Но родина Равшана – земля Теке-Явмут, вершины легендарного Чамбиля, где обитают текинцы (одно из туркменских племён). Здесь живёт и правит Гороглы и его внук Равшан – «лучший из юношей текинских».

Читаем произведение

РАВШАН

(в сокращении)

В стародавние времена далеко за Бухарой, на земле Теке-Явмут, на седловине Чамбильских гор, наводя страх на врагов, жил и правил Гороглы-бек.

Он собрал дружину из сорока джигитов, одел их в рысьи шубы, каждый день приказывал резать для них жирных баранов и ежевечерне кормил их досыта пловом.

Для народа устраивал он скачки с козлодранием. Всем на этих праздниках дарил полосатые халаты.

Козлодрание – русское название конной игры, распространённой среди народов Центральной Азии и Поволжья.

С Кафских гор, из садов Ирема, вывез он двух пери: Ага-Юнус-пери и Ага-Мискаль-пери, взял их себе в жёны и жил с ними в радости и счастье.

У Гороглы не было детей. Из Ваягана взял он Хасан-хана, из Хунхара взял Аваз-хана и усыновил их. Гороглы говорил о приёмных сыновьях: «Они ароматные розы мои, душа моя, сердце моё!»

Аваз-хана Юнус-пери усыновила, за пазуху его положила, из-под подола достала, сыном своим назвала. Хасан-хана Мискаль-пери усыновила, за пазуху его положила, из-под подола достала, сыном своим назвала. Как родных сыновей, пери их полюбили, растили и воспитывали каждая своего – в своём доме.

Выросли Аваз и Хасан, стали красивыми и стройными джигитами, сильными, как тигры, смелыми, как леопарды, величавыми и могучими, как львы.

Доволен был сыновьями своими Гороглы.

Хасан-хан тайно увёз из Арзрума красавицу Хан-Делли, задал пир, продолжавшийся сорок дней, и, соблюдая все обычаи, взял её в жёны.

Аваз-хану просватали другую красавицу, с которой он зажил счастливо.

У Хасан-хана от Хан-Делли родился сын. Гороглы устроил для народа богатый пир и назвал внука Равшан-беком.

Вскоре у Аваз-хана родилась дочь. Гороглы-бек, радуясь её рождению, тоже устроил пир и назвал внучку Гульанор. Детям исполнилось год и два. Стали они отца и мать называть, плов и хлеб кушать, бегать и играть. Лет через пять их вместе отдали в школу.

Однажды сидел Гороглы-бек у себя со своими пери. К нему в покои красивый, сияющий вошёл его внук – Равшан. Поклонился с порога, сказал: «Салам!» А было ему тогда шестнадцать лет. Гороглы увидел Равшана, улыбнулся и сказал своим жёнам: «Хо, пери! Мне в голову пришла хорошая мысль! Поделюсь-ка я этой мыслью с вами – что вы мне скажете: не выдать ли нам Гульанор за Равшана? Я сам буду сватом. Сегодня же отправлюсь к Авазу!»

Обе пери обрадовались: «Это было бы очень хорошо! Добрая мысль вам пришла!»

Гульанор была красивая девушка, черноглазая, лицом приятная, нежноголосая, среднего роста, тонкая станом, с высокой грудью, разумная и понятливая.

Равшан-беку нравилась она с детства, когда они учились вместе в школе.

Равшан-беку пришлись по душе слова его деда Гороглы. Он подумал: «Хорошо, если мой дядя Аваз отдаст за меня свою дочь. Только, наверное, не отдаст он… Станет перечить. Уж очень он упрям и заносчив».

Гороглы-бек тут же встал и отправился к сыну своему Аваз-хану, а Равшан незаметно пошёл вслед за дедом.

Увидел Аваз-хан, что едет к нему отец его Гороглы, выбежал он навстречу ему, с почётом повёл его в мехманхану: «Добро пожаловать, батюшка!» Велел принести всяких лакомств и сластей, плов и шербет. Сам стоя, служил отцу.

Порадовался Гороглы, что сын его так с ним почтителен. Аваз-хан угостил отца, потом встал, поклонился и сказал:

«Тебе подвластны все в Теке-Явмут,
Всех выше реет ловчий твой беркут,
Живи и правь страною, благодетель,
Я радуюсь, что ты со мною тут.

О, пусть, пока сияет небосвод,
Чамбиль твой красной розою цветёт!
Ты цель открой мне своего прихода –
И сын твой прахом пред тобой падёт.

Летал ты на Гырате-скакуне,
Мечом врага рушил ты на войне,
Будь счастлив, мой отец и благодетель,
Скажи – что привело тебя ко мне?

Несутся кони в скачке по холмам.
Свой слух, отец, склони к моим речам.
Будь счастлив и позволь, о благодетель,
Мне веждами припасть к твоим стопам!»

Вежды (устар.) – веки, глаза.

Услыхав такие слова своего сына, Гороглы ещё больше обрадовался, расцвёл, как цветок, заулыбался, повеселел сердцем, наполненным радостью и, покручивая ус, молвил: «Это ты хорошо сказал! Для истинного узбека пожелание добра есть начало всякой речи. В былые времена один человек обиделся на меня за то, что я не сказал ему: «Добрый путь!»

Так ответил Гороглы и сказал такие слова:

«Я – хан Чамбиля. Только я дарю
Щит носороговый богатырю.
За то, что ты почтителен со мною,
Тебя я, сын мой, счастьем одарю!

Когда умру, страна Чамбиль – твоя.
Всё вашим будет, чем владею я!
Ты счастья мне желал – в твоей деснице
Теперь удача главная моя.

Торговцы вьючат перцем караван,
Цветут в горах черешни и тюльпан,
О сын, в твоей руке моя удача, –
Приехал нынче сватом я в твой стан.

Сам у тебя решил я гостем быть
И помысел свой тайный объяснить.
Две ветви дома моего навеки
Решил я ныне кровно породнить.

Я семи лет тебя к себе привёз,
Ты ел мой хлеб, не знал ни бед, ни слёз,
Дочь Гульанор ты выдай за Равшана!
Вот видишь – весть я добрую принёс!

Послушай, сын мой, старого отца:
До наступленья моего конца
Давай-ка внучку выдадим за внука
И матерей порадуем сердца!»

Услыхав это, Аваз-хан разгневался. Изогнулся он, как дракон, глаза его вспыхнули. И ответил он отцу своему Гороглы-беку: «Хо, отец! Значит, правду в старину говорили: чем старше человек, тем глупее? Ты ослабел разумом, уважаемый отец! Высохли твои мозги! Иначе ты не приехал бы сватом ко мне и не говорил бы таких речей. А если уж приехал, так поворачивай обратно и не задерживайся! Я никогда не выдам свою дочь за Равшана! Я его за ровню себе не считаю. Ты, видно, из ума выжил, дорогой отец?»

И ещё сказал Аваз-хан:

«Беда свалилась на голову мне,
Такого не увидишь и во сне.
Отец, какую глупость ты сказал!
Иди домой, подумай в тишине!

Прекрасна дочь моя, как вешний цвет,
Знать, ослабел твой ум на склоне лет!
Впредь только ровню сватай, властелин!
У сокола с вороной дружбы нет!

Ты дожил, благодетель, до седин, –
Что же от тебя я слышу, властелин?
Впредь только ровню сватай, мой отец!
Не ровня нам Хасана жалкий сын!

Рысь у коня арабского легка,
Средь храбрых я слыву за вожака.
Равшан? – не то что дочери моей,
Не стоит он и моего щенка.

Уйди, отец мой! Благо сотвори –
И сватать к нам не приходи, смотри!
Впредь только ровню сватай, мой отец!
Мне больше глупых слов не говори!

Таков, отец, последний мой ответ.
Я жив, и враг на мой наступит след.
Я не отдам Равшану Гульанор!
Дел общих у меня с Хасаном нет!»

Равшан стоял за дверью и всё слышал. Услышал он эти слова, – а ведь он был отроком, которого в жизни холодный ветерок не коснулся, не то что обидное слово. Слова Аваза пронзили ему грудь, как пуля из джазоила. Застонал Равшан, «ва! ва!» зарыдал и плача ушёл.

Обсудим вместе

1. Как встретил Аваз-хан своего отца?
2. Почему Аваз-хан называет себя соколом, а семью брата воронами?
3. Какие обряды и обычаи узбекского народа, описанные в произведении, вам запомнились и почему?

Практические задания

Прочитайте отрывок из дастана «Равшан» и перескажите его своими словами.

Домашнее задание

Напишите небольшой текст о сходстве и различиях между положительными героями уже известных вам произведений узбекского фольклора и дастана «Равшан».

Читаем продолжение дастана

Эти слова Аваза Гороглы-бек уразумел не сразу. Он был такой человек, что его не скоро проймёшь. Долго он сидел, всматриваясь в лицо Аваз-хана. В конце концов Гороглы-бек всё понял и вскипел. Усы у него поднялись торчком, словно мечи, брови нависли. «С каких пор ты стал соколом? И каким образом Хасан стал вороной? Чем Хасан хуже тебя? Так, значит, я виноват перед тобой, что приехал к тебе сватом? Так я из ума выжил, а у тебя ума прибавилось? Значит, – ты ни с того ни с сего стал мудрецом?»

И Гороглы сказал своему сыну Аваз-хану:

«Из боя в бой я на коне скакал,
Я надвое батыров рассекал.
О висельник! Скажи: давно ль ты сокол?
Ведь я тебя с Хасаном вместе взял!

Я посижу! А ты, бездельник, стой!
Ты мной возвышен, человек пустой!
Давно ли стал ты лучше Хасан-хана?
Вы оба для меня – в цене одной!»

Тут Аваз и Гороглы принялись спорить в просторной мехманхане. Один кричит: «Ты ничего не знаешь!» А другой: «Нет, ты не знаешь!» Один кричит: «Вот я на тебя посмотрю!» А другой: «Вот я тебе покажу!»

Пусть они спорят, а вы послушайте слово о Равшане.

Равшан шёл по пустынной улице и плакал. Его увидела Юнус-пери, выбежала, привела в свой дом и спрашивает: «Равшан, сынок, о чём ты горюешь?» Равшан ответил ей: «Это всё Аваз – будь он проклят!»

«Дитя моё, за что ты бранишь Аваза?» – спросила Юнус-пери. Равшан ответил: «О бабушка, пошёл мой дед Гороглы сватать мне Гульанор. А дядя Аваз ответил ему: «Дочь свою за Равшана не отдам, он мне не ровня!» И назвал себя соколом, а нас воронами.

Если я хуже Аваза, я в степь уйду! Пусть Чамбиль остаётся Авазу!»

Юнус-пери засмеялась и сказала: «Дитя, не печалься! Недаром говорят: «Кто дочь имеет, тот и важничает». Не огорчайся, Равшан, вот я сейчас сама схожу да погляжу, что в дочке его особенного. Да я хоть силой, а тебе эту Гульанор достану! Эх, дети, да разве мужчины плачут?»

Юнус-пери собралась было в недальний путь, но подумала: «Как бы он без меня и в самом деле не ушёл? Дам-ка я ему волшебное кольцо, пусть позабавится…»

«Посмотри, Равшан, какое славное кольцо! А я пойду к Авазу, живо столкуюсь о свадьбе и скоро вернусь».

Пери ушла. Равшан смотрит на кольцо, а на кольце начертаны какие-то письмена. И есть на кольце замок, которому подвластны все пери и дэвы вселенной.

В этом кольце была волшебная сила, стоящая всех царств земли. Написаны были на перстне имена самых редких красавиц. Над именами самых красивых помещались их изображения. У оправы перстня выделялся портрет Зульхумар, дочери ширванского падишаха Карахана.

Увидев её изображение, Равшан влюбился в неё и сказал: «Если мне не суждена дочь Аваза, пусть будет моею дочь Карахана».

[Влюбившись в увиденное им на перстне бабушки Юнус-пери изображение красавицы Зульхумар, дочери падишаха Карахана, Равшан отправляется за ней в Ширван (нынешняя территория Азербайджана). Скакать ему до тех мест пришлось три месяца по пескам и пустыням].

Исполнился отваги Равшан. Стан свой дважды походным поясом перетянул, надел на палец волшебный перстень, пришёл к себе домой. А у Хасан-хана, отца его, был крылатый конь Джейранкуш, на котором Хасан-хан выезжал только на войну.

Равшан пошёл прямо к стойлу Джейранкуша. Это был такой конь: ноги стройные, крепкие, бока широкие; бег его – полёт ястреба. Вывел Равшан Джейранкуша из стойла, привязал его к приколу и, поглаживая, начал седлать.

Садовник розу лучшую сорвёт,
Отважные в бою идут вперёд.
Снял Равшан-хан попону с Джейранкуша,
Стал скакуна он снаряжать в поход.

В пустыне пеший выбьется из сил.
Джигиту добрый конь надёжней крыл.
Потник из шёлка, мягкий и пушистый,
Равшан на Джейранкуша положил.

Потник – войлок, который обязательно используют в качестве подкладки между седлом и спиной лошади.

Средь беков молодца уважит всяк,
Строитель тешит скобелем косяк.
На шёлковый потник Равшан накинул
Тиснёный алый бархатный чепрак.

Чепрак – подстилка из ткани под седло поверх потника, служащая для украшения.

Любуйтесь, отроки-озорники,
Умением Равшановой руки!
Учитесь, как Равшан коня седлает,
Как войлочные он кладёт пуки.

Нет, он не мог в Чамбиле усидеть,
Чем снесть обиду – лучше умереть!
С любовью Равшан коня седлает,
Чтоб спину в кровь в пути не растереть.

Пук – связка, небольшая охапка однородных предметов, пучок.

Писанье для учёного светло,
Послушно воле мастера сверло.
Поверх всего он с золотой пукою
Серебряное положил седло.

Крепясь душою из последних сил,
Равшан седлал коня и слёзы лил,
А по бокам коня два золотых
Чеканных стремени он опустил.

Конь, покосясь на юношу, вздохнул.
Блестящей мягкой гривою тряхнул,
На нём Равшан заботливо и туго
Подпругу шёлковую подтянул.

Красавицами полон мир земной,
Тоскует он о Зульхумар одной.
Поверх всего он золотом расшитой
Покрыл коня попоной дорогой.

В садах бульбуль поёт, всю ночь звеня,
Сгинь, призрак смерти, солнца не темня!..
Попоны этой кисти ниспадали
До стройных бабок славного коня.

На грудь коню проворною рукой
Надел Равшан нагрудник золотой,
Кутас на шею длинную повесил,
Взнуздал его блестящею уздой.

Стальные удила грызёт Джейран,
Мечом-ханжаром опоясав стан,
В своей одежде красной, как тюльпан,
Джигитом смотрит истинным Равшан.
Сказав себе: «Добудь же честь и славу!» –
Собрался он скакать в страну Ширван.

Досель не знавший ратного труда,
Он вспыхнул, как рассветная звезда,
На Джейранкуша сел и в путь далёкий
Отправился из отчего гнезда.

Бульбуль – вид певчих птиц, соловей.

Попона – часть сбруи лошади, покрывало, накидываемое на круп лошади для её защиты от переохлаждения или насекомых.

Кутас – украшение в виде шнура с кистями, подвеска на шнуре.

Выехал он со двора на Джейранкуше, мысленно попрощался с дедом, отцом и матерью и поскакал по пустынной улице, красуясь в седле, как цветок. Играет под ним конь Джейранкуш. Подъехал Равшан к воротам крепости, а у ворот его отец Хасан-хан сидел со старым привратником. Они были большие друзья, проводили в беседах целые дни, ни в чём друг другу не перечили.

Смотрит Хасан-хан: какой-то молодой джигит, как цветок расцветший, как алая роза, красующийся, подскакал к воротам, резвый конь под ним играет, стан джигита мечом перепоясан, за плечом джигита острое копьё, и одет он не то на праздник, не то на бой. Не узнал Хасан сына. Равшан до сих пор ходил в школу в халате и в чалме. Никогда не видел Хасан-хан сына в пышном боевом одеянии.

Хасан-хан-батыр глядит:

Дивной красоты джигит
На лихом коне летит.
В яхонтах и серебре
Сабля на его бедре,
За спиной копьё блестит.

Как на праздник, снаряжён,
Как на бой, вооружён,
Подскакал к ним Равшан-хан,
Сына не узнал Хасан.

Ведь ещё ни разу он
В снаряжении таком,
Удалецком, боевом,
Не являлся пред отцом.

Удалецкий – свойственный удальцу, характерный для него, преисполненный удали, задора.

И сказал он привратнику: «Славный джигит этот юноша! Какому счастливцу отцу он приходится сыном?» Привратник поглядел на Равшана и сказал: «Да, добрый джигит! Хвала его отцу, радость его матери!»

Равшан, увидев отца, остановился в растерянности, не зная, как проехать мимо. Привратник же, увидев, с каким уважением джигит осадил перед ними коня, вгляделся и сказал своему приятелю Хасан-хану: «Хо, друг! Мы оба не узнали твоего сына! Этот джигит статный, как кречет, – это твой сын – Равшан-бек». И сказал привратник Хасан-хану такие слова:

«Не проливай напрасных слёз, отец!
Ты радости дождался наконец.
Во всаднике с осанкой соколиной
Не узнан нами нежный твой птенец!

Кречет – птица из семейства соколиных.

Как селезень на глади светлых вод,
Он в дальний изготовился полёт.
Его желанью, друг мой, не препятствуй,
Куда б он ни направил свой полёт.

Да, он мужчина с головы до ног!
Ему к лицу алмазный твой клинок.
Он рвётся в путь. Так не препятствуй сыну,
Хоть и не знаем мы его дорог!

Хребет Чамбильских гор его вскормил,
И полный сил, он к небу гордо взмыл.
О друг! Не возвращай его с дороги,
Куда бы крыльев он не устремил.

Боязнь за сына в сердце побори,
Запрета строгого не говори!
О, не отказывай ему в желанном, –
Ворота в мир любимцу отвори!»

Домашнее задание

Творческое задание. Придумайте и напишите свою версию первой встречи Равшана и Зульхумар. Пусть это будет история в стиле узбекского дастана.

Читаем продолжение дастана

Тут узнал Хасан-хан единственного сына своего, лучшего юношу Чамбиля. Поднялся Хасан-хан с места, подошёл, взял Джейранкуша за повод, вздохнул: «Вот беда-то!» И сказал своему сыну:

«Уедешь ты – мой край затмится тьмой,
Дом рухнет, сгорбит скорбь мой стан прямой,
Как рано с наших гор взлетел, как смело,
О сын любимый, ненаглядный мой!

Ты драгоценный мой бобёр речной,
Ты с неба к нам спустившийся звездой,
Ты вырос, вижу, сел на Джейранкуша,
В слезах, в молитвах вымоленный мной.

Не будет сокрушениям конца
У матери твоей и у отца,
Коль ты и впрямь уедешь из Чамбиля,
В разлуке истерзаются сердца.

О сокол мой! Высоко ты парил!
Мой попугай! Ты сладко говорил!
Скажи, мой сын, в какой предел далёкий
Ты свой полёт, как голубь, устремил?

Я – хан Чамбиля, смерть врагам я нёс,
И вот теперь не удержать мне слёз,
Как быть мне без тебя? – Моих стенаний
Не выдержит и каменный утёс.

Но без тебя на что мне белый свет?
Пойдёшь дорогой счастья или бед –
И я с тобой пойду, куда захочешь, –
Мне без тебя, мой светоч, жизни нет!

Глазам отца ты был милей всего,
Единственной надеждою его.
Куда ж ты, мой красавец тонкобровый,
Сынок мой, радость сердца моего?

Моим ты сердцем и душою был,
Опорой моего покоя был.
Ты всё моё богатство! Я был счастлив
Лишь в те часы, когда с тобою был.

Скажи мне, сын мой, что с тобой стряслось?
Скажи – или увяну я от слёз.
Из-за чего внезапно нас покинуть
В твоей душе решенье родилось?»

Увидев, что Равшан слова не в силах вымолвить, вновь к нему обратился Хасан-хан:

«Мой свежий вешний цвет, мой яр – будь счастлив!
Мой к тучам рвущийся шункар, – будь счастлив!
О мой ягнёнок, мой кучкар, – будь счастлив!
Мой свежий саженец-чинар, – будь счастлив!
Гранат мой, лета сладкий дар, – будь счастлив!

Шункар – кречет, сокол, охотничья птица семейства соколиных.

Кучкар – баран-самец, в переносном значении – сильный, главный.

Дитя родное, верблюжонок мой,
Цветок граната вешнею порой,
Моя броня, мой щит, мой шлем стальной,
Как жар, горящий меч мой боевой,
Товаров полный мой базар, – будь счастлив!»

Равшан был подавлен величавой речью отца. Стыд одолевал его. Не зная, что делать, опустил он голову. Проскакать мимо, ничего не ответив отцу, – нельзя, а рассказать – стыдно.

И всё же Равшан собрался с духом и сказал отцу своему, Хасан-хану:

«Я от стыда едва слова вяжу,
В обиде я, отец мой, ухожу!
Пока обиды тяжкой я не смою.
Я не вернусь к родному рубежу!

Да сохранит Бова Занги-чабан
Идущий с красным перцем караван!
Ходил сегодня сватать дочь Аваза
Чамбильский властелин Гороглы-хан.

Обидел властелина в чёрный час,
Не отдал дочку негодяй Аваз.
Себя назвал орлом, конём арабским,
Воронами потом назвал он нас.

Такая ложь зазорнее плетей,
Что рассекает тело до костей.
Пока жены достойной не найду я,
Отец, не ждите от меня вестей!

Коль не смогу я подвига свершить,
И все преграды смять и сокрушить,
И лучшей не найду, чем дочь Аваза, –
В стране отцов я недостоин жить!

Не потушу ничем душевный жар…
С Чамбильских гор поднявшись, как шункар,
Дочь Карахана-шаха взять хочу я,
Прославленную в мире Зульхумар!

Да будет позволенье мне дано
И с ним благословенье мне дано!

Но дашь иль нет ты мне благословенье,
Отец мой, я уеду всё равно!

Отец, не за невестой еду я, –
За вас, за род наш честный еду я!
Прошу, отец, благословенье дай мне!
В далёкий край безвестный еду я!»

Выслушав сына, обиделся Хасан-хан на брата своего Аваза. Стоял он молча и не мог придумать, что сказать сыну. До страны Ширван три месяца пути по безводной пустыне, и народ ширванский издавна враждебен народу Теке-Явмут. Вздохнул Хасан-хан: «Правду говорят: единственное дитя хуже недруга!» Ему не то, что в Ширван, на дальний базар не хотелось отпускать сына.

И тут сказал привратник своему другу Хасану: «Любезный приятель! Дай ему благословенье в дорогу! Не перечь его желанию и не спорь со мной, милый друг!»

Хасан-хан был отважный муж. «Э, будь что будет!.. Отпущу его!» Так, подбадривая сам себя, он сказал Равшану:

«О мой орёл! В страну Ширван лети!
Я верю: все преграды на пути
Преодолев, ты невредим вернёшься –
И к нам Хумар сумеешь привезти!

В далёкий край, как сокол, мчись, мой сын!
Во вражий стан, как барс, ворвись, мой сын!
Здрав будь и невредим, о мой любимый!
Благополучно воротись, мой сын!»

Благословил Хасан-хан сына своего, провёл ладонями по лицу и сказал: «Добрый тебе путь, сынок! Да осенит господь твоё чело!»

Равшан-бек, получив благословение отца, тронул коня и выехал за ворота.

Полный надежд, с радостным сердцем он поскакал в сторону Ширвана.

В полдень степи, что огонь.
Через степи мчится конь,
Обгоняет быстрых птиц,
Чуть бедро камчою тронь.

Камча – плеть или кнут, орудие всадника для управления лошадью.

Много дней Равшан-бек скакал
По степям и по кручам скал.
На привал нигде не вставал –
Спал в седле, когда уставал.
Девяносто дней путь держал.

Когда увидал Равшан-бек красоту и великолепие своей Зульхумар-ай, он полюбил её в сто раз сильнее, чем прежде.

Глядит Зульхумар на гостя своего, на его богатырскую стать и осанку, плечи широкие, щёки, как яблоки спелые. Кто увидит его красоту, тот разум теряет. Одежда, шитая золотом, очень ему к лицу.

Зульхумар с места встала, руки на груди сложила, бровью повела и сказала:

«Ты по осанке – сокол, статный воин,
Ты падишахских почестей достоин,
Здесь будешь ты и счастлив, и спокоен,
Добро пожаловать, мой дом – твой дом.

Царём страны Ширван ты будешь скоро,
Тебе – мой трон и золотая шпора.
И для охоты лунные озёра,
Добро пожаловать, мой дом – твой дом».

Но Равшан не принял чаши из рук Зульхумар. Он сказал ей:

«Ради тебя я покинул Чамбиль – родную страну, отца моего – Хасан-хана отважного, мать заботливую Хан-Делли, я покинул родную страну и народ, стал я странником, одиноким скитальцем, много я в пути испытал и, наконец, нашёл я тебя, достиг цели моих желаний. Но твой отец Карахан жесток. Я боюсь, что, устрашённая отцом, откажешься ты от меня».

Зульхумар отвечала ему:

«Ещё не ведая, кто ты такой,
Лишь по тебе томилась я тоской,
Я душу за тебя отдать готова,
Не бойся ничего, любимый мой.

Нет, никуда тебя не отпущу,
Уйти захочешь, за полы схвачу,
Где будешь ты, мне там отчизна будет,
С тобой, куда захочешь, полечу».

[Но перед влюблёнными героями эпоса встали непреодолимые преграды, словно сама судьба испытывала их чувства на прочность. Возникли суровые испытания, сплетающие в единое целое силу обстоятельств, волю недоброжелателей и капризы рока, которые грозили разлучить их сердца и поставить под сомнение саму возможность счастья. От придворной девушки шах Карахан узнаёт о любви Равшана и своей дочери. Разгневанный Карахан приказал бросить юношу в тюрьму, собираясь казнить его. Письмо, привязанное Зульхумар к крылу скворца, извещает родных Равшана о его участи. Отец Равшана Хасан-хан, своевременно прибывший в Ширван, к месту предполагаемой казни сына, вместе с его друзьями, одерживает победу над войском Карахана и освобождает Равшана].

Зульхумар-аим за Равшана замуж вышла. А когда окончился свадебный пир, Хасан-хан собрал всех больших и малых людей Ширвана и передал власть над страной Ширван своим друзьям, четырём братьям. Взял потом Хасан-хан сына своего Равшана и невестку свою Зульхумар и отправился с ними домой в Чамбиль.

Три месяца ехал Хасан-хан и все с ним по безводным степям, по высоким горам и, наконец, достигли Чамбиля. Гороглы, и обе пери, и мать Равшана Хан-Делли, и сорок джигитов-удальцов выехали их встречать и всех с почестями в Чамбиль доставили. Гороглы-бек по всей стране Теке-Явмут разослал гонцов, созвал гостей и в честь Зульхумар устроил большой той. Той продолжался сорок дней и закончился раздачей богатых подарков.

Так исполнились все их желания.

Перевод В. Державина

Обсудим вместе

1. Что такое дастан? Какие особенности этого жанра делают его уникальным?
2. Какова сюжетная структура традиционного дастана? Какие основные элементы входят в его композицию?
3. Кто такие Алпамыш, Гороглы и Равшан? Чем они схожи и чем отличаются?
4. Как в дастане «Равшан» раскрываются темы справедливости, любви и преданности?
5. Какую роль играли народные сказители, исполняя устные произведения фольклора?
6. Какие фантастические элементы можно встретить в узбекских дастанах? Как они влияют на сюжет?
7. Подумайте, что могут символизировать образы орла, сокола и как они помогают ярче показать такие качества героя, как сила, мудрость и свобода.
8. Почему Хасан-хан, провожая Равшана в дальний путь, сказал: «Правду говорят: единственное дитя хуже недруга!»?

Практические задания

Работа с текстом. Найдите в дастане «Равшан» примеры гиперболизации и объясните, как они помогают создать образ героя. Какие художественные сравнения приводятся в тексте?

Творческое задание. Под руководством учителя подготовьте и разыграйте какую-либо сцену из дастана «Равшан».

Домашнее задание

Нарисуйте красочную сцену из дастана «Равшан» или из другого произведения узбекского фольклора.

АЛИШЕР НАВОИ
1441–1501

А. Навои (настоящее имя – Гиясиддин Мир Алишер) – великий поэт, мыслитель, государственный деятель – по праву считается основоположником узбекского языка и родоначальником узбекской классической литературы.

Творческое наследие Алишера Навои является духовным достоянием не только узбекского народа, но и всего человечества. Навои создал произведение «Хамса» («Пятерица»), состоящее из пяти поэм: «Смятение праведных», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь планет», «Стена Искандера». Его стихи – это музыка души, где звучат любовь, мудрость и мечты о справедливом мире. Он оставил сокровищницу слов, в которой каждое – словно драгоценный камень.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что вы знаете о жизни Алишера Навои?
2. С какими произведениями великого поэта вы уже знакомы?
3. Назовите качества, которыми должен обладать человек, чтобы его считали великим поэтом и мыслителем.
4. Как вы думаете, какие темы могли волновать поэта, жившего в XV столетии?

ЖАНР РУБАИ В УЗБЕКСКОЙ ЛИРИКЕ

Рубаи – форма лирической поэзии, широко распространённая на Ближнем и Среднем Востоке (наравне с газелью и касыдой). В письменной литературе она появляется в IX–X вв. По содержанию, в большинстве случаев, – это размышления философского характера, осмысление социально-исторических явлений и утверждение определённых норм поведения человека.

Слово **«рубаи»** в переводе с арабского языка означает «учетверённый». Стихотворение обычно строится из четырёх строк (двух бейтов), рифмующихся как *ааба*, реже – *аааа*, то есть рифмуются первая, вторая и четвёртая (иногда все четыре) строки. Каждое четверостишие заключает в себе законченную мысль.

Наиболее известные авторы рубаи – Омар Хайям, Захириддин Мухаммад Бабур, Алишер Навои и др.

Обсудим вместе

1. Какие жанры восточной лирики вы знаете? Назовите их.
2. Пользуясь полученными ранее знаниями, вспомните, чем газель отличается от рубаи. Приведите примеры, характеризующие эти отличия.

РУБАИ АЛИШЕРА НАВОИ

Творчество Алишера Навои велико, наследие его по обширности тематики и по жанру разнообразно. Поэт создал огромное количество лирических произведений, которые, начиная с XV века и по сей день, служат развитию узбекской литературы. Веками поэзия А. Навои являлась объектом подражания и воодушевления. «Чудеса детства», «Редкости юности», «Диковины средних лет», «Назидания старости», в которые Навои включил свои лучшие стихотворные творения (касыды, газели, кытъа и рубаи), написаны на тюркском (староузбекском) языке.

Алишер Навои писал стихи, поэмы, прозаические произведения, научные трактаты, в которых большое значение придавал разуму человека, с чем не сравнятся никакие алмазы и рубины. В своих стихах он воспевал скромность, доброту, любовь к Родине, к людям. Все эти качества и в наши дни являются истинными ценностями во всём мире.

Книга Навои «Жемчужные строфы» («Назм ул-жавохир») представляет собой стихотворное «ожерелье из жемчуга», созданное на основе мудрых изречений халифа Али, изложенных в книге «Драгоценности в прозе» («Наср ул-лаъолий») на арабском языке. Алишер Навои перевёл нравоучительные высказывания на узбекский язык в четверостишиях (рубаи), используя стихотворную форму, где все четыре строки рифмуются между собой. В переводе на русский язык рифма может менять положение. Рассказывая о том, как он выполнил эту работу, Навои писал: «Эти драгоценности я переложил в стихи, сохраняя сущность их содержания. Для каждой ценной мысли я сочинил соответствующую мелодию, скрывая в них много жемчужин».

Сокровища Али в стихи переложив,
Сковал я рифмой суть их содержанья.
Для каждой мысли я свою мелодию сложил,
Являя миру их жемчужное сиянье.

Эти мудрые наставления необходимо изучать и по мере возможности соблюдать, ибо они имеют огромное значение для совершенствования человека.

Домашнее задание

С помощью надёжных источников информации (например, энциклопедий, научных статей в интернете, книг из библиотеки) найдите и запишите 5 интересных фактов о жизни и деятельности Алишера Навои — как поэта и государственного деятеля.

Читаем рубаи

РУБАИ

1

Ты близким и родным своим добра желаешь?
Им знаний океан открой, уроки благородства преподай,
В нелёгком деле воспитанья жесток, настойчив будь,
Так пользу принесёшь и верный им покажешь путь.

2

Власть получив, ты не стремись скопить всё серебро и злато,
Ведь в тёмный час судьбы не ими будет жизнь твоя полна:
Делами добрыми да будем мы богаты!
Сокровища души цените выше вы, чем злато.

3

Душа твоя отцу подножьем стать пусть истово стремится,
Пред матерью главу склонив, опорой крепкой будь.
Заря прекрасна, если их закат над головой лучится,
Спеши украсить старость им, заботой озари их путь.

4

Лишь тот заслужит исполнения желаний,
Кто выбрал для себя тропу терпенья.
Ты этот дар храни, как знак благих деяний,
И как начало восхождения к свершеньям.

5

Язык – оружье наше, но грозит бедой,
Когда хозяину он неподвластен,
Язык для болтуна убийцей может стать, –
Словами тот плодит свои несчастья.

6

Да не пошлёт вам небо времена лихие,
Когда обычай ваш – вершить дела благие.
Благодеянье будет пусть вам украшеньем,
А радость на душе от добрых дел – их повтореньем.

7

О руки Мастера, вы – чаши две весов,
Наполненные золотом отцов.
Не клад ищи, а тайны ремесла постичь спеши,
И в том найдёшь ты радость для души.

8

Высокомерье – корень алчности порока,
Вослед за ним корыстолюбье поразит жестоко.
Одни страданья принесут вам эти два порока!
Леченье есть: избавиться от них до срока.

9

Великодушен будь, прощай грехи людей,
Старайся пользу им нести неутомимо.
Облегчить горе людям – цель себе поставь,
И благодарность будет их неизмерима.

10

Отцу родному ты как вечный раб служи,
Усердьем этим постигая счастья ремесло.
Словам отца себе такое послушание внуши,
Дабы к сынам занятье это перешло.

11

Достойны мудрецы почтения народа,
Им – знаки уважения и преклонений.
Они покажут верные пути исхода.
Их знания – превыше всех твоих молений.

12

Кто средь людей своим умом прославлен,
За знания его признают даже мудрецы.
Фамильным древом чем без устали кичиться,
Не лучше ли своей учёностью гордиться?

Перевод Д. Азимовой.

Обсудим вместе

1. О каких ценностях человеческой жизни поэт говорит в прочитанных вами рубаи?
2. Как вы думаете, какие положительные качества человека можно было бы добавить в список уже названных поэтом в своих рубаи?
3. Какую основную мысль передаёт каждое четверостишие?
4. Какое из высказываний Алишера Навои, изложенных им в четверостишиях, вам ближе всего? Почему? Ответ должен быть аргументированным.
5. О каких важных для человека ценностях говорит поэт?
6. Какие места, учреждения или памятники в Узбекистане названы в честь Алишера Навои и как в нашей стране сохраняется память о его наследии?

Практические задания

Исследовательское задание. Под руководством учителя всем классом создайте виртуальную галерею, посвящённую Алишеру Навои. Включите в неё портреты поэта, созданные разными художниками, а также иллюстрации к его произведениям. Найдите изображения в книгах или в интернете, добавьте к каждому краткое описание (что изображено, кто автор, если известно) и оформите работу в виде презентации, коллажа или альбома.

Творческое задание. Выберите одно из понравившихся вам рубаи Алишера Навои на узбекском языке и попробуйте перевести его на русский язык. А вдруг это будет вашим первым творческим достижением?!

Домашнее задание

Выучите наизусть 4-5 рубаи и попробуйте прочитать выразительно, правильно расставляя логические ударения и паузы.

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ
1900–1944

А. де Сент-Экзюпери – отважный французский лётчик, мечтатель и писатель, подаривший миру «Маленького принца» – сказку о дружбе, любви и чудесах, скрытых за привычным. Его творчество соединяет простоту детской души с глубиной философских идей. Произведения Экзюпери учат нас видеть главное сердцем и ценить человеческие взаимоотношения.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что для вас значит дружба? Какими качествами должен обладать настоящий друг?
2. Какие отношения между взрослыми и детьми вам кажутся правильными? Почему?
3. Что, по-вашему, делает человека взрослым – возраст, поступки или что-то другое?

О «МАЛЕНЬКОМ ПРИНЦЕ»

Когда лётчик пролетал над Сахарой, его самолёт сломался. Он совершил вынужденную посадку посреди пустыни и начал чинить самолёт. Однажды на рассвете лётчика разбудил неизвестно откуда взявшийся маленький мальчик. Это был Маленький принц. Лётчик привязался к Маленькому принцу. Беседуя с ним, лётчик узнал, что мальчик прилетел с маленького астероида В-612. Принц одиноко жил на своей планетке, готовил еду на двух вулканах высотой ему по колено и выпалывал ростки баобабов по утрам, пока однажды на астероид не занесло семя, из которого выросла прекрасная роза. Маленький принц был восхищён гостьей и полюбил её, но роза оказалась гордой и обидчивой. Она измучила Маленького принца своими капризами, и он отправился в долгое путешествие.

Герой сказки посетил шесть ближайших астероидов, на которых жили король, честолюбец, пьяница, делец, фонарщик и географ, а затем прилетел на Землю. Принц приземлился посреди Сахары и встретил змею, которая пообещала с помощью своего яда вернуть его домой, когда он захочет. Затем Маленький принц набрёл на целый сад из роз и понял, что его роза не уникальна. От этого ему стало очень грустно, но тут к нему подошёл мудрый Лис и объяснил, что вещь, человека или цветок надо приручить, только тогда они станут единственными на свете, непохожими на других.

Маленький принц понял, что роза давно приручила его. Он захотел вернуться к розе и воспользовался помощью змеи. На прощание Маленький принц подарил лётчику, которого сумел приручить, свой звонкий смех – лётчик всегда будет слышать его, глядя на звёзды.

Читаем произведение

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

(в сокращении)

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый – мой самый лучший друг. И ещё: он понимает всё на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живёт во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же всё это меня не оправдывает, я посвящу эту книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение: Леону Верту, когда он был маленьким.

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея – удав – глотала хищного зверя. Вот как это было нарисовано:

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок №1. Вот что я нарисовал:

Я показал моё творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

– Разве шляпа страшная? – возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно всё объяснять. Это мой рисунок №2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками №1 и №2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на лётчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьёшься с пути.

На своём веку я много встречал разных серьёзных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок №1 – я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звёздах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

II

Так я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолёта. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

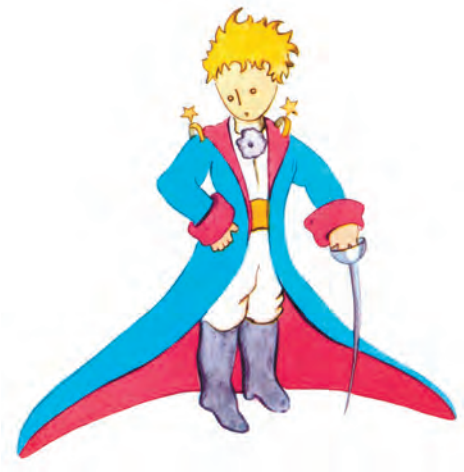
Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, – и тот был бы не так одинок. Вообразите же моё удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

– Пожалуйста… нарисуй мне барашка!

– А?..

– Нарисуй мне барашка…

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьёзно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моём рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художник из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов – снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребёнок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

– Но… что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьёзно:

– Пожалуйста… нарисуй барашка…

Всё это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я всё-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать. Он ответил:

– Всё равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать – удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

– Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасен, а слон слишком большой. У меня дома всё очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

– Нет, этот барашек уже совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

– Ты же сам видишь, – сказал он, – это не барашек. Это большой баран. У него рога…

Я опять нарисовал по-другому. Но он и от этого рисунка отказался:

– Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение – ведь мне надо было поскорей разобрать мотор – и нацарапал ящик.

И сказал малышу:

– Вот тебе ящик. А в нём сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

– Вот это хорошо! Как ты думаешь, много этому барашку надо травы?

– А что?

– Ведь у меня дома всего очень мало…

– Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

– Не такой уж он маленький… – сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. – Смотри-ка! Он уснул…

Так я познакомился с Маленьким принцем.

Обсудим вместе

1. Почему рисунок рассказчика в начале книги не был понятен взрослым?
2. Что символизирует история с нарисованной змеёй, проглотившей слона? Почему взрослые не видят в этом рисунке ничего необычного?
3. Какую роль играют воображение и восприятие в первой главе? Прав ли рассказчик, считающий, что взрослые теряют способность воспринимать мир через воображение?

Домашнее задание

Опишите Маленького принца по прочитанному фрагменту. Каким вы его себе представляете?

Читаем продолжение произведения

IV

Я охотно начал бы эту повесть как волшебную сказку. Я хотел бы начать так:

«Жил да был Маленький принц. Он жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга…» Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу бы увидели, что всё это чистая правда.

Ибо я совсем не хочу, чтобы мою книжку читали просто ради забавы. Сердце моё больно сжимается, когда я вспоминаю моего маленького друга, и нелегко мне о нём говорить. Прошло уже шесть лет с тех пор, как он вместе со своим барашком покинул меня. И я пытаюсь рассказать о нём для того, чтобы его не забыть. Это очень печально, когда забывают друзей. Не у всякого есть друг. И я боюсь стать таким, как взрослые, которым ничто не интересно, кроме цифр. Вот ещё и поэтому я купил ящик с красками и цветные карандаши. Не так это просто – в моём возрасте вновь приниматься за рисование, если за всю свою жизнь только и нарисовал что удава снаружи и изнутри, да и то в шесть лет! Конечно, я постараюсь передать сходство как можно лучше. Но я совсем не уверен, что у меня это получится. Один портрет выходит удачно, а другой ни капли не похож. Вот и с ростом тоже: на одном рисунке принц у меня вышел чересчур большой, на другом – чересчур маленький. И я плохо помню, какого цвета была его одежда. Я пробую рисовать и так и эдак, наугад, с грехом пополам. Наконец, я могу ошибиться и в каких-то важных подробностях. Но вы уж не взыщите. Мой друг никогда мне ничего не объяснял. Может быть, он думал, что я такой же, как он. Но я, к сожалению, не умею увидеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я немного похож на взрослых. Наверно, я старею.

V

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он её покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабами.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

– Скажи, ведь правда, барашки едят кусты?

– Да, правда.

– Вот хорошо!

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил:

– Значит, они и баобабы тоже едят?

Я возразил, что баобабы – не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и, если даже он приведёт целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услыхав про слонов, Маленький принц засмеялся:

– Их пришлось бы поставить друг на друга…

А потом сказал рассудительно:

– Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

– Это верно. Но зачем твоему барашку есть маленькие баобабы?

– А как же! – воскликнул он, словно речь шла о самых простых, азбучных истинах.

И пришлось мне поломать голову, пока я додумался, в чём тут дело.

На планете Маленького принца, как на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землёй, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к солнцу, сперва такой милый и безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть растёт на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать её с корнем, как только её узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена… это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронижет её насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут её на клочки.

– Есть такое твёрдое правило, – сказал мне позднее Маленький принц. – Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная.

Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли.

– Если им когда-нибудь придётся путешествовать, – сказал он, – это им пригодится. Иная работа может и подождать немного, вреда не будет. Но если дашь волю баобабам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполол вовремя три кустика…

XIX

Маленький принц поднялся на высокую гору. Прежде он никогда не видал гор, кроме своих трёх вулканов, которые были ему по колено. Потухший вулкан служил ему табуретом. И теперь он подумал: «С такой высокой горы я сразу увижу всю эту планету и всех людей». Но увидел только скалы, острые и тонкие, как иглы.

– Добрый день, – сказал он на всякий случай.

– Добрый день… день… день… – откликнулось эхо.

– Кто вы? – спросил Маленький принц.

– Кто вы… кто вы… кто вы… – откликнулось эхо.

– Будем друзьями, я совсем один, – сказал он.

– Один… один… один… – откликнулось эхо.

«Какая странная планета! – подумал Маленький принц. – Совсем сухая, вся в иглах и солёная. И у людей не хватает воображения. Они только повторяют то, что им скажешь… Дома у меня был цветок, моя краса и радость, и он всегда заговаривал первым».

XX

Долго шёл Маленький принц через пески, скалы и снега и, наконец, набрёл на дорогу. А все дороги ведут к людям.

– Добрый день, – сказал он.

Перед ним был сад, полный роз.

– Добрый день, – отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

– Кто вы? – спросил он, поражённый.

– Мы – розы, – отвечали розы.

– Вот как… – промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

«Как бы она рассердилась, если бы увидела их! – подумал Маленький принц. – Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, ведь иначе она и вправду бы умерла, лишь бы унизить и меня тоже…»

А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух и, может быть, навсегда… какой же я после этого принц…»

Он лёг в траву и заплакал.

Обсудим вместе

1. Почему баобабы обозначают опасность в истории о Маленьком принце?
2. Как роль барашка связана с изображением баобабов?
3. Почему принц так заботится о своей планете и о том, чтобы не дать баобабам вырасти? Какие уроки бережливости и ответственности наравне с принцем усваивает читатель через эту ситуацию?

Домашнее задание

Найдите в тексте наиболее значимые афоризмы (краткие, но глубокие по смыслу высказывания) и выпишите их. Объясните, какие чувства и мысли они у вас вызывают.

Читаем продолжение произведения

XXI

Вот тут-то и появился Лис.

– Здравствуй, – сказал он.

– Здравствуй, – вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

– Я здесь, – послышался голос. – Под яблоней…

– Кто ты? – спросил Маленький принц. – Какой ты красивый!

– Я – Лис, – сказал Лис.

– Поиграй со мной, – попросил Маленький принц. – Мне так грустно…

– Не могу я с тобой играть, – сказал Лис. – Я не приручен.

– Ах, извини, – сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

– А как это – приручить?

– Ты не здешний, – заметил Лис. – Что ты здесь ищешь?

– Людей ищу, – сказал Маленький принц. – А как это – приручить?

– У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И ещё они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

– Нет, – сказал Маленький принц. – Я ищу друзей. А как это – приручить?

– Это давно забытое понятие, – объяснил Лис. – Оно означает: создать узы.

– Узы?

– Вот именно, – сказал Лис. – Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете…

– Я начинаю понимать, – сказал Маленький принц. – Была одна роза… наверно, она меня приручила…

– Очень возможно, – согласился Лис. – На Земле чего только не бывает.

– Это было не на Земле, – сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

– На другой планете?

– Да.

– А на той планете есть охотники?

– Нет.

– Как интересно! А куры есть?

– Нет.

– Нет в мире совершенства! – вздохнул Лис.

Но потом он вновь заговорил о том же:

– Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живётся мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч

других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовёт меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом – смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чём мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру…

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

– Пожалуйста… приручи меня!

– Я бы рад, – отвечал Маленький принц, – но у меня так мало времени. Мне ещё надо найти друзей и узнать разные вещи.

– Узнать можно только те вещи, которые приручишь, – сказал Лис. – У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

– А что для этого надо делать? – спросил Маленький принц.

– Надо запастись терпеньем, – ответил Лис. – Сперва сядь вон там, поодаль, на траву – вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днём садись немножко ближе…

Назавтра Маленький принц вновь пришёл на то же место.

– Лучше приходи всегда в один и тот же час, – попросил Лис. – Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трёх часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить своё сердце… Нужно соблюдать обряды.

– А что такое обряды? – спросил Маленький принц.

– Это тоже нечто давно забытое, – объяснил Лис. – Нечто такое, отчего один какой-то день становится не похож на все другие дни, один час – на все другие часы. Вот, например, у моих охотников есть такой обряд: по четвергам они танцуют с деревенскими девушками. И какой же это чудесный день – четверг! Я отправляюсь на прогулку и дохожу до самого виноградника. А если бы охотники танцевали когда придётся, все дни были бы одинаковы и я никогда не знал бы отдыха.

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

– Я буду плакать о тебе, – вздохнул Лис.

– Ты сам виноват, – сказал Маленький принц. – Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил…

– Да, конечно, – сказал Лис.

– Но ты будешь плакать!

– Да, конечно.

– Значит, тебе от этого плохо.

– Нет, – возразил Лис, – мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

– Поди взгляни ещё раз на розы. Ты поймёшь, что твоя роза – единственная в мире. А когда вернёшься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошёл взглянуть на розы.

– Вы ничуть не похожи на мою розу, – сказал он им. – Вы ещё ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он – единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

– Вы красивые, но пустые, – продолжал Маленький принц. – Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это её, а не вас я поливал каждый день. Её, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Её загораживал ширмой, оберегая от ветра. Для неё убивал гусениц, только двух или трёх оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она – моя.

И Маленький принц возвратился к Лису.

– Прощай… – сказал он.

– Прощай, – сказал Лис. – Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

– Самого главного глазами не увидишь, – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

– Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей всю душу.

– Потому что я отдавал ей всю душу… – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

– Люди забыли эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

– Я в ответе за мою розу… – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

XXVII

И вот прошло уже шесть лет… Я ещё ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было, но я говорил им:

– Это я просто устал…

И всё же понемногу я утешился. То есть… Не совсем. Но я знаю, он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не нашёл на песке его тела. Не такое уж оно было тяжёлое. А по ночам я люблю слушать звёзды. Словно пятьсот миллионов бубенцов…

Но вот что поразительно. Когда я рисовал намордник для барашка, я забыл про ремешок! Маленький принц не сможет надеть его на барашка. И я спрашиваю себя: что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу?

Иногда я говорю себе: «Нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стеклянным колпаком, и он очень следит за барашком…» Тогда я счастлив. И все звёзды тихонько смеются.

А иногда я говорю себе: «Бываешь же порой рассеянным… тогда всё может случиться! Вдруг он как-нибудь вечером забыл про стеклянный колпак или барашек ночью втихомолку выбрался на волю…» И тогда все бубенцы плачут…

Всё это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем, совсем не всё равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в безвестном уголке вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел не знакомую нам розу.

Взгляните на небо. И спросите себя: «Жива ли та роза или её уже нет? Вдруг барашек её съел?» И вы увидите: всё станет по-другому…

И никогда ни один взрослый не поймёт, как это важно!

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал ещё раз, чтобы вы получше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез.

Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадёте в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдёт маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда – очень прошу вас! – не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся…

ДЛЯ АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Маленький принц» – необычная сказка, одинаково хорошо воспринимаемая как детьми, так и взрослыми, оказалась актуальной не только в период Второй мировой войны, когда она была написана. Сегодня ею по-прежнему зачитываются люди, пытающиеся найти в ней ответы на вечные вопросы о смысле жизни, сущности любви, цене дружбы, неизбежности смерти.

По форме – это состоящая из двадцати семи частей повесть, по сюжету – сказка, рассказывающая о волшебных приключениях Маленького принца, покинувшего из-за несчастной любви родное королевство, по жанру – философская сказка, повесть-сказка, аллегорическая сказка-притча. Главная идея сказки-притчи – утверждение истинных ценностей человеческого бытия.

Образ Маленького принца основан на сказочных мотивах и образе автора произведения – представителе обнищавшего дворянского рода, Антуана де Сент-Экзюпери. Маленький мальчик с золотистыми волосами – это душа так и не выросшего автора. Встреча взрослого лётчика со своим детским «Я» происходит в один из самых трагичных моментов его жизни – авиакатастрофе в пустыне Сахара. Балансирующий на грани жизни и смерти автор узнаёт историю Маленького принца во время ремонта самолёта и не просто разговаривает с ним, но и идёт вместе к колодцу, и даже несёт своё подсознание на руках, придавая ему черты реального, отличного от него персонажа.

Обсудим вместе

1. Какие темы освещает А. де Сент-Экзюпери в своём произведении? Какова главная проблема сказки?
2. Можно ли извлечь из книги о Маленьком принце уроки дружбы, любви и жизни? Если да, то расскажите об этом подробнее.
3. Какими мудрыми советами из этой книжки Антуана де Сент-Экзюпери вы обязательно воспользуетесь в своей жизни?
4. Чему научился сам главный герой сказки и чему учит это произведение нас?
5. Какая фраза представленного выше отрывка из произведения заставила вас задуматься и почему?
6. Какова цель путешествия Маленького принца? Можете вспомнить, как обосновывается эта цель в книге?
7. Что символизирует Роза в жизни Маленького принца? Как вы думаете, почему автор сделал именно так?
8. Чему способствовало общение принца с Лисом?
9. Как вы понимаете смысл слова «приручил», используемого в данной сказке?

Практические задания

1. Найдите в тексте метафоры и символы, раскрывающие глубинный, философский смысл сказки.
2. Основываясь на прочитанном, попробуйте составить формулу добра.
3. Если бы у вас была возможность изменить финал сказки, каким бы он был?
4. **Карта путешествий.** Нарисуйте или составьте в любой удобной форме (схема, таблица, рисунок) карту путешествий Маленького принца. Укажите, какие планеты он посетил и какие уроки вынес из каждой встречи.

Домашнее задание

После путешествия по разным планетам Маленький принц понял многое о жизни, дружбе и человеческих ценностях. Попробуйте раскрыть эти идеи. Вот примерный план вашего исследования и действий. Его вы можете корректировать.

Заполните таблицу в тетради.

Герой	Характеристика	Моё отношение
Маленький принц		
Лётчик		
Роза		
Лис		
Змея		

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ ГРИН
1880–1932

А.С. Грин – русский писатель, мастер романтической прозы. Его самые известные произведения – «Алые паруса» и «Бегущая по волнам», в которых он создаёт мир мечты, надежды и веры в чудо. В творчестве Грина стирается грань между реальностью и фантазией, добро обязательно побеждает, а сильные и смелые герои готовы преодолеть любые трудности ради своей мечты.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что такое, по вашему мнению, мечта? Могут ли мечты сбываться?
2. Вспомните, о чём вы когда-нибудь сильно мечтали, чего вам очень хотелось и осуществилось ли это в реальности.
3. Согласны ли вы с тем, что мечта способна сделать человека более целеустремлённым?

ПОВЕСТЬ-ФЕЕРИЯ «АЛЫЕ ПАРУСА»

«Алые паруса» – это повествование о сбывшейся мечте. С детства Ассоль верила, что за ней приплывёт принц на белом корабле с алыми парусами. Артур Грэй грезил о море и хотел стать капитаном. Их желания сбылись, жизнь подарила героям встречу и любовь.

Это романтическая история, в которой поместилось много прекрасных движений души, а самое главное – это пронзительное повествование о вере в чудо, которое приходит к тем, кто не боится мечтать.

Грин намеренно создаёт контраст между серой обыденностью в маленьком рыбацком посёлке и богатым внутренним миром юной героини. Мечты Ассоль, её чистая и

прекрасная душа вызывают непонимание и зависть у обывателей. Они считают девушку слабоумной и насмехаются над её верой в чудо. Эти люди погрязли в повседневных делах, не поют песен и не рассказывают сказок. Всё, что не вписывается в привычные рамки, жители Каперны отвергают, поэтому смелый и справедливый Лонгрен и его мечтательница-дочь становятся в посёлке изгоями.

Детство героини нельзя назвать безоблачным. Лишившись матери в младенчестве, Ассоль растёт в бедности. Ей приходится управляться по хозяйству и помогать отцу делать игрушки, так как это единственный источник дохода маленькой семьи. У Ассоль нет подруг, а сверстники осыпают её оскорблениями и насмешками. Прекрасная мечта о корабле с алыми парусами, подаренная старым сказочником, становится опорой для одинокой девочки на долгие годы.

Феерия в литературе – это использование волшебных элементов для раскрытия полноты сюжета, основной мысли текста. Признаки феерии: волшебные события, необычные, несколько сказочные образы, победа добра над злом.

Портрет Ассоль при встрече с Эглем писатель создаёт крупными мазками: *«стиранное много раз ситцевое платье», «тёмные густые волосы», «худенькие, загорелые ноги».* Мало чем отличается описание героини при встрече с Грэем, когда Ассоль уже лет семнадцать: платье из дешёвого муслина, старая косынка, выразительное лицо, слишком серьёзные для её возраста глаза. Грин не считает Ассоль красавицей, он называет её *«живым стихотворением»*.

В образе Лонгрена писатель воплотил свои представления об идеальном отце. Тот, по сути, посвящает всю свою жизнь дочери. Чтобы не расставаться с малышкой, моряк остаётся на берегу и находит такой способ заработка, когда можно часто бывать дома. Лонгрен учит Ассоль читать и писать, рассказывает ей о своих странствиях, заботится о ней.

Артур Грэй – мечтатель и романтик. Поэтому он так хорошо понимает Ассоль. Юношу не привлекает обеспеченная жизнь аристократа. Грэя вдохновляют море, свобода и ветер странствий. Артуру не занимать твёрдости и упорства в достижении цели, он не боится трудностей. Благородство, щедрость, чувство справедливости и лидерские качества притягивают к нему людей.

АЛЫЕ ПАРУСА

(в сокращении)

I. ПРЕДСКАЗАНИЕ

Лонгрен, матрос «Ориона», крепкого трёхсоттонного брига, на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери, должен был, наконец, покинуть службу.

Бриг – тип корабля, двухмачтовое судно, имеет водоизмещение или грузоподъёмность 300 тонн.

Это произошло так. В одно из его редких возвращений домой, он не увидел, как всегда ещё издали, на пороге дома свою жену Мери, всплескивающую руками, а затем бегущую навстречу до потери дыхания. Вместо неё, у детской кроватки – нового предмета в маленьком доме Лонгрена – стояла взволнованная соседка.

– Три месяца я ходила за нею, старик, – сказала она, – посмотри на свою дочь.

Мертвея, Лонгрен наклонился и увидел восьмимесячное существо, сосредоточенно взиравшее на его длинную бороду, затем сел, потупился и стал крутить ус. Ус был мокрый, как от дождя.

– Когда умерла Мери? – спросил он.

Женщина рассказала печальную историю, перебивая рассказ умильным гульканием девочке и уверениями, что Мери в раю. Когда Лонгрен узнал подробности, рай показался ему немного светлее дровяного сарая, и он подумал, что огонь простой лампы – будь теперь они все вместе, втроём – был бы для ушедшей в неведомую страну женщины незаменимой отрадой.

Месяца три назад хозяйственные дела молодой матери были совсем плохи. Из денег, оставленных Лонгреном, добрая половина ушла на заботы о здоровье новорождённой; наконец, потеря небольшой, но необходимой для жизни суммы заставила Мери попросить в долг денег у Меннерса. Меннерс держал трактир, лавку и считался состоятельным человеком.

Мери пошла к нему в шесть часов вечера. Около семи рассказчица встретила её на дороге к Лиссу. Заплаканная и расстроенная Мери сказала, что идёт в город заложить обручальное кольцо. Она прибавила, что Меннерс соглашался дать денег, но требовал за это любви. Мери ничего не добилась.

– У нас в доме нет даже крошки съестного, – сказала она соседке. – Я схожу в город, и мы с девочкой перебьёмся как-нибудь до возвращения мужа.

В этот вечер была холодная, ветреная погода; рассказчица напрасно уговаривала молодую женщину не ходить в Лисс к ночи. «Ты промокнешь, Мери, накрапывает дождь, а ветер, того и гляди, принесёт ливень».

Взад и вперёд от приморской деревни в город составляло не менее трёх часов скорой ходьбы, но Мери не послушалась советов рассказчицы. «Довольно мне колоть вам глаза, – сказала она, – и так уж нет почти ни одной семьи, где я не взяла бы в долг хлеба, чаю или муки. Заложу колечко, и кончено». Она сходила, вернулась, а на другой день слегла в жару и бреду; непогода и вечерняя изморось сразила её двухсторонним воспалением лёгких, как сказал городской врач, вызванный добросердной рассказчицей. Через неделю на двуспальной кровати Лонгрена осталось пустое место, а соседка переселилась в его дом нянчить и кормить девочку. Ей, одинокой вдове, это было не трудно. К тому же, – прибавила она, – без такого несмышлёныша скучно.

Лонгрен поехал в город, взял расчёт, простился с товарищами и стал растить маленькую Ассоль. Пока девочка не научилась твёрдо ходить, вдова жила у матроса, заменяя сиротке мать, но лишь только Ассоль перестала падать, занося ножку через порог, Лонгрен решительно объявил, что теперь он будет сам всё делать для девочки, и, поблагодарив вдову за деятельное сочувствие, зажил одинокой жизнью вдовца, сосредоточив все помыслы, надежды, любовь и воспоминания на маленьком существе.

Десять лет скитальческой жизни оставили в его руках очень немного денег. Он стал работать. Скоро в городских магазинах появились его игрушки – искусно сделанные маленькие модели лодок, катеров, однопалубных и двухпалубных парусников, крейсеров, пароходов – словом, того, что он близко знал, что, в силу характера работы, отчасти заменяло ему грохот портовой жизни и живописный труд плаваний. Этим способом Лонгрен добывал столько, чтобы жить в рамках умеренной экономии. Малообщительный по натуре, он, после смерти жены, стал ещё замкнутее и нелюдимее. По праздникам его иногда видели в трактире, но он никогда не присаживался, а торопливо уходил, коротко бросая по сторонам «да», «нет», «здравствуйте», «прощай», «помаленьку» – на все обращения и кивки соседей. Гостей он не выносил, тихо спроваживая их не силой, но такими намёками и вымышленными обстоятельствами, что посетителю не оставалось ничего иного, как выдумать причину, не позволяющую сидеть дольше.

Сам он тоже не посещал никого; таким образом меж ним и земляками легло холодное отчуждение, и будь работа Лонгрена – игрушки – менее независима от дел деревни, ему пришлось бы ощутительнее испытать на себе последствия таких отношений. Товары и съестные припасы он закупал в городе – Меннерс не мог бы похвастаться даже коробкой спичек, купленной у него Лонгреном. Он делал также сам всю домашнюю работу и терпеливо проходил несвойственное мужчине сложное искусство ращения девочки.

Ращение (растить) – воспитание.

Ассоль было уже пять лет, и отец начинал всё мягче и мягче улыбаться, посматривая на её нервное, доброе личико, когда, сидя у него на коленях, она трудилась над тайной застёгнутого жилета или забавно напевала матросские песни. В передаче детским голосом и не везде с буквой «р» эти песенки производили впечатление танцующего медведя, украшенного голубой ленточкой. В это время произошло событие, тень которого, павшая на отца, укрыла и дочь.

Была весна, ранняя и суровая, как зима, но в другом роде. Недели на три припал к холодной земле резкий береговой норд.

Рыбачьи лодки, повытащенные на берег, образовали на белом песке длинный ряд тёмных килей, напоминающих хребты громадных рыб. Никто не отваживался заняться промыслом в такую погоду. На единственной улице деревушки редко можно было увидеть человека, покинувшего дом; холодный вихрь, нёсшийся с береговых холмов в пустоту горизонта, делал «открытый воздух» суровой пыткой. Все трубы Каперны дымились с утра до вечера, трепля дым по крутым крышам.

Норд – северный ветер.

В один из таких дней двенадцатилетний сын Меннерса, Хин, заметив, что отцовская лодка бьётся под мостками о сваи, ломая борта, пошёл и сказал об этом отцу. Шторм начался недавно; Меннерс забыл вывести лодку на песок. Он немедленно отправился к воде, где увидел на конце мола, спиной к нему стоявшего куря, Лонгрена. На берегу, кроме их двух, никого более не было. Меннерс прошёл по мосткам до середины, спустился в бешено-плещущую воду и отвязал шкот; стоя в лодке, он стал пробираться к берегу, хватаясь руками за сваи. Вёсла он не взял, и в тот момент, когда, пошатнувшись, упустил схватиться за очередную сваю, сильный удар ветра швырнул нос лодки от мостков в сторону океана. Теперь даже всей длиной тела Меннерс не мог бы достичь самой ближайшей сваи. Ветер и волны, раскачивая, несли лодку в гибельный простор. Сознав положение, Меннерс хотел броситься в воду, чтобы плыть к берегу, но решение его запоздало, так как лодка вертелась уже недалеко от конца мола, где значительная глубина воды и ярость валов обещали верную смерть. Меж Лонгреном и Меннерсом, увлекаемым в штормовую даль, было не больше десяти сажен ещё спасительного расстояния, так как на мостках под рукой у Лонгрена висел свёрток каната с вплетённым в один его конец грузом. Канат этот висел на случай причала в бурную погоду и бросался с мостков.

Шкот – судовая снасть для растягивания парусов и управления ими на ходу судна.

– Лонгрен! – закричал смертельно перепуганный Меннерс. – Что же ты стал, как пень? Видишь, меня уносит; брось причал!

Лонгрен молчал, спокойно смотря на метавшегося в лодке Меннерса, только его трубка задымила сильнее, и он, помедлив, вынул её из рта, чтобы лучше видеть происходящее.

– Лонгрен! – взывал Меннерс. – Ты ведь слышишь меня, я погибаю, спаси!

Но Лонгрен не сказал ему ни одного слова; казалось, он не слышал отчаянного вопля. Пока не отнесло лодку так далеко, что еле долетали слова-крики Меннерса, он не переступил даже с ноги на ногу. Меннерс рыдал от ужаса, заклинал матроса бежать к рыбакам, позвать помощь, обещал деньги, угрожал и сыпал проклятиями, но Лонгрен только подошёл ближе к самому краю мола, чтобы не сразу потерять из вида метания и скачки лодки. «Лонгрен, – донеслось к нему глухо, как с крыши – сидящему внутри дома, – спаси!» Тогда, набрав воздуха и глубоко вздохнув, чтобы не потерялось в ветре ни одного слова, Лонгрен крикнул:

– Она так же просила тебя! Думай об этом, пока ещё жив, Меннерс, и не забудь!

Тогда крики умолкли, и Лонгрен пошёл домой. Ассоль, проснувшись, увидела, что отец сидит пред угасающей лампой в глубокой задумчивости. Услышав голос девочки, звавшей его, он подошёл к ней, крепко поцеловал и прикрыл сбившимся одеялом.

– Спи, милая, – сказал он, – до утра ещё далеко.
– Что ты делаешь?
– Чёрную игрушку я сделал, Ассоль, – спи!

На другой день только и разговоров было у жителей Каперны, что о пропавшем Меннерсе, а на шестой день привезли его самого, умирающего и злобного. Его рассказ быстро облетел окрестные деревушки. До вечера носило Меннерса; разбитый сотрясениями о борта и дно лодки, за время страшной борьбы с свирепостью волн, грозивших, не уставая, выбросить в море обезумевшего лавочника, он был подобран пароходом «Лукреция», шедшим в Кассет. Простуда и потрясение ужаса прикончили дни Меннерса. Он прожил немного менее сорока восьми часов, призывая на Лонгрена все бедствия, возможные на земле и в воображении. Рассказ Меннерса, как матрос следил за его гибелью, отказав в помощи, красноречивый тем более, что умирающий дышал с трудом и стонал, поразил жителей Каперны. Не говоря уже о том, что редкий из них способен был помнить оскорбление и более тяжкое, чем перенесённое Лонгреном, и горевать так сильно, как горевал он до конца жизни о Мери, – им было отвратительно, непонятно, поражало их, что Лонгрен молчал. Молча, до своих последних слов, посланных вдогонку Меннерсу, Лонгрен стоял; стоял неподвижно, строго и тихо, как судья, выказав глубокое презрение к Меннерсу – большее, чем ненависть, было в его молчании, и это все чувствовали. Если бы он кричал, выражая жестами или суетливостью злорадства, или ещё чем иным своё торжество при виде отчаяния Меннерса, рыбаки поняли бы его, но он поступил иначе, чем поступали они – поступил внушительно, непонятно и этим поставил себя выше других, словом, сделал то, чего не прощают. Никто более не кланялся ему, не протягивал руки, не бросал узнающего, здоровающегося взгляда. Совершенно навсегда остался он в стороне от деревенских дел; мальчишки, завидев его, кричали вдогонку: «Лонгрен утопил Меннерса!». Он не обращал на это внимания. Так же, казалось, он не замечал и того, что в трактире или на берегу, среди лодок, рыбаки умолкали в его присутствии, отходя в сторону, как от зачумлённого. Случай с Меннерсом закрепил ранее неполное отчуждение. Став полным, оно вызвало прочную взаимную ненависть, тень которой пала и на Ассоль.

Обсудим вместе

1. Какое впечатление произвело на вас раннее детство Ассоль?
2. Почему Лонгрен не помог тонущему Меннерсу?

Домашнее задание

Опишите деревню Каперна, в которой жили Ассоль и её отец.

Читаем продолжение произведения

Девочка росла без подруг. Два-три десятка детей её возраста, живших в Каперне, пропитанной, как губка водой, грубым семейным началом, основой которого служил непоколебимый авторитет матери и отца, переимчивые, как все дети в мире, вычеркнули раз и навсегда маленькую Ассоль из сферы своего покровительства и внимания. Совершилось это, разумеется, постепенно, путём внушения и окриков взрослых приобрело характер страшного запрета, а затем, усиленное пересудами и кривотолками, разрослось в детских умах страхом к дому матроса.

К тому же замкнутый образ жизни Лонгрена освободил теперь истерический язык сплетни; про матроса говаривали, что он где-то кого-то убил, оттого, мол, его больше не берут служить на суда, а сам он мрачен и нелюдим, потому что «терзается угрызениями преступной совести». Играя, дети гнали Ассоль, если она приближалась к ним, швыряли грязью и дразнили тем, что будто отец её ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые деньги. Одна за другой, наивные её попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями общественного мнения; она перестала, наконец, оскорбляться, но всё ещё иногда спрашивала отца: – «Скажи, почему нас не любят?» – «Э, Ассоль, – говорил Лонгрен, – разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут». – «Как это – уметь?» – «А вот так!» Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия.

Любимым развлечением Ассоль было по вечерам или в праздник, когда отец, отставив банки с клейстером, инструменты и неоконченную работу, садился, сняв передник, отдохнуть, с трубкой в зубах, – забраться к нему на колени и, вертясь в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушек, расспрашивая об их назначении. Так начиналась своеобразная фантастическая лекция о жизни и людях – лекция, в которой, благодаря прежнему образу жизни Лонгрена, случайностям, случаю вообще, – диковинным, поразительным и необыкновенным событиям отводилось главное место. Лонгрен, называя девочке имена снастей, парусов, предметов морского обихода, постепенно увлекался, переходя от объяснений к различным эпизодам, в которых играли роль то брашпиль, то рулевое колесо, то мачта или какой-нибудь тип лодки и т. п., а от отдельных иллюстраций этих переходил к широким картинам морских скитаний, вплетая суеверия в действительность, а действительность – в образы своей фантазии. Тут появлялась и тигровая кошка, вестница кораблекрушения, и говорящая летучая рыба, не послушаться приказаний которой значило сбиться с курса, и Летучий Голландец с неистовым своим экипажем; приметы, привидения, русалки, пираты – словом, все басни, коротающие досуг моряка в штиле или излюбленном кабаке. Рассказывал Лонгрен также о потерпевших крушение, об одичавших и разучившихся говорить людях, о таинственных кладах, бунтах каторжников и многом другом, что выслушивалось девочкой внимательно

Брашпиль – палубный механизм, лебёдка в носовой части судна для намотки троса, каната при подъёме якоря в швартовке.

нее, чем может быть слушался в первый раз рассказ Колумба о новом материке. – «Ну, говори ещё», – просила Ассоль, когда Лонгрен, задумавшись, умолкал, и засыпала на его груди с головой, полной чудесных снов.

Также служило ей большим, всегда материально существенным удовольствием появление приказчика городской игрушечной лавки, охотно покупавшей работу Лонгрена. Чтобы задобрить отца и выторговать лишнее, приказчик захватывал с собой для девочки пару яблок, сладкий пирожок, горсть орехов. Лонгрен обыкновенно просил настоящую стоимость из нелюбви к торгу, а приказчик сбавлял. – «Эх, вы, – говорил Лонгрен, – да я неделю сидел над этим ботом. – Бот был пятивершковый. – Посмотри, что за прочность, а осадка, а доброта? Бот этот пятнадцать человек выдержит в любую погоду». Кончалось тем, что тихая возня девочки, мурлыкавшей над своим яблоком, лишала Лонгрена стойкости и охоты спорить; он уступал, а приказчик, набив корзину превосходными, прочными игрушками, уходил, посмеиваясь в усы. Всю домовую работу Лонгрен исполнял сам: колол дрова, носил воду, топил печь, стряпал, стирал, гладил бельё и, кроме всего этого, успевал работать для денег. Когда Ассоль исполнилось восемь лет, отец выучил её читать и писать. Он стал изредка брать её с собой в город, а затем посылать даже одну, если была надобность перехватить денег в магазине или снести товар. Это случалось не часто, хотя Лисс лежал всего в четырёх верстах от Каперны, но дорога к нему шла лесом, а в лесу многое может напугать детей, помимо физической опасности, которую, правда, трудно встретить на таком близком расстоянии от города, но всё-таки не мешает иметь в виду. Поэтому только в хорошие дни, утром, когда окружающая дорогу чаща полна солнечным ливнем, цветами и тишиной, так что впечатлительности Ассоль не грозили фантомы воображения, Лонгрен отпускал её в город.

Однажды, в середине такого путешествия к городу, девочка присела у дороги съесть кусок пирога, положенного в корзинку на завтрак. Закусывая, она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для неё: Лонгрен сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной гоночной яхтой; белое судёнышко подняло алые паруса, сделанные из обрезков шёлка, употреблявшегося Лонгреном для оклейки пароходных кают – игрушек богатого покупателя. Здесь, видимо, сделав яхту, он не нашёл подходящего материала для паруса, употребив что было – лоскутки алого шёлка. Ассоль пришла в восхищение. Пламенный весёлый цвет так ярко горел в её руке, как будто она держала огонь. Дорогу пересекал ручей, с переброшенным через него жердяным мостиком; ручей справа и слева уходил в лес. «Если я спущу её на воду поплавать немного, размышляла Ассоль, – она ведь не промокнет, я её потом вытру». Отойдя в лес за мостик, по течению ручья, девочка осторожно спустила на воду у самого берега пленившее её судно; паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде: свет, пронизывая материю, лёг дрожащим розовым излучением на белых камнях дна. – «Ты откуда приехал, капитан? – важно спросила Ассоль воображённое лицо и, отвечая сама себе, сказала: – Я приехал... приехал я из Китая. – А что ты привёз? – Что привёз, о том не скажу. – Ах, ты так, капитан! Ну, тогда я тебя посажу обратно в корзину». Только что капитан приготовился смиренно ответить, что он пошутил и что готов показать слона, как вдруг тихий отбег береговой струи повернул яхту носом к середине ручья, и,

как настоящая, полным ходом покинув берег, она ровно поплыла вниз. Мгновенно изменился масштаб видимого: ручей казался девочке огромной рекой, а яхта – далёким, большим судном, к которому, едва не падая в воду, испуганная и оторопевшая, протягивала она руки. «Капитан испугался», – подумала она и побежала за уплывающей игрушкой, надеясь, что её где-нибудь прибьёт к берегу. Поспешно таща не тяжёлую, но мешающую корзинку, Ассоль твердила: – «Ах, господи! Ведь случись же…» – Она старалась не терять из вида красивый, плавно убегающий треугольник парусов, спотыкалась, падала и снова бежала.

Ассоль никогда не бывала так глубоко в лесу, как теперь. Ей, поглощённой нетерпеливым желанием поймать игрушку, не смотрелось по сторонам; возле берега, где она суетилась, было довольно препятствий, занимавших внимание. Мшистые стволы упавших деревьев, ямы, высокий папоротник, шиповник, жасмин и орешник мешали ей на каждом шагу; одолевая их, она постепенно теряла силы, останавливаясь всё чаще и чаще, чтобы передохнуть или смахнуть с лица липкую паутину. Когда потянулись, в более широких местах, осоковые и тростниковые заросли, Ассоль совсем было потеряла из вида алое сверкание парусов, но, обежав излучину течения, снова увидела их, степенно и неуклонно бегущих прочь. Раз она оглянулась, и лесная громада с её пестротой, переходящей от дымных столбов света в листве к тёмным расселинам дремучего сумрака, глубоко поразила девочку. На мгновение оробев, она вспомнила вновь об игрушке и, несколько раз выпустив глубокое «ф-ф-у-уу», побежала изо всех сил.

В такой безуспешной и тревожной погоне прошло около часу, когда с удивлением, но и с облегчением Ассоль увидела, что деревья впереди свободно раздвинулись, пропустив синий разлив моря, облака и край жёлтого песчаного обрыва, на который она выбежала, почти падая от усталости. Здесь было устье ручья; разлившись нешироко и мелко, так что виднелась струящаяся голубизна камней, он пропадал в встречной морской волне. С невысокого, изрытого корнями обрыва Ассоль увидела, что у ручья, на плоском большом камне, спиной к ней, сидит человек, держа в руках сбежавшую яхту, и всесторонне рассматривает её с любопытством слона, поймавшего бабочку. Отчасти успокоенная тем, что игрушка цела, Ассоль сползла по обрыву и, близко подойдя к незнакомцу, воззрилась на него изучающим взглядом, ожидая, когда он подымет голову. Но неизвестный так погрузился в созерцание лесного сюрприза, что девочка успела рассмотреть его с головы до ног, установив, что людей, подобных этому незнакомцу, ей видеть ещё ни разу не приходилось.

Но перед ней был не кто иной, как путешествующий пешком Эгль, известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок. Седые кудри складками выпадали из-под его соломенной шляпы; серая блуза, заправленная в синие брюки, и высокие сапоги придавали ему вид охотника; белый воротничок, галстук, пояс, унизанный серебром блях, трость и сумка с новеньким никелевым замочком – выказывали горожанина. Его лицо, если можно назвать лицом нос, губы и глаза, выглядывавшие из бурно разросшейся лучистой бороды и пышных, свирепо взрогаченных вверх усов, казалось бы вяло-прозрачным, если бы не глаза, серые, как песок, и блестящие, как чистая сталь, с взглядом смелым и сильным.

– Теперь отдай мне, – несмело сказала девочка. – Ты уже поиграл. Ты как поймал её?

Эгль поднял голову, уронив яхту, – так неожиданно прозвучал взволнованный голосок Ассоль. Старик с минуту разглядывал её, улыбаясь и медленно пропуская бороду в большой, жилистой горсти. Стиранное много раз ситцевое платье едва прикрывало до колен худенькие, загорелые ноги девочки. Её тёмные густые волосы, забранные в кружевную косынку, сбились, касаясь плеч. Каждая черта Ассоль была выразительно легка и чиста, как полёт ласточки. Тёмные, с оттенком грустного вопроса глаза казались несколько старше лица; его неправильный мягкий овал был овеян того рода прелестным загаром, какой присущ здоровой белизне кожи. Полураскрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой.

– Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, – сказал Эгль, посматривая то на девочку, то на яхту. – Это что-то особенное. Слушай-ка ты, растение! Это твоя штука?

– Да, я за ней бежала по всему ручью; я думала, что умру. Она была тут?

– У самых моих ног. Кораблекрушение причиной того, что я, в качестве берегового пирата, могу вручить тебе этот приз. Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом – между моей левой пяткой и оконечностью палки. – Он стукнул тростью. – Как зовут тебя, крошка?

– Ассоль, – сказала девочка, пряча в корзину поданную Эглем игрушку.

– Хорошо, – продолжал непонятную речь старик, не сводя глаз, в глубине которых поблёскивала усмешка дружелюбного расположения духа. – Мне, собственно, не надо было спрашивать твоё имя. Хорошо, что оно так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины: что бы я стал делать, называйся ты одним из тех благозвучных, но нестерпимо привычных имён, которые чужды Прекрасной Неизвестности? Тем более я не желаю знать, кто ты, кто твои родители и как ты живёшь. К чему нарушать очарование? Я занимался, сидя на этом камне, сравнительным изучением финских и японских сюжетов… как вдруг ручей выплеснул эту яхту, а затем появилась ты… Такая, как есть. Я, милая, поэт в душе – хоть никогда не сочинял сам. Что у тебя в корзинке?

– Лодочки, – сказала Ассоль, встряхивая корзинкой, – потом пароход да ещё три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

– Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала – ведь так?

– Ты разве видел? – с сомнением спросила Ассоль, стараясь вспомнить, не рассказала ли она это сама. – Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

– Я это знал.

– А как же?

– Потому что я – самый главный волшебник.

Ассоль смутилась: её напряжение при этих словах Эгля переступило границу испуга. Пустынный морской берег, тишина, томительное приключение с яхтой, непонятная речь старика с сверкающими глазами, величественность его бороды и волос стали казаться девочке смешением сверхъестественного с действительностью. Сострой теперь Эгль гримасу или закричи что-нибудь – девочка помчалась бы прочь, заплакав и изнемогая от страха. Но Эгль, заметив, как широко раскрылись её глаза, сделал крутой вольт.

– Тебе нечего бояться меня, – серьёзно сказал он. – Напротив, мне хочется поговорить с тобой по душе. – Тут только он уяснил себе, что в лице девочки было так пристально отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, блаженной судьбы, – решил он. – Ах, почему я не родился писателем? Какой славный сюжет».

– Ну-ка, – продолжал Эгль, стараясь закруглить оригинальное положение (склонность к мифотворчеству – следствие всегдашней работы – было сильнее, чем опасение бросить на неизвестную почву семена крупной мечты), – ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно. Я был в той деревне – откуда ты, должно быть, идёшь, словом, в Каперне. Я люблю сказки и песни, и просидел я в деревне той целый день, стараясь услышать что-нибудь никем не слышанное. Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен. А если рассказывают и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках и солдатах, с вечным восхвалением жульничества, эти грязные, как немытые ноги, грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом… Стой, я сбился. Я заговорю снова. Подумав, он продолжал так: – Не знаю, сколько пройдёт лет, – только в Каперне расцветёт одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнёт алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберётся народу, удивляясь и ахая: и ты будешь стоять там. Корабль подойдёт величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывёт от него быстрая лодка. – «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» – спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. – «Здравствуй, Ассоль! – скажет он. – Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет всё, чего только ты пожелаешь; жить с тобой мы станем так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слёз и печали». Он посадит тебя в лодку, привезёт на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце и где звёзды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

– Это всё мне? – тихо спросила девочка. Её серьёзные глаза, повеселев, просияли доверием. Опасный волшебник, разумеется, не стал бы говорить так; она подошла ближе. – Может быть, он уже пришёл… тот корабль?

– Не так скоро, – возразил Эгль, – сначала, как я сказал, ты вырастешь. Потом… Что говорить? – это будет, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

– Я? – Она посмотрела в корзину, но, видимо, не нашла там ничего достойного служить веским вознаграждением. – Я бы его любила, – поспешно сказала она, и не совсем твёрдо прибавила: – если он не дерётся.

– Нет, не будет драться, – сказал волшебник, таинственно подмигнув, – не будет, я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь того, что сказал тебе я меж двумя глотками ароматической водки и размышлением о песнях каторжников. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове!

Лонгрен работал в своём маленьком огороде, окапывая картофельные кусты. Подняв голову, он увидел Ассоль, стремглав бежавшую к нему с радостным и нетерпеливым лицом.

– Ну, вот … – сказала она, силясь овладеть дыханием, и ухватилась обеими руками за передник отца. – Слушай, что я тебе расскажу… На берегу, там, далеко, сидит волшебник… Она начала с волшебника и его интересного предсказания. Горячка мыслей мешала ей плавно передать происшествие. Далее шло описание наружности волшебника и – в обратном порядке – погоня за упущенной яхтой.

Лонгрен выслушал девочку, не перебивая, без улыбки, и, когда она кончила, воображение быстро нарисовало ему неизвестного старика с ароматической водкой в одной руке и игрушкой в другой. Он отвернулся, но, вспомнив, что в великих случаях детской жизни подобает быть человеку серьёзным и удивлённым, торжественно закивал головой, приговаривая:

– Так, так; по всем приметам, некому иначе и быть, как волшебнику. Хотел бы я на него посмотреть… Но ты, когда пойдёшь снова, не сворачивай в сторону; заблудиться в лесу нетрудно.

Бросив лопату, он сел к низкому хворостяному забору и посадил девочку на колени. Страшно усталая, она пыталась ещё прибавить кое-какие подробности, но жара, волнение и слабость клонили её в сон. Глаза её слипались, голова опустилась на твёрдое отцовское плечо, мгновение – и она унеслась бы в страну сновидений, как вдруг, обеспокоенная внезапным сомнением, Ассоль села прямо, с закрытыми глазами и, упираясь кулачками в жилет Лонгрена, громко сказала:

– Ты как думаешь, придёт волшебниковый корабль за мной или нет?

– Придёт, – спокойно ответил матрос, – раз тебе это сказали, значит всё верно.

«Вырастет, забудет, – подумал он, – а пока… не стоит отнимать у тебя такую игрушку. Много ведь придётся в будущем увидеть тебе не алых, а грязных и хищных парусов: издали – нарядных и белых, вблизи – рваных и наглых. Проезжий человек пошутил с моей девочкой. Что ж?! Добрая шутка! Ничего – шутка! Смотри, как сморило тебя, – полдня в лесу, в чаще. А насчёт алых парусов думай, как я: будут тебе алые паруса».

Рыбаки, еле поворачивая головы, растолковывали с усмешкой:

– Лонгрен с дочерью одичали, а может, повредились в рассудке; вот человек рассказывает. Колдун был у них, так понимать надо. Они ждут – тётки, вам бы не прозевать! – заморского принца, да ещё под красными парусами!

Через три дня, возвращаясь из городской лавки, Ассоль услышала в первый раз:

– Эй, висельница! Ассоль! Посмотри-ка сюда! Красные паруса плывут!

Девочка, вздрогнув, невольно взглянула из-под руки на разлив моря. Затем обернулась в сторону восклицаний; там, в двадцати шагах от неё, стояла кучка ребят; они гримасничали, высовывая языки. Вздохнув, девочка побежала домой.

Обсудим вместе

1. Какова основная тема главы «Предсказание»?
2. Назовите события, которые уже в первой главе раскрывают характер Ассоль и окружающих её людей.
3. Какую роль играет образ странствующего мудреца Эгля в судьбе Ассоль?
4. Как Ассоль воспринимает свою жизнь и о чём её главная мечта?
5. Расскажите, как относятся жители города к мечтам Ассоль.

Домашнее задание

Подготовьте устное сообщение на тему: «Почему важно верить в добро: как добрые поступки влияют на мир вокруг нас?»

Читаем продолжение произведения

III. РАССВЕТ

Струя пены, отбрасываемая кормой корабля Грэя «Секрет», прошла через океан белой чертой и погасла в блеске вечерних огней Лисса. Корабль встал на рейде недалеко от маяка.

Десять дней «Секрет» выгружал чесучу, кофе и чай, одиннадцатый день команда провела на берегу, в отдыхе и винных парах; на двенадцатый день Грэй глухо затосковал, без всякой причины, не понимая тоски.

Ещё утром, едва проснувшись, он уже почувствовал, что этот день начался в чёрных лучах. Он мрачно оделся, неохотно позавтракал, забыл прочитать газету и долго курил, погружённый в невыразимый мир бесцельного напряжения; среди смутно возникающих слов бродили непризнанные желания, взаимно уничтожая себя равным усилием. Тогда он занялся делом.

Грэй взял направление к открытому морю, затем стал держаться левого берега. Ему было всё равно, куда плыть. Руль глухо журчал; звякали и плескали вёсла, всё остальное было морем и тишиной.

В течение дня человек внимает такому множеству мыслей, впечатлений, речей и слов, что всё это составило бы не одну толстую книгу. Лицо дня приобретает определённое выражение, но Грэй сегодня тщетно вглядывался в это лицо. В его смутных чертах светилось одно из тех чувств, каких много, но которым не дано имени. Как их ни называть, они останутся навсегда вне слов и даже понятий, подобные внушению аромата. Во власти такого чувства был теперь Грэй; он мог бы, правда, сказать: – «Я жду, я вижу, я скоро узнаю...», – но даже эти слова равнялись не большему, чем отдельные чертежи в отношении архитектурного замысла. В этих веяниях была ещё сила светлого возбуждения.

Там, где они плыли, слева волнистым сгущением тьмы проступал берег. Над красным стеклом окон носились искры дымовых труб; это была Каперна.

Проснувшись, Грэй на мгновение забыл, как попал в эти места. С изумлением видел он счастливый блеск утра, обрыв берега среди этих ветвей и пылающую синюю даль; над горизонтом, но в то же время и над его ногами висели листья орешника. Внизу обрыва – с впечатлением, что под самой спиной Грэя – шипел тихий прибой. Мелькнув с листа, капля росы растеклась по сонному лицу холодным шлепком. Он встал. Везде торжествовал свет. Остывшие головни костра цеплялись за жизнь тонкой струёй дыма. Его запах придавал удовольствию дышать воздухом лесной зелени дикую прелесть.

Летики не было; он увлёкся; он, вспотев, удил с увлечением азартного игрока. Грэй вышел из чащи в кустарник, разбросанный по скату холма. Дымилась и горела трава; влажные цветы выглядели как дети, насильно умытые холодной водой. Зелёный мир дышал бесчисленностью крошечных ртов, мешая проходить Грэю среди своей ликующей тесноты. Капитан выбрался на открытое место, заросшее пёстрой травой, и увидел здесь спящую молодую девушку.

Он тихо отвёл рукой ветку и остановился с чувством опасной находки. Не далее как в пяти шагах, свернувшись, подобрав одну ножку и вытянув другую, лежала головой на уютно подвёрнутых руках утомившаяся Ассоль. Её волосы сдвинулись в беспорядке; у шеи расстегнулась пуговица, открыв белую ямку; раскинувшаяся юбка обнажала колени; ресницы спали на щеке, в тени нежного, выпуклого виска, полузакрытого тёмной прядью; мизинец правой руки, бывшей под головой, пригибался к затылку. Грэй присел на корточки, заглядывая девушке в лицо снизу и не подозревая, что напоминает собой фавна с картины Арнольда Бёклина.

Фавн – в древнеримской мифологии: добрый бог полей, лесов и покровитель стад.

Арнольд Бёклин (1827–1901) – швейцарский живописец, график, скульптор.

Быть может, при других обстоятельствах эта девушка была бы замечена им только глазами, но тут он иначе увидел её. Всё стронулось, всё усмехнулось в нём. Разумеется, он не знал ни её, ни её имени, ни, тем более, почему она уснула на берегу, но был этим очень доволен. Он любил картины без объяснений и подписей. Впечатление такой картины несравненно сильнее; её содержание, не связанное словами, становится безграничным, утверждая все догадки и мысли.

Тень листвы подобралась ближе к стволам, а Грэй всё ещё сидел в той же малоудобной позе. Всё спало на девушке: спали тёмные волосы, спало платье и складки платья; даже трава поблизости её тела, казалось, задремала в силу сочувствия. Когда впечатление стало полным, Грэй вошёл в его тёплую подмывающую волну и уплыл с ней. Давно уже Летика кричал: – «Капитан, где вы?» – но капитан не слышал его.

Когда он наконец встал, склонность к необычному застала его врасплох с решимостью и вдохновением раздражённой женщины. Задумчиво уступая ей, он снял с пальца старинное дорогое кольцо, не без основания размышляя, что, может быть, этим подсказывает жизни нечто существенное, подобное орфографии. Он бережно опустил кольцо на малый мизинец, белевший из-под затылка. Мизинец нетерпеливо двинулся и поник. Взглянув ещё раз на это отдыхающее лицо, Грэй повернулся и увидел в кустах высоко поднятые брови матроса. Летика, разинув рот, смотрел на занятия Грэя с таким удивлением, с каким, верно, смотрел Иона на пасть своего меблированного кита.

– А, это ты, Летика! – сказал Грэй. – Посмотри-ка на неё. Что, хороша?

– Дивное художественное полотно! – шёпотом закричал матрос, любивший книжные выражения. – В соображении обстоятельств есть нечто располагающее. Я поймал четыре мурены и ещё какую-то толстую, как пузырь.

Иона – пророк. История о том, как человека проглотил кит – одна из самых необычных в Библии.

– Тише, Летика. Уберёмся отсюда.

Они отошли в кусты. Им следовало бы теперь повернуть к лодке, но Грэй медлил, рассматривая даль низкого берега, где над зеленью и песком лился утренний дым труб Каперны. В этом дыме он снова увидел девушку.

Хотя час был ранний, в общей зале трактирчика расположилось три человека. У окна сидел угольщик, обладатель пьяных усов, уже замеченных нами; между буфетом и внутренней дверью зала, за яичницей и пивом помещались два рыбака. Меннерс, длинный молодой парень, с веснушчатым скучным лицом и тем особенным выражением хитрой бойкости в подслеповатых глазах, какое присуще торгашам вообще, перетирал за стойкой посуду. На грязном полу лежал солнечный переплёт окна.

Едва Грэй вступил в полосу дымного света, как Меннерс, почтительно кланяясь, вышел из-за своего прикрытия. Он сразу угадал в Грэе настоящего капитана – разряд гостей, редко им виденных. Грэй спросил рома. Накрыв стол пожелтевшей в суете людской скатертью, Меннерс принёс бутылку, лизнув предварительно языком кончик отклеившейся этикетки. Затем он вернулся за стойку, поглядывая внимательно то на Грэя, то на тарелку, с которой отдирал ногтем что-то присохшее.

В то время, как Летика, взяв стакан обеими руками, скромно шептался с ним, посматривая в окно, Грэй подозвал Меннерса. Хин самодовольно уселся на кончик стула, польщённый этим обращением и польщённый именно потому, что оно выразилось простым киванием Грэева пальца.

– Вы, разумеется, знаете здесь всех жителей, – спокойно заговорил Грэй. – Меня интересует имя молодой девушки в косынке, в платье с розовыми цветочками, тёмно-русой и невысокой, в возрасте от семнадцати до двадцати лет. Я встретил её неподалеку отсюда. Как её имя?

Он сказал это с твёрдой простотой силы, не позволяющей увильнуть от данного тона. Хин Меннерс внутренне завертелся и даже ухмыльнулся слегка, но внешне подчинился характеру обращения. Впрочем, прежде чем ответить, он помолчал – единственно из бесплодного желания догадаться, в чём дело.

– Гм! – сказал он, поднимая глаза в потолок. – Это, должно быть, «Корабельная Ассоль», больше быть некому. Она полоумная.

– В самом деле? – равнодушно сказал Грэй, отпивая крупный глоток. – Как же это случилось?

– Когда так, извольте послушать. – И Хин рассказал Грэю о том, как лет семь назад девочка говорила на берегу моря с собирателем песен. Разумеется, эта история с тех пор, как нищий утвердил её бытие в том же трактире, приняла очертания грубой и плоской сплетни, но сущность оставалась нетронутой.

– С тех пор так её и зовут, – сказал Меннерс, – зовут её «Ассоль Корабельная».

Обсудим вместе

1. Почему Грин использует рассвет как символ? Как, по вашему мнению, это связано с внутренним состоянием героев, особенно с Ассоль?
2. Что означает образ Алых парусов, который впервые появляется в главе «Рассвет»?
3. Как вы думаете, почему именно рассвет становится началом перемен в жизни Ассоль?

Читаем продолжение произведения

VII. АЛЫЙ «СЕКРЕТ»

Был белый утренний час; в огромном лесу стоял тонкий пар, полный странных видений. Неизвестный охотник, только что покинувший свой костёр, двигался вдоль реки; сквозь деревья сиял просвет её воздушных пустот, но прилежный охотник не подходил к ним, рассматривая свежий след медведя, направляющийся к горам.

Внезапный звук пронёсся среди деревьев с неожиданностью тревожной погони; это запел кларнет. Музыкант, выйдя на палубу, сыграл отрывок мелодии, полной печального, протяжного повторения. Звук дрожал, как голос, скрывающий горе; усилился, улыбнулся грустным переливом и оборвался. Далёкое эхо смутно напевало ту же мелодию.

Охотник, отметив след сломанной веткой, пробрался к воде. Туман ещё не рассеялся; в нём гасли очертания огромного корабля, медленно повёртывающегося к устью реки. Его свёрнутые паруса ожили, свисая фестонами, расправляясь и покрывая мачты бессильными щитами огромных складок; слышались голоса и шаги. Береговой ветер, пробуя дуть, лениво теребил паруса; наконец, тепло солнца произвело нужный эффект; воздушный напор усилился, рассеял туман и вылился по реям в лёгкие алые формы, полные роз. Розовые тени скользили по белизне мачт и снастей, всё было белым, кроме раскинутых, плавно сдвинутых парусов цвета глубокой радости.

Фестоны – декоративные украшения.

Охотник, смотревший с берега, долго протирал глаза, пока не убедился, что видит именно так, а не иначе. Корабль скрылся за поворотом, а он всё ещё стоял и смотрел; затем, молча пожав плечами, отправился к своему медведю.

Пока «Секрет» шёл руслом реки, Грэй стоял у штурвала, не доверяя руля матросу – он боялся мели. Пантен сидел рядом, в новой суконной паре, в новой блестящей фуражке, бритый и смиренно надутый. Он по-прежнему не чувствовал никакой связи между алым убранством и прямой целью Грэя.

– Теперь, – сказал Грэй, – когда мои паруса рдеют, ветер хорош, а в сердце моём больше счастья, чем у слона при виде небольшой булочки, я попытаюсь настроить вас своими мыслями, как обещал в Лиссе. Заметьте – я не считаю вас глупым или упрямым, нет; вы образцовый моряк, а это много стоит. Но вы, как и большинство, слушаете голоса всех нехитрых истин сквозь толстое стекло жизни; они кричат, но, вы не услышите. Я делаю то, что существует, как старинное представление о прекрасном-несбыточном, и что, по существу, так же сбыточно и возможно, как загородная прогулка. Скоро вы увидите девушку, которая не может, не должна иначе выйти замуж, как только таким способом, какой развиваю я на ваших глазах.

Он сжато передал моряку то, о чём мы хорошо знаем, закончив объяснение так:

– Вы видите, как тесно сплетены здесь судьба, воля и свойство характеров; я прихожу к той, которая

Сбыточно – то, что может сбыться, осуществиться.

ждёт и может ждать только меня, я же не хочу никого другого, кроме неё, может быть именно потому, что благодаря ей я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. Когда для человека главное – получать дражайший пятак, легко дать этот пятак, но, когда душа таит зерно пламенного растения – чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая у тебя. Когда начальник тюрьмы сам выпустит заключённого, когда миллиардер подарит писцу виллу, опереточную певицу и сейф, а жокей хоть раз попридержит лошадь ради другого коня, которому не везет, – тогда все поймут, как это приятно, как невыразимо чудесно. Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение, и – вовремя сказанное, нужное слово. Владеть этим – значит владеть всем. Что до меня, то наше начало – моё и Ассоль – останется нам навсегда в алом отблеске парусов, созданных глубиной сердца, знающего, что такое любовь. Поняли вы меня?

– Да, капитан. – Пантен крякнул, вытерев усы аккуратно сложенным чистым платочком. – Я всё понял. Вы меня тронули. Пойду я вниз и попрошу прощения у Никса, которого вчера ругал за потопленное ведро. И дам ему табаку – свой он проиграл в карты.

Прежде чем Грэй, несколько удивлённый таким быстрым практическим результатом своих слов, успел что-либо сказать, Пантен уже загремел вниз по трапу и где-то отдалённо вздохнул. Грэй оглянулся, посмотрев вверх; над ним молча рвались алые паруса; солнце в их швах сияло пурпурным дымом. «Секрет» шёл в море, удаляясь от берега. Не было никаких сомнений в звонкой душе Грэя – ни глухих ударов тревоги, ни шума мелких забот; спокойно, как парус, рвался он к восхитительной цели; полный тех мыслей, которые опережают слова.

К полудню на горизонте показался дымок военного крейсера, крейсер изменил курс и с расстояния полумили поднял сигнал – «лечь в дрейф!».

– Братцы, – сказал Грэй матросам, – нас не обстреляют, не бойтесь; они просто не верят своим глазам.

Он приказал дрейфовать. Пантен, крича как на пожаре, вывел «Секрет» из ветра; судно остановилось, между тем как от крейсера помчался паровой катер с командой и лейтенантом в белых перчатках; лейтенант, ступив на палубу корабля, изумлённо оглянулся и прошёл с Грэем в каюту, откуда через час отправился, странно махнув рукой и улыбаясь, словно получил чин, обратно к синему крейсеру. По-видимому, этот раз Грэй имел больше успеха, чем с простодушным Пантеном, так как крейсер, помедлив, ударил по горизонту могучим залпом салюта, стремительный дым которого, пробив воздух огромными сверкающими мячами, развеялся клочьями над тихой водой. <…>

Некоторое время «Секрет» шёл пустым морем, без берегов; к полудню открылся далёкий берег. Взяв подзорную трубу, Грэй уставился на Каперну. Если бы не ряд крыш, он различил бы в окне одного дома Ассоль, сидящую за какой-то книгой. Она читала; по странице полз зеленоватый жучок, останавливаясь и приподнимаясь на передних лапах с видом независимым и домашним. Уже два раза был он без досады сдунут на подоконник, откуда появлялся вновь доверчиво и свободно, словно хотел что-то сказать. На этот раз ему удалось добраться почти к руке девушки, державшей угол страницы; здесь он застрял на слове «смотри», с сомнением остановился, ожидая нового шквала, и, действительно, едва избег неприятности, так как Ассоль уже воскликнула: – «Опять

жучишка… дурак!..» – и хотела решительно сдуть гостя в траву, но вдруг случайный переход взгляда от одной крыши к другой открыл ей на синей морской щели уличного пространства белый корабль с алыми парусами.

Она вздрогнула, откинулась, замерла; потом резко вскочила с головокружительно падающим сердцем, вспыхнув неудержимыми слезами вдохновенного потрясения. «Секрет» в это время огибал небольшой мыс, держась к берегу углом левого борта; негромкая музыка лилась в голубом дне с белой палубы под огнём алого шёлка; музыка ритмических переливов, переданных не совсем удачно известными всем словами… В её простоте, ликуя, развёртывалось и рокотало волнение.

Не помня, как оставила дом, Ассоль бежала уже к морю, подхваченная неодолимым ветром события; на первом углу она остановилась почти без сил; её ноги подкашивались, дыхание срывалось и гасло, сознание держалось на волоске. Вне себя от страха потерять волю, она топнула ногой и оправилась. Временами то крыша, то забор скрывали от неё алые паруса; тогда, боясь, не исчезли ли они, как простой призрак, она торопилась миновать мучительное препятствие и, снова увидев корабль, останавливалась облегчённо вздохнуть.

Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, такая поголовная смута, какие не уступят аффекту знаменитых землетрясений. Никогда ещё большой корабль не подходил к этому берегу; у корабля были те самые паруса, имя которых звучало как издевательство; теперь они ясно и неопровержимо пылали с невинностью факта, опровергающего все законы бытия и здравого смысла. Мужчины, женщины, дети впопыхах мчались к берегу, кто в чём был; жители перекликались со двора в двор, наскакивали друг на друга, вопили и падали; скоро у воды образовалась толпа, и в эту толпу стремительно вбежала Ассоль. Пока её не было, её имя перелетало среди людей с нервной и угрюмой тревогой, с злобным испугом. Больше говорили мужчины; сдавленно, змеиным шипением всхлипывали остолбеневшие женщины, но если уж которая начинала трещать – яд забирался в голову. Как только появилась Ассоль, все смолкли, все со страхом отошли от неё, и она осталась одна средь пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая, с лицом не менее алым, чем её чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю.

От него отделилась лодка, полная загорелых гребцов; среди них стоял тот, кого, как ей показалось теперь, она знала, смутно помнила с детства. Он смотрел на неё с улыбкой, которая грела и торопила. Но тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль; смертельно боясь всего – ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи – она вбежала по пояс в тёплое колыхание волн, крича:

– Я здесь, я здесь! Это я!

Тогда Циммер взмахнул смычком – и та же мелодия грянула по нервам толпы, но на этот раз полным, торжествующим хором. От волнения, движения облаков и волн, блеска воды и дали девушка почти не могла уже различать, что движется: она, корабль или лодка – всё двигалось, кружилось и опадало.

Но весло резко плеснуло вблизи неё; она подняла голову. Грэй нагнулся, её руки ухватились за его пояс. Ассоль зажмурилась; затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и, запыхавшись, сказала:

– Совершенно такой.

– И ты тоже, дитя моё! – вынимая из воды мокрую драгоценность, сказал Грэй. – Вот, я пришёл. Узнала ли ты меня?

Она кивнула, держась за его пояс, с новой душой и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котёнком. Когда Ассоль решилась открыть глаза, покачиванье шлюпки, блеск волн, приближающийся, мощно ворочаясь, борт «Секрета», – всё было сном, где свет и вода качались, кружась, подобно игре солнечных зайчиков на струящейся лучами стене. Не помня – как, она поднялась по трапу в сильных руках Грэя. Палуба, крытая и увешанная коврами, в алых выплесках парусов, была как небесный сад. И скоро Ассоль увидела, что стоит в каюте – в комнате, которой лучше уже не может быть.

Тогда сверху, сотрясая и зарывая сердце в свой торжествующий крик, вновь кинулась огромная музыка. Опять Ассоль закрыла глаза, боясь, что всё это исчезнет, если она будет смотреть. Грэй взял её руки и, зная уже теперь, куда можно безопасно идти, она спрятала мокрое от слёз лицо на груди друга, пришедшего так волшебно. Бережно, но со смехом, сам потрясённый и удивлённый тем, что наступила невыразимая, недоступная никому драгоценная минута, Грэй поднял за подбородок вверх это давным-давно пригрезившееся лицо, и глаза девушки, наконец, ясно раскрылись. В них было всё лучшее человека.

Обсудим вместе

1. В чём особенность характера Ассоль? Почему она не переставала верить в свою мечту, несмотря на насмешки окружающих?
2. Была ли случайной встреча Ассоль и Грэя?
3. К.Г. Паустовский писал: «Человек в порыве к счастью способен своими руками творить чудеса». Согласны ли вы с этими словами? Как вы думаете, имеет ли это высказывание отношение к произведению «Алые паруса»?

Практические задания

1. Попробуйте найти в повести и запомнить сказочные мотивы, которые указывают на наличие волшебства.
2. Приведите примеры антитезы (контраста) из текста, опираясь на образы героев.
3. Автор изобразил корабль белым, а паруса алыми. Представьте, что вы художник, и попробуйте подобрать цвет, соответствующий каждому персонажу повести.
4. Составьте план повести, выделив ключевые моменты в развитии сюжета.

Домашнее задание

Отталкиваясь от содержания повести «Алые паруса», сказки «Маленький принц» и дастана «Равшан», напишите эссе на одну из предложенных ниже тем:

1. «Мечта, которая меняет судьбу: как вера в мечту помогла Ассоль, Маленькому принцу и Равшану преодолеть трудности».
2. «Смысл жизни глазами Маленького принца, Ассоль и Равшана: что для них самое главное».
3. Охарактеризуйте героев повести, заполнив таблицу в тетради.

Герой	Характеристика
Ассоль	
Грэй	
Лонгрен	
Меннерс	
Эгль	

Глава II

ЧИСТОТА ПОМЫСЛОВ И ПОСТУПКОВ ЧЕЛОВЕКА

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН 1799–1837

А.С. Пушкин – великий русский поэт, писатель, драматург и создатель современного русского литературного языка. Его поэзия сочетает музыкальность слова, глубину чувств и мудрость мысли. Пушкин показал, каким богатым, гибким и выразительным может быть русский язык. Он умел просто говорить о главном: о дружбе, чести, любви и свободе. Произведения Александра Сергеевича, такие как «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила», оказали огромное влияние на развитие русской литературы и культуры.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что для вас значит имя Александра Сергеевича Пушкина? Какие ассоциации вызывает его творчество?
2. Какое влияние имело творчество А.С. Пушкина на развитие русской литературы?
3. Какие произведения Пушкина дают возможность получить ясное представление о его творчестве?

ЛИРИКА

Лирика А.С. Пушкина – это не только поэзия, это целый мир чувств и переживаний. Поэт мастерски сочетает простоту и глубину, часто обращаясь к личным переживаниям, но при этом создавая произведения, которые отражают общечеловеческие ценности и идеи. В каждом стихотворении есть свой особый мир, который Пушкин открывает читателю.

А.С. Пушкин не просто писал стихи – он изменил весь ход русской поэзии. Его лирика вдохновляла на творчество других великих писателей и поэтов, а его образ жизни и философия находят отклик в произведениях разных времён и эпох.

Начиная разговор о лирике Пушкина, обратимся к ранним вольнолюбивым стихам поэта, история которых интересна, а художественное своеобразие позволяет в полной мере познакомиться с творческим методом Пушкина.

Ранние стихотворения А.С. Пушкина являются важным этапом в его творческом развитии и отражают влияние классической традиции, а также стремление поэта найти свой стиль. На этот период приходится много стихотворений, наполненных романтизмом, страстью и экспериментами с формами.

Первое небезызвестное произведение – стихотворение «К Чаадаеву», созданное поэтом в Петербургский период, когда А.С. Пушкин находился под сильным влиянием декабристских свободолюбивых идей. В дружеском послании раскрывается тема вольности и борьбы с самодержавием, отображая те общие взгляды, которые объединяли молодых людей.

Стихотворение «К Чаадаеву» написано в жанре послания, что придаёт ему личный характер. Пушкин использует размышления в разговорной форме, чтобы подчеркнуть не только глубину мысли, но и непосредственное обращение к Чаадаеву как к близкому другу, известному философу и публицисту, декабристу, выступавшему против существовавшего политического строя. Метафорическая «звезда пленительного счастья» и её восход становятся символом победы в нелёгкой борьбе. А «обломки самовластья» предвосхищают падение царского самодержавия. Подобная идея открыто и смело была высказана впервые в стихотворении «К Чаадаеву».

Мотив свободы в стихотворении «К Чаадаеву» переплетается с темой дружбы, о которой лирический герой говорит как о единении людей с общими интересами и целями. А свобода для лирического героя – высшая ценность, то, за что стоит бороться, и то, чему стоит посвятить всю энергию молодости.

В стихотворении «К Чаадаеву», проникнутом вольнолюбивым духом, несмотря на доверительный дружеский тон, чувствуется твёрдая гражданская позиция. Поэт сам готов отойти от личных интересов ради процветания России, ради свободы и призывает к тому же других. Он абсолютно убеждён, что в будущем страна станет свободной.

Эмоциональный настрой стихотворения постепенно меняется: если в начале лирический герой огорчён тем, что надежды его юности не оправдались, то в конце он бодр, несмотря на то, что реальная жизнь пока печальна. Поэт настойчиво призывает всех членов общества постараться изменить ситуацию.

Обсудим вместе

1. Что такое лирическое стихотворение? Чем оно отличается от сказки и рассказа?
2. Какие чувства и эмоции вы чаще всего замечаете в лирических стихотворениях? Почему они могут быть близки читателю?
3. Как вы думаете, что вдохновляет поэтов писать лирические стихи, наполненные такими переживаниями?
4. Кто такой лирический герой? Чем он отличается от самого автора стихотворения?

Читаем стихотворение

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит ещё желанье,
Под гнётом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждём с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждёт любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818 г.

Обсудим вместе

1. Какую главную мысль стремится донести до читателя А.С. Пушкин в этом произведении? Как эти идеи отражают его мировоззрение и взгляды на жизнь?
2. Что означает понятие «свобода» в контексте стихотворения? Почему она занимает центральное место?
3. Какие лирические образы и философские размышления, присущие Пушкину, можно заметить в этом стихотворении?
4. Как великий поэт выражает своё отношение к России и её будущему? Какие эмоции и надежды он испытывает к родине?
5. Какие художественные средства используются в произведении? Как они, на ваш взгляд, помогают передать настроение и чувства автора?

Практические задания

1. Представьте, что вы Чаадаев. Попробуйте написать ответ на стихотворение Пушкина.
2. Разбейте стихотворение на смысловые части. Составьте краткую характеристику каждой части, обратив внимание на изменения, которые происходят в тоне стихотворения по мере его прочтения.
3. Выполните словарную работу. Установите соответствие.

Слова из текста	Значение слов
нежил	надежда
роковой	мучение
гнёт	решающий
внемлем	развлечения
упованье	слышим
вспрянет	баловал
забавы	угнетение
томленье	проснётся

«Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕРУКОТВОРНЫЙ...»

Стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» является одним из наиболее известных произведений, в котором поэт размышляет о своём наследии, о бессмертии искусства и своей роли в истории литературы. Написано оно в 1836 году и представляет собой важное заявление о значении поэта и его творчества.

Пушкин в этом стихотворении говорит о том, что его творчество, его литературное наследие – это «памятник», который будет стоять вечно. В отличие от обычных материальных памятников, которые со временем разрушаются, памятник поэта, то есть его произведения, не исчезнут, а будут жить, передавая его имя и влияние многим поколениям.

В стихотворении памятник выступает как символ вечности и неизменности искусства. Пушкин противопоставляет свой литературный памятник временным и разрушаемым монументам, воздвигнутым в честь царей и военачальников. Это не просто физический объект, а символ того, что его произведения будут жить в веках. Пушкин заявляет, что его «памятник» будет воздвигнут не из камня, а из слов, оставшихся в сердцах людей.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что такое памятник? Какие ассоциации вызывает у вас слово «памятник»?
2. Какие памятники вы видели в своём городе и в других городах?
3. Как вы понимаете выражение «воздвигать себе памятник»? Кто может ставить себе памятники при жизни и почему?
4. Что, по вашему мнению, может обеспечить человеку бессмертную славу?
5. Какие достижения могут быть «вечными»?

Читаем стихотворение

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

1836 г.

Обсудим вместе

1. Как в стихотворении раскрывается тема бессмертия? Что символизирует «памятник» поэта и почему он так важен?
2. Как А.С. Пушкин воспринимает свою литературную славу? Почему он уверен, что его творчество останется в веках?
3. Почему, по вашему мнению, Пушкин говорит: «Нет, весь я не умру»? Как вы понимаете смысл этого выражения?
4. Какую роль играет поэзия в жизни Пушкина и как это проявляется в стихотворении? Почему поэт уделяет столько внимания своему «памятнику»?
5. Как в стихотворении раскрываются мотивы вечности? Как Пушкин описывает своё значение для литературы и памяти народа?

Практические задания

1. Проанализируйте стихотворение с точки зрения композиции. Как оно построено и какие средства выразительности использует автор?
2. Попробуйте выделить основные идеи и мысли, которые Пушкин хотел донести до читателя.
3. Найдите эпитеты и метафоры в стихотворении. Дайте развёрнутый ответ, как эти тропы помогают раскрыть авторскую мысль.

Домашнее задание

1. Найдите в интернете и прочитайте стихотворение римского поэта Горация «К Мельпомене» (оно также известно как «Памятник») и стихотворение русского поэта Гавриила Романовича Державина «Памятник».
2. Сравните их с произведением А.С. Пушкина. Постарайтесь найти сходства и различия между этими стихотворениями.
3. Выучите наизусть одно из стихотворений.

Подготовка к встрече с текстом

1. В какие моменты вы особенно дорожите своими друзьями?
2. Какие качества вы цените в друзьях больше всего? Можете ли вы назвать случаи в жизни, когда дружба сыграла решающую роль?

«19 ОКТЯБРЯ 1825»

Лирика Александра Сергеевича Пушкина о дружбе и лицее занимает особое место в его творчестве. Пушкин был в числе первых выпускников Царскосельского лицея, открывшегося 19 октября 1811 года. Лицеисты очень сдружились за время учёбы, поэтому договорились встречаться каждый год 19 октября. Поэт с особым теплом и благодарностью относился к времени, проведённому в Царскосельском лицее, который сыграл важную роль в его жизни и литературном становлении. Для Пушкина лицей стал не просто школой, но и местом, где формировались его взгляды на жизнь, укреплялись дружеские связи и происходило духовное становление рядом с талантливыми сверстниками, впоследствии сыгравшими значительную роль в русской культуре.

В 1825 году, находясь в ссылке в селе Михайловское Псковской губернии, он не смог попасть на ежегодную встречу и написал стихотворение «19 октября». Оно было передано друзьям-лицеистам и торжественно зачитано в их кругу.

Многие из стихотворений, написанных Пушкиным в этот период, посвящены теме дружбы, товарищества и лицейской жизни. Пушкин особенно дорожил той атмосферой, где царили братские отношения, юношеский энтузиазм, свобода мысли, любознательность и стремление к знаниям («Воспоминания в Царском Селе», «Друзьям», «Лицей»). Силу и стойкость дружбы, которую Пушкин ценил на протяжении всей жизни, подчёркивают строки:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.

Лицей был не только учебным заведением, но и символом интеллектуальной свободы, где Пушкин и его товарищи могли свободно развивать свои таланты, обсуждать идеи и мечтать о будущем. Эти годы стали для него временем формирования как личности, а отношения с друзьями – залогом его поэтического творчества.

Пушкин писал о лицейской дружбе не только с чувством благодарности, но и с лёгким оттенком грусти, как о чём-то ускользающем, чего не вернуть. Лицей был его молодостью, и воспоминания о нём стали неотъемлемой частью поэзии.

В стихотворении «19 октября» он вспоминает самых близких друзей. Сначала поэт говорит о тех, кто не смог попасть на встречу. Их имена заменяются красноречивыми перифразами: «кудрявый наш певец», который теперь в Италии «тихо спит» (о Корсакове), «чужих небес любовник беспокойный» (о путешественнике Матюшкине).

Несколько строф стихотворения посвящены трём бывшим лицеистам, которые рискнули проведать поэта в Михайловском: Пущину, Дельвигу и Горчакову. О каждом из них поэт пишет с любовью и уважением. Образы этих людей выписаны детально, особое внимание автор обращает на достижения друзей.

В последних строфах стихотворения «19 октября» прославляется Лицей и царь. Царя Пушкин славит за то, что он «взял Париж и основал лицей». К этим дифирамбам поэт добавляет и несколько резких слов: «он раб молвы, сомнений и страстей». Напоследок автор с горечью представляет, как в далёком будущем из его курса на встречу придёт лишь кто-то один. Он проводит параллель между собой и этим человеком, желает провести «сей день за чашей».

Главная мысль произведения заключается в том, что настоящая дружба не боится расстояний и преград, все тяготы судьбы нужно встречать с достоинством. Для Александра Сергеевича дружба была огромной ценностью, которую по шкале ценностей он мог сравнить лишь с любовью и свободой. Тёплое и преданное отношение к своим друзьям автор проносит через всю свою жизнь.

Читаем стихотворение

19 октября 1825

(в сокращении)

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать весёлых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовёт;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждёт.

Он не пришёл, кудрявый наш певец,
С огнём в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашёл привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лёд полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Сребрит (устар.) – серебрит, покрывает серебром.

Вотще (устар.) – тщетно, напрасно.

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой…
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай просёлочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришёл, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил

Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты…
Опомнимся – но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пермесские девы – это музы, богини искусства и вдохновения в древнегреческой мифологии.

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг –
Приди; огнём волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне… пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слёз и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мёртвым, и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте…
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Подъять – поднять.

Пируйте же, пока ещё мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему…
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придётся одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой…
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведёт,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провёл без горя и забот.

1825 г.

Илья Ефимович Репин. Пушкин на лицейском экзамене в Царском Селе 8 января 1815 года.

Обсудим вместе

1. Какому событию и кому посвящено это стихотворение?
2. Почему стихотворение начинается с описания осеннего пейзажа?
3. Какие выразительные средства Пушкин использует для описания осени? Как они усиливают основную мысль стихотворения?
4. Какие воспоминания и мысли заставляют поэта забыть свою печаль и преодолеть чувство одиночества?
5. Какие обращения подбирает поэт в стихотворении? К кому бы вы обратились с такими словами?

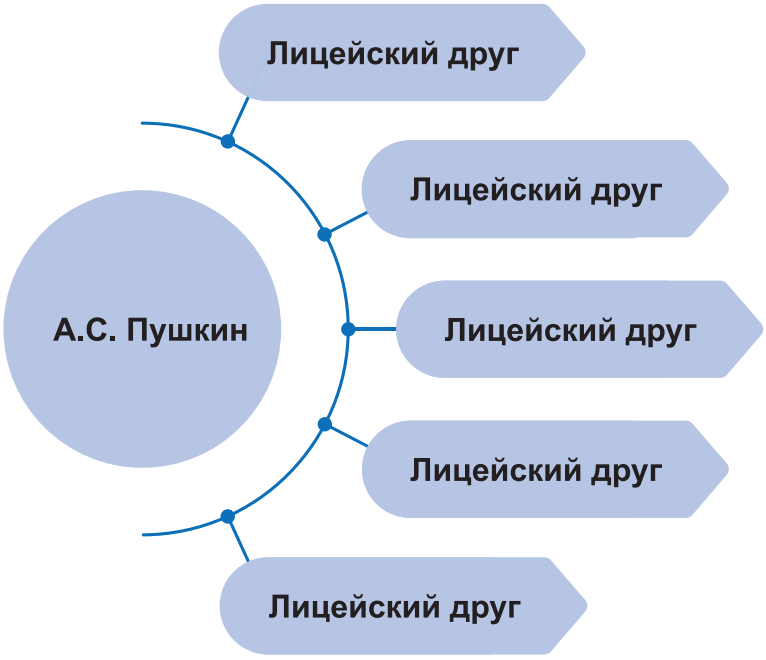
Практические задания

1. Найдите строчки, которые можно считать гимном «лицейскому братству».
2. Определите, с кем из друзей А.С. Пушкин говорит:
   - Бодро – …
   - Вдохновенно – …
   - Аристократически – …
   - С нежностью – …
   - С причудливостью – …
3. Приведите примеры тропов из стихотворения «19 октября» и запишите их в тетрадь в виде данной ниже таблицы.

Метафоры	
Эпитеты	
Сравнения	

Домашнее задание

1. Составьте кластер «Лицейские друзья Пушкина».
2. Выучите понравившийся вам отрывок из стихотворения «19 октября 1825».
3. Напишите небольшое эссе «Какими духовными ценностями обогащает нас лирика Пушкина?»

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ
1893–1930

В.В. Маяковский – знаменитый русский поэт XX века, публицист, драматург, художник. Кроме того, талантливый актёр кино, режиссёр и сценарист. Его поэтическое творчество потрясает дерзкими метафорами и ритмами, а каждое из его произведений – настоящий манифест нового искусства. Маяковский – это голос эпохи, полный страсти, протеста и искренности. И поэтому искусство, призванное изменить мир к лучшему, по его мнению, должно быть по содержанию и даже по форме совершенно иным, новым.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что вы знаете о В.В. Маяковском? Какие его стихи или произведения вам знакомы?
2. Каким, в вашем понимании, должен быть поэт?

СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ И ИНТОНАЦИОННО-РИТМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИХОТВОРЕНИЙ В.В. МАЯКОВСКОГО

Маяковский буквально перевернул представление о стихах. Его поэзия громкая, смелая, необычная. Это не просто строки, а настоящий разговор с читателем, в котором звучат ритм, энергия, эмоции.

Когда мы читаем его стихи, кажется, что они шагают, маршируют, кричат:

Били копыта. Пели будто:
– Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб.
(Хорошее отношение к лошадям)

Он не пишет обычными рифмами, не прячет эмоции за красивыми словами. Каждое его слово – как удар, как призыв к действию.

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
(Левый марш)

Эти строки короткие, но они цепляют, звучат резко, эмоционально, прямо в сердце. В его стихах чувствуется энергия улицы, шума города, голос толпы. Он хотел, чтобы его стихи не шептались на бумаге, а звучали громко, как лозунги, как барабанный бой!

Обратите внимание, как выглядят его стихи на странице. Они не пишутся ровными строчками, как у других поэтов. Вместо этого каждое слово – как ступенька лестницы. Это делает чтение динамичным, похожим на разговор, диалог, беседу:

Послушайте!
Ведь, если звёзды
зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!
(Послушайте)

Его стихи напоминают живописные картины, в которых каждое слово – мазок, подчёркивающий силу и выразительность его поэтического голоса. Поэт умел говорить просто и убедительно, делая сложные идеи понятными каждому. Ярким примером сказанному выше может послужить стихотворение «Что такое хорошо и что такое плохо», написанное в форме диалога отца с сыном, где на простых примерах объясняются понятия добра и зла:

Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.
Если бьёт
дрянной драчун
слабого мальчишку,

я такого
не хочу
даже
вставить в книжку.

Неологизм – это слово имеет древнегреческие корни и состоит из двух частей: «неос» (переводится как «новый») и «логос», что значит «слово». Неологизмами могут быть новые слова или словосочетания.

Простота языка и ясность образов делают данное произведение понятным и доступным для людей всех возрастных категорий. Оно ярко демонстрирует мастерство поэта, способного говорить просто и убедительно.

Маяковский считал, что язык должен быть живым и отражать дух времени. Он стремился к яркости, экспрессивности и динамичности речи, что заставляло его изобретать новые слова – неологизмы. Основными причинами создания неологизмов у Маяковского были:

- необходимость передать новые реалии новой эпохи, нового XX века;
- стремление к выразительности и ритмике стихотворных строк;
- игра со словом, создание неожиданных образов и рифм.

Неологизмы Маяковского стали важной частью литературного наследия. Некоторые словесные изобретения Владимира Маяковского перешли в повседневную речь и перестали опознаваться как авторские – это, к примеру, фразеологизм «ежу понятно». Впервые он появился в 1925 году в «Сказке о Пете, толстом ребёнке, и о Симе, который тонкий». В обыденной речи и литературных произведениях очень часто встречаются слова «каплища», «шажище», «громадьё», «бескультурье», «златолобый» и многие другие.

Изучая творчество поэта, учёные поняли, что созданных писателем слов настолько много, что можно создать целый словарь неологизмов Маяковского. Они играют важную роль в поэзии Маяковского, придавая его стихам оригинальность и свежесть.

Учёные вывели определённые закономерности в словообразовании поэта. Вот некоторые из них:

- Поэт часто пользуется приставками «рас» и «раз». Например, «распразднуем», «распархивался», «размайся», «разгазелись», «раздокажу» и т.п.
- К глаголам Маяковский любит присоединять «вы» и «в», что наделяет слова такими значениями, как полное завершение, законченность и исчерпанность: «высверлит», «взгромоздя», «выхваливает», «высинить».
- Употребляя с глаголами «за», поэт наделяет их значением начала действия: «засвистывают», «завинчусь», «затрубадурила».
- Присоединение приставок «до» и «про» обозначает доведение дела до конца: «доскакиваем», «процеловали».
- Часть глаголов Маяковский образует от существительных, используя вышеуказанные приставки: «размедведил», «выметаллизировал».

Неологизмы Маяковского довольно многогранны. Для словообразования поэт использует не только приставки, но и суффиксы:

- Например, устаревший суффикс «ё», который давно не употребляется в русском языке: «дядьё», «дамьё», «гостьё». К примеру, слово «старьё», столь широко используемое сегодня, впервые было выдумано именно Маяковским.
- Очень часто пользуется поэт уменьшительно-ласкательными суффиксами: «лучёнышки», «язычешкой», «статьишке», «жизнишку».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что неологизмы поэта – это не просто стилистическое явление, а некая самобытная система, работающая по собственным законам. Именно в этой системе и заключается прелесть стихотворений Маяковского, которые по сей день пленяют читателей своей образностью и точностью выражений.

Не все неологизмы, изобретённые поэтом, вошли в активный словарь современного русского языка, многие из них продолжают жить и звучать лишь в языке художественных произведений. Но тем не менее, словотворчество Маяковского продолжает вдохновлять поэтов, писателей и читателей, доказывая, что язык – живой организм, способный меняться и развиваться под влиянием талантливых мастеров слова.

Владимир Маяковский радикально преобразил поэтическую систему своего времени, привнеся в неё новаторские решения и существенно повлияв на развитие русского языка.

В поэтических произведениях Маяковского часто не соблюдается правильное чередование ударных и безударных слогов в строках. Это придаёт стихам дополнительную выразительность, создаёт особый ритмический рисунок – поэт прибегает к тоническому стихосложению.

Тоническое стихосложение основано на равном количестве ударных слогов в строках при возможном произвольном количестве безударных.

Интонация – повышение и понижение тона голоса при произношении.

Знаменитая «лесенка» Маяковского, где слова размещались ступенями, подчёркивала внутреннюю динамику строки. Строка могла прерываться на слове или его части, продолжаясь на следующей линии. Подобный приём позволял поэту создавать уникальные ритмы, приближая стих к звучанию живой речи и делая количество слогов в строке несущественным. Сам Маяковский отмечал, что его «стихи рассчитаны в основном на чтение с голоса, на массовую аудиторию...».

Особое внимание поэт уделял рифме: его рифмы были острыми, смелыми, порой неожиданными, что подчёркивало разговорную интонацию и оригинальность его поэтического строя. Маяковский ломал привычные каноны и открывал для поэзии новые возможности.

Рифма – совпадение или созвучие окончаний двух или нескольких строк, которое связывает их между собой.

Обсудим вместе

Подумайте и попробуйте аргументированно ответить на вопрос: зачем Маяковскому понадобилось создавать новые слова – неологизмы?

Домашнее задание

Исследовательское задание. Чем необычна роль Маяковского в русской литературе и культуре? Найдите в интернете или в других источниках сведения о его жизни, которые повлияли на творчество поэта.

О СТИХОТВОРЕНИИ «НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ»

Маяковский не только писал стихи, но и активно участвовал в жизни страны. В 1919 году поэт начинает работать в Российском телеграфном агентстве (РОСТА), где создаёт уникальные агитационные плакаты. Это были яркие, броские изображения с короткими и меткими подписями, которые помогали людям понять, что происходит в стране. Газет тогда не хватало, и такие плакаты стали настоящими «говорящими стенами».

Чтобы каждый день создавать новые рисунки и подписи, Маяковский вставал с рассветом и уезжал в город, а возвращался домой только поздно вечером. Этот ритм жизни и постоянная работа вдохновили его на написание стихотворения «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

Это яркое и оригинальное произведение, в котором поэт с юмором и иронией описывает свои «приключения», происходящие с ним. Маяковский создаёт забавный, даже абсурдный сюжет, смешивая реальность и вымысел.

Однажды летом, в разгар жары, главный герой Владимир Маяковский крикнул солнцу, чтобы оно спустилось и зашло к нему на чай, вместо того чтобы бесцельно бродить по небу. К его удивлению, солнце, дружелюбное и разговорчивое, приняло приглашение и спустилось с неба.

Поэт испугался, но постарался не показать этого. Солнце вошло в дом и басом потребовало чай и варенье. Маяковский, преодолев смущение, пригласил светило к самовару.

Они разговорились, обсуждая жизнь и работу. Солнце жаловалось на трудности своего ремесла, а поэт – на проблемы в РОСТА. Беседа продолжалась до темноты, и они подружились.

В конце встречи солнце предложило поэту объединить усилия: оно будет светить своим светом, а поэт – своими стихами. Вместе они решили бороться с серостью мира. Маяковский воодушевился этой идеей и провозгласил их общий лозунг:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить –
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой –
и солнца!

Основная идея стихотворения заключается в том, что Маяковский, находясь на даче, переживает необычные события, связанные с его воображением и восприятием мира. Это приключение сопровождается игрой слов, яркими образами и неожиданными поворотами, которые характерны для стиля Маяковского.

Одной из важнейших тем стихотворения является взаимодействие поэта с окружающим миром, его восприятие природы, людей и самого себя. Он изображает свою жизнь на даче как странное, иногда нелепое, но тем не менее увлекательное приключение. Через это произведение Маяковский подчёркивает свою склонность к игривому отношению к жизни и к поиску необычных путей выражения своих мыслей.

Стихотворение состоит из ярких, порой абсурдных образов и ситуаций, где реальность и фантазия переплетаются, создавая запоминающийся и ироничный рассказ о том, как поэт видит мир.

Поэт обрёл новую цель – светить своим творчеством, как солнце светит людям, не останавливаясь ни перед чем. Это стало его жизненным кредо и источником вдохновения для дальнейшего творчества.

Сам Маяковский, читая это стихотворение со сцены, старался не повышать голоса, произносил слова и фразы, адресованные солнцу, спокойно, с едва заметным пренебрежением.

Читаем стихотворение

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла –
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы –
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею –
дыра,

и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днём
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе всё поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут – не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать –
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведя,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чаи гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого –
жара с ума сводила,
но я ему –
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»

Чёрт дернул дерзости мои
орать ему, –
сконфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь – не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась, –
и степенность
забыв,
сижу, разговорясь
с светилом
постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко.
– Поди, попробуй! –
А вот идёшь –
взялось идти,
идёшь – и светишь в оба!»
Болтали так до темноты –
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоясь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдём, поэт,
взорим,
вспоём
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить своё,
а ты – своё,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг – я
во всю светаю мочь –
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить –
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой
и солнца!

1920 г.

Обсудим вместе

1. Что может удивить читателя в самом названии стихотворения? Какими особенностями может обладать произведение с таким началом?
2. Почему в стихотворении сравниваются поэзия и солнце? В чём Маяковский видит свой общественный долг и как понимает предназначение поэзии?
3. О чём говорят поэт и солнце? Почему они так легко нашли общий язык?
4. Можно ли считать разговор солнца с поэтом кульминацией стихотворения? Как чувствует себя поэт в удивительном соседстве? С помощью каких деталей фантастическая ситуация приобретает оттенок обыденности?

Практические задания

1. Какие художественные приёмы для создания образа солнца использовал поэт? Найдите примеры олицетворения, гиперболы, метафоры, сравнения. Объясните их роль.
2. Выпишите слова, отражающие изменение отношения поэта к солнцу до чаепития. Почему сначала используются резкие, грубые слова?

О СТИХОТВОРЕНИИ «ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ»

«Хорошее отношение к лошадям» – это лирическое стихотворение, но, как и многие произведения Маяковского, оно имеет сюжет, поэтому воспринимается как рассказ, действие которого развивается последовательно: лошадь падает – над ней потешаются – приходит лирический герой и подбадривает её – она счастлива, так что находит в себе силы встать.

Поэт использует знаменитую «лесенку» и тоническую систему стихосложения, неточную рифму, что помогает ему создавать необычные ситуации, образы, идеи.

Тема равнодушия и жестокости, которая очень волновала Маяковского, также является важной в этом стихотворении. Лирический герой становится свидетелем ситуации, когда бедная старая лошадь, утомившись от работы, падает, а люди вокруг, вместо того, чтобы помочь животному или хотя бы посочувствовать ему, только смеются.

И вот тут поэтом высказывается главная мысль: надо быть добрее. Простых сочувственных слов лирического героя было достаточно для того, чтобы старая кляча не просто встала и пошла. Нет, она повеселела, почувствовала себя ребёнком и поняла, что все её усилия были не напрасны.

Читаем стихотворение

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта. Пели будто:
– Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб. –
Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
– Лошадь упала! –
– Упала лошадь! –
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошёл
и вижу

глаза лошадиные…
Улица опрокинулась,
течёт по-своему…
Подошёл и вижу –
за каплищей каплища
по морде катится,
прячется в ше́рсти…
И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте –
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть –
старая –
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась
пошла́,
только
лошадь
рванулась,
встала на́ ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребёнок.
Пришла весёлая,
стала в стойло.
И всё ей казалось –
она жеребёнок,
и стоило жить,
и работать стоило.

1918 г.

Обсудим вместе

1. Как Маяковский показывает своё отношение к лошадям? Почему лошадь как символ имеет важное значение для автора?
2. Что отличает лирического героя от толпы зевак? Что увидел он и почему этого не заметили другие?
3. Какую роль в стихотворении играет человеческое отношение к лошадям?
4. В стихотворении Маяковского лошадь поднимается, несмотря на насмешки толпы. Что, если бы этого не произошло? Как бы развивались события, если бы лошадь не смогла встать?
5. Придумайте альтернативный финал, который сохранил бы глубокий смысл произведения и передал бы его основную идею.
6. Какой момент стихотворения показался вам самым трогательным? Почему?
7. Как лошадь в стихотворении Маяковского становится символом свободы и человеческого отношения к миру?

Практические задания

1. Разбейте стихотворение на несколько частей и выделите основные темы, символы и образы.
2. Найдите в тексте эпитеты, метафоры и авторские неологизмы.
3. «**Разговор с Маяковским**». Вообразите, что вам выпала возможность поговорить с Владимиром Маяковским о его стихотворении. Какие три вопроса вы бы ему задали? Как вы думаете, что бы он ответил?

Домашнее задание

Подготовьте выразительное чтение одного стихотворения В.В. Маяковского. Постарайтесь выделить ритм и интонацию, чтобы передать эмоциональное состояние автора.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ
1809–1852

Н.В. Гоголь – великий русский писатель, драматург и поэт XIX века, чьё творчество раскрывало тайны человеческой души. В его произведениях оживает народная речь, а за сатирой прячется глубокое сострадание к людям. Он создал целый мир – яркий, тревожный и поэтичный. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Ревизор», «Шинель», «Мёртвые души» – это не просто классика, это вечные уроки совести, добра и истины. Его книги полны загадок, иронии и неожиданных поворотов.

Подготовка к встрече с текстом

1. Какие общественные пороки и недостатки, на ваш взгляд, могут стать темой сатиры в литературе?
2. Что такое коррупция и как она проявляется в жизни общества? Почему это явление становится объектом критики в литературе и искусстве?
3. Как вы думаете, почему авторы сатирических произведений стремятся высмеивать социальные проблемы?

О КОМЕДИИ Н.В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

В 1835 году Николай Васильевич Гоголь начал работать над комедией **«Ревизор»**, сюжет которой подсказал ему А.С. Пушкин. А уже в начале 1836 года состоялась премьера пьесы в театрах Москвы и Петербурга. Приступая к написанию пьесы, Гоголь пообещал Пушкину: «Клянусь, будет смешнее чёрта». Своё обещание Николай Васильевич сдержал. Русский царь Николай I, посмотрев комедию, заметил: «Всем досталось. А мне больше всего».

Гоголь-новатор создал социальную комедию, в которой нет ни одного положительного персонажа. Когда писателя упрекали в этом, он отвечал, что главный положительный герой «Ревизора» – смех.

«Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор», – с первой же фразы городничего начинается завязка сюжета. Финальная немая сцена также немало удивила театральных критиков. Ранее никто не использовал такой приём в драматургии. Сюжет комедии построен так, что пьеса начинается с новости о приезде ревизора и заканчивается таким же сообщением.

Новаторство Гоголя проявилось и в том, что в комедии нет второстепенных сюжетных линий. Все действующие лица участвуют в одном динамичном конфликте.

Несомненным новшеством явился и сам главный герой. Впервые им стал глупый, пустой и ничтожный человек – «без царя в голове». Характер героя наиболее полно проявляется в сценах обмана. Хлестаков столь сильно вдохновлён собственным воображением, что не может остановиться. Он нагромождает одну нелепицу за другой, даже не сомневаясь в «правдивости» своей лжи.

Гоголь задействовал в пьесе масштабный пласт российской действительности: государственная власть, медицина, суд, образование, почтовое ведомство, полиция, купечество. Писатель поднимает и высмеивает множество неприглядных черт современной ему жизни. Здесь повсюду взяточничество и пренебрежение своими обязанностями, казнокрадство и чинопочитание, тщеславие и страсть к сплетням, зависть и наушничество, хвастовство и глупость, мелочная мстительность и тупость… Чего только нет! «Ревизор» – настоящее зеркало российского общества XIX века.

В комедии представлен собирательный образ чиновничества. Государственные служащие всех рангов воспринимаются как единый организм, поскольку близки в своём стремлении к стяжательству, уверены в безнаказанности и правильности своих действий.

Одно из главных мест в пьесе занимает, конечно, городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, который на службе уже тридцать лет. Как человек хваткий, он не упускает выгоду, что сама плывёт в руки. Но в городе полный беспорядок. Появление ревизора сильно пугает городничего. Он боится попасть в немилость и лишиться своей должности. Однако, убедившись в том, что Хлестаков готов брать взятки, Сквозник-Дмухановский успокаивается, старается угодить важному лицу всеми средствами.

Забавен образ судьи Ляпкина-Тяпкина, который страстно любит псовую охоту, берёт взятки борзыми щенками, искренне считая, что это довольно безобидное дело. В приёмной суда творится полный беспорядок: сторожа завели гусей, по стенам развешена «всякая дрянь». А сам Ляпкин-Тяпкин не может разобраться в простой докладной записке. В городе судью считают «вольнодумцем», так как он прочитал несколько книг и говорит всегда высокопарно, хотя и совершенные глупости.

Почтмейстер искренне не понимает, почему нельзя читать чужие письма. Для него письма – это интересные рассказы о жизни людей. Особенно те, которые ему нравятся больше всего, он оставляет у себя и перечитывает. Иногда он даже не запечатывает письмо, а просто кладёт его в сторону, как будто это обычная книга.

В больнице попечителя богоугодных заведений Земляники также царит беспорядок. Пациентам не меняют бельё, а врач-немец ничего не понимает по-русски. Земляника – подхалим и доносчик – не прочь облить грязью своих товарищей.

Привлекает внимание комичная пара городских сплетников Бобчинского и Добчинского. Для усиления эффекта Гоголь делает их похожими внешне и даёт одинаковые имена, даже фамилии персонажей отличаются всего одной буквой. Это совершенно пустые и бесполезные люди, им удаётся оказаться в центре внимания и почувствовать свою важность.

ХЛЕСТАКОВ

Главный герой комедии «Ревизор» – Иван Александрович Хлестаков, молодой человек, чиновник из Санкт-Петербурга, которого по ошибке принимают за ревизора, направленного в провинциальный город для проверки местных властей. Образ Хлестакова построен на его уверенности в своей значимости, которая является ложной и преувеличенной. Хлестакова сложно назвать мошенником и авантюристом, ведь он не выдаёт себя за «значительное лицо» сознательно, а только пользуется обстоятельствами. Самодовольный Хлестаков абсолютно не осознаёт, насколько он незначителен и глуп, но при этом полон высокомерия. Он легко может внушить людям ложное впечатление о своём высоком статусе.

Не обладая никакими особыми достоинствами или умственными способностями, Хлестаков не понимает, что все его «успехи» – это случайности и недоразумения. Воспользовавшись ситуацией, он быстро осознаёт, как можно манипулировать людьми, и использует их страхи и желание угодить для своей пользы, не задумываясь о последствиях.

Хлестаков является ярким примером того, как человек с пустым внутренним миром и низкими моральными ценностями может добиться временного успеха, пользуясь случаем и заблуждениями окружающих. Гоголь не случайно выбрал такую фамилию своему герою. Она явно ассоциируется с глаголами *«хлестать»*, *«ухлёстывать»* и выражением *«столичный хлыщ»*, что вполне соответствует образу.

Образ Хлестакова – это сатира на пустословие, лицемерие и склонность общества восхищаться людьми, которые лишь по виду кажутся важными. Однако герой

искренне считает себя умнее и достойнее глупых провинциалов. Полное ничтожество с грандиозными претензиями, лгун, трус и ветреный хвастун Хлестаков – порождение своей эпохи. В этом образе Н.В. Гоголь собрал все общечеловеческие пороки.

Комедия Гоголя «Ревизор» актуальна и в современном обществе, где проблемы коррупции и недобросовестности людей остаются острыми. Пьеса является не только критикой недостатков того времени, но и предостережением о том, как не стоит поступать, подчёркивая важность ответственности и честности перед обществом.

Обсудим вместе

1. В чём заключается особенность драматических произведений?
2. Подумайте, чем пьесы отличаются от других литературных жанров.
3. Назовите основные виды драматических произведений. Какие чувства вызывают они у зрителей?
4. Почему пьесу Н.В. Гоголя «Ревизор» называют комедией?
5. Гоголь считал, что в комедии смех имеет честное, благородное лицо. Как вы это понимаете?

Читаем комедию

РЕВИЗОР

(в сокращении)

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.
Народная пословица

Комедия в пяти действиях

Действующие лица

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.
Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин, судья.
Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений.
Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.
Пётр Иванович Добчинский, городской помещик.
Пётр Иванович Бобчинский, городской помещик.
Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.
Осип, слуга его.
Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего.

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Фёдорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И ещё с секретным предписаньем.

Аммос Фёдорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! ещё и с секретным предписаньем!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель *(бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами)* … и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд *(значительно поднимает палец вверх)*. Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки…» *(остановясь)*, ну, здесь свои… «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито… Вчерашнего дня я…» Ну, тут уж пошли дела семейные… Так вот какое обстоятельство!

Аммос Фёдорович. Да, обстоятельство такое… необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! *(Вздохнув.)* До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Фёдорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия… да… хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Ещё умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Фёдорович. Нет, я вам скажу, вы не того… вы не… Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предуведомил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий

Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения – и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по латыни или на другом языке… Это уже по вашей части, Христиан Иванович, – всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа… Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, – лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издаёт звук, отчасти похожий на букву И и несколько на Е.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завесть его? только, знаете, в таком месте неприлично… Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

Аммос Фёдорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш… он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, – это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечён. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно посоветовать ему есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издаёт тот же звук.

Аммос Фёдорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою.

Городничий. Да я только так заметил вам. Насчёт же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят.

Аммос Фёдорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам – рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками, или чем другим – всё взятки.

Аммос Фёдорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль…

Городничий. Ну, а что из того, что вы берёте взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере твёрд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы… О, я знаю вас: вы если начнёте говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Фёдорович. Да ведь сам собою дошёл, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда; это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с учёным званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо… Не вспомню его фамилию, никак не может обойтись без того, чтобы взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак *(делает гримасу)*, и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если ученику сделает такую рожу, то оно ещё ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, – это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда зашёл было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда ещё не видывал. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова – это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах – ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хвать стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал. Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек либо пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи господь служить по учёной части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы ещё ничего, – инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» – «Ляпкин-Тяпкин». – «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» – «Земляника». «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

Обсудим вместе

1. Какие черты характера проявляются у чиновников в начале пьесы? Как персонажи пытаются скрыть свои пороки и недостатки?
2. Как вы думаете, что символизирует приезд Хлестакова в город? В чём заключается его важность для развития сюжета?
3. Каковы ожидания чиновников города относительно предполагаемого «ревизора»? Почему они так боятся его приезда?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. *(Отдаёт фуражку и тросточку.)* А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врёшь, валялся; видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков *(ходит по комнате)*. Посмотри, там в картузе табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвёртого дня последнее выкурили.

Хлестаков *(ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай… эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков *(громким, но не столь решительным голосом)*. Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков *(голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе)*. Вниз, в буфет… Там скажи… чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так; всё равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот ещё вздор!

Осип. Ещё, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не плотит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой – плут. Мы-де, говорят, этаких шерамыжников и подлецов видали.

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне всё это.

Осип. Говорит: «Этак всякий придёт, обживётся, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь…

Хлестаков. Ну, ступай, чёрт с тобой! позови хозяина.
Осип уходит.

Явление IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли всё идёт?

Слуга. Да, слава богу, всё хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, – видишь мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак я могу совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьёзно, что мне нужно есть. Деньги сами собою… Он, думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

Явление VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков *(прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле)*. Несут! несут! несут!

Слуга *(с тарелками и салфеткой)*. Хозяин в последний раз уж даёт.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин… Я плевал на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это, в самом деле, такое!.. Этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что ещё много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру два каких-то коротеньких человека ели сёмгу и ещё много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уж нет.

Хлестаков. А сёмга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросёнок ты скверный… Как же они едят, а я не ем? Отчего же я, чёрт возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обыкновенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. *(Наливает суп и ест.)* Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкусу нет, только воняет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков *(защищая рукой кушанье)*. Ну, ну, ну… оставь, дурак! Ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую… *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(Продолжает есть.)* Я думаю, ещё ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. *(Режет курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. *(Режет жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Чёрт его знает, что это такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. *(Ест.)* Мошенники, канальи, чем они кормят! И челюсти заболят, если съешь один такой кусок. *(Ковыряет пальцем в зубах.)* Подлецы! Совершенно как деревянная кора, ничем вытащить нельзя; и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! *(Вытирает рот салфеткой.)* Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Каналья! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

Явление VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто бы и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип *(входит)*. Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков *(испугавшись)*. Вот тебе на! Экая бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если он в самом деле потащит меня в тюрьму? Что ж, если благородным образом, я, пожалуй… нет, нет, не хочу! Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой… Нет, не хочу… Да что он, как он смеет в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? *(Бодрится и выпрямливается.)* Да я ему прямо скажу: «Как вы смеете, как вы…» *(У дверей вертится ручка; Хлестаков бледнеет и съёживается.)*

Явление VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский. Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий *(немного оправившись и протянув руки по швам)*. Желаю здравствовать!

Хлестаков *(кланяется)*. Моё почтение…

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего…

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений…

Хлестаков *(сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко)*. Да что ж делать? Я не виноват… Я, право, заплачу… Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как бревно; а суп – он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням… Чай такой странный, воняет рыбой, а не чаем. За что ж я… Вот новость!

Городничий *(робея)*. Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берёт такую. А если что не так, то… Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я… Я служу в Петербурге. *(Бодрится.)* Я, я, я…

Городничий *(в сторону)*. О господи ты боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков *(храбрясь)*. Да вот вы хоть тут со всей своей командой – не пойду! Я прямо к министру! *(Стучит кулаком по столу.)* Что вы? что вы?

Городничий *(вытянувшись и дрожа всем телом)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие… не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот ещё! мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий *(дрожа)*. По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния… Сами извольте посудить: казённого жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. *(В размышлении.)* Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове… Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко… Вот ещё! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий *(в сторону)*. О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. *(Вслух.)* Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чём другом, то я готов служить свою минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий *(поднося бумажки)*. Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков *(принимая деньги)*. Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни… у меня это вдруг… Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий *(в сторону)*. Ну, слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдёт теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! *(К городничему и Добчинскому.)* А что же вы стоите? Сделайте милость, садитесь. *(Добчинскому.)* Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня… *(Добчинскому.)* Садитесь.

Городничий и Добчинский садятся. Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий *(в сторону)*. Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. *(Вслух.)* Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, кроме должности, ещё и по христианскому человеколюбию хочу, чтобы всякому смертному оказывался хороший приём, – и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий *(в сторону)*. Да, рассказывай, не знал, чем заплатить! *(Вслух.)* Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий *(в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение)*. В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо востро. *(Вслух.)* Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчёт задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлеченье для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий *(в сторону)*. Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплёл! *(Вслух.)* И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности; душа моя жаждет просвещения.

Городничий *(в сторону)*. Славно завязал узелок! Врёт, врёт – и нигде не оборвётся! А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил его. Ну, да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! *(Вслух.)* Справед-

ливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно ещё когда будет. *(Окидывает глазами комнату.)* Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещённый гость, и терпит – от кого же? – от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно. Хозяин завёл обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придёт фантазия сочинить что-нибудь, – не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас… но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостоин, недостоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул… У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная… Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь… Не рассердитесь – ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства, особливо если гость просвещённый человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

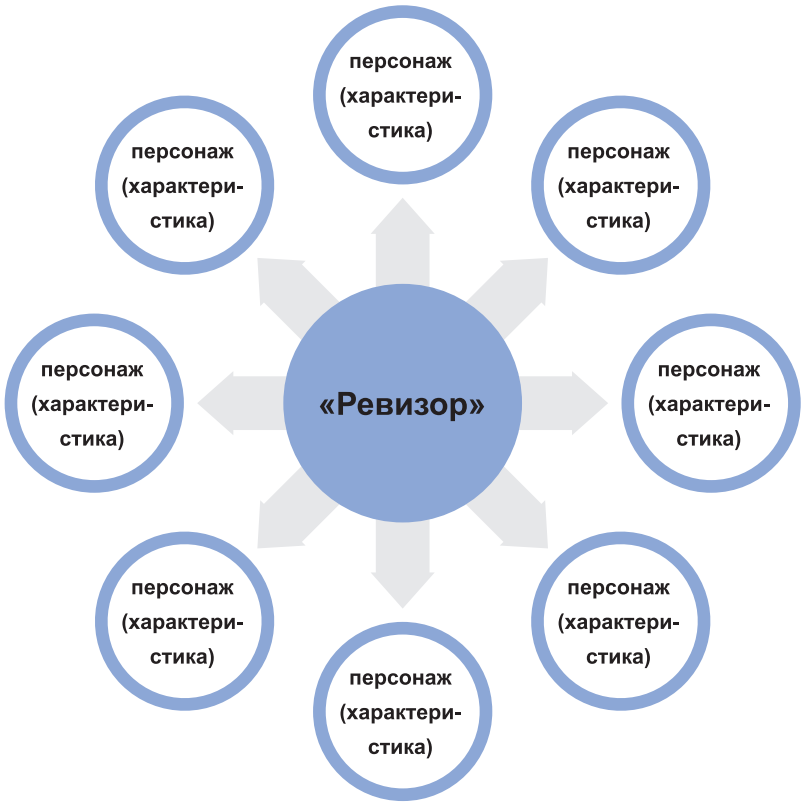
Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже – я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

Обсудим вместе

1. Как во втором действии комедии растёт заблуждение чиновников относительно Хлестакова? Почему они продолжают верить, что Хлестаков – настоящий ревизор?
2. Какие сцены вам показались наиболее комичными? Почему?
3. Как вы оцениваете поведение Хлестакова в этом действии? Как его неосведомлённость и самоуверенность создают абсурдные ситуации?
4. Какие пороки чиновников, выявляющиеся во втором действии, высмеиваются автором?

Практические задания

Выберите несколько реплик городничего и попытайтесь проанализировать их. Как его поведение отражает страх и неуверенность?

Домашнее задание

Составьте интеллект-карту с характеристиками персонажей.

Читаем продолжение произведения

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков: за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку – они бегут и снимают её, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь вам доложить, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович *(подбегая)*. Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор, как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероятным, – все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки… словом, наиумнейший человек пришёл бы в затруднение, но, благодарение богу, всё идёт благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, всё думаешь: «Господи боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольно?..» Наградит ли оно или нет – конечно, в его воле; по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всём порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало… то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, бездельник, как расписывает! Дал же бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

Бобчинский *(Добчинскому)*. Справедливо, всё справедливо, Пётр Иванович! Замечания такие… видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий *(в сторону)*. Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! *(Вслух.)* Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападёт, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич *(в сторону)*. А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же… Всё зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трёх углов… ну, тогда конечно… Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство моё: жена и дочь.

Хлестаков *(раскланиваясь)*. Как я счастлив, сударыня, что имею в своём роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам ещё более приятно видеть такую особу.

Хлестаков *(рисуясь)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне ещё приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастие; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счёт… Я думаю, после столицы вояжировка вам показалась очень неприятною.

Вояжировка (устар.) – поездка, путешествие.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, comprenez vous, в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества… Если б, признаюсь, не такой случай, который меня… *(посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней)* так вознаградил за всё…

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Comprenez vous (франц.) – вы понимаете.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете?

Анна Андреевна. Я живу в деревне…

Хлестаков. Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки… Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только – тр, тр… пошёл писать. Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит ещё на лестнице за мною со щёткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». *(Городничему.)* Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Все вместе.

Городничий. Чин такой, что ещё можно постоять.

Артемий Филиппович. Мы постоим.

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Асессор – чиновник.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Хлестаков. Я не люблю церемонии. Напротив, я даже всегда стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идёт!» А один раз меня даже приняли

за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьём. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики… Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» – «Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то всё…» Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма». Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»… всё это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин даёт за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это моё сочинение.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а вот есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всем.)* Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием дают балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз – в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвёртый этаж – скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель…» Что ж я вру – я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит… А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся: графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж… ж… ж… Иной раз и министр…

Бельэтаж (франц.) – второй снизу этаж дворца или особняка, на котором расположены парадные залы и комнаты.

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, – куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, – нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь – просто чёрт возьми! После видят, нечего делать, – ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры… можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? – я спрашиваю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдёт до государя, ну да и послужной список тоже… «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо востро! уж я…» И точно: бывало, как прохожу через департамент, – просто землетрясенье, всё дрожит и трясётся, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится ещё сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого… я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш… *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлёпается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва… ва…

Хлестаков *(быстрым, отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва… ва…

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва… шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и всё что нужно.

Хлестаков. Вздор – отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош… Я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

Обсудим вместе

1. Какова роль третьего действия в развитии сюжета пьесы?
2. Как ведёт себя Хлестаков в общении с городскими чиновниками?
3. Каким образом Хлестаков воздействует на отношения между различными персонажами?

Читаем продолжение произведения

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Явление II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что ещё можно бы… Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

Явление III

Хлестаков и Аммос Фёдорович.

Аммос Фёдорович *(входя и останавливаясь, про себя.)* Боже, боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. *(Вслух, вытянувшись и придерживая рукой шпагу.)* Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Фёдорович. С восемьсот шестнадцатого был избран на трёхлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьёю?

Аммос Фёдорович. За три трёхлетия представлен к Владимиру четвёртой степени с одобрения со стороны начальства. *(В сторону.)* А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени уже не так.

Аммос Фёдорович *(высовывая понемногу вперёд сжатый кулак. В сторону.)* Господи боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Фёдорович *(потерявшись и роняя на пол ассигнации.)* Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Фёдорович *(дрожа всем телом).* Никак нет-с. *(В сторону.)* О боже, вот я уже и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков *(подымая).* Да, это деньги.

Аммос Фёдорович *(в сторону.)* Ну, всё кончено – пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Фёдорович *(поспешно).* Как же-с, как же-с… с большим удовольствием. *(В сторону.)* Ну, смелее, смелее! Вывози, пресвятая матерь!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да сё… Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Фёдорович. Помилуйте, как можно! и без того это такая честь… Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству… постараюсь заслужить… *(Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам).* Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Фёдорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нём надобности.

Аммос Фёдорович *(раскланиваясь и уходя, в сторону).* Ну, город наш!

Хлестаков *(по уходе его).* Судья – хороший человек!

Явление IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Вы ведь здесь всегда живёте?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно – ну что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Бонтон (франц.) – хорошие манеры, светская учтивость.

Почтмейстер. Так точно-с. *(В сторону.)* А он, однако ж, ничуть не горд; обо всём расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне, – не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. *(Глядя в глаза ему, говорит про себя.)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! *(Вслух.)* Какой странный со мною случай: в дороге совершенно поиздержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастие. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаться, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(Встаёт, вытягивается и придерживает шпагу.)* Не смея долее беспокоить своим присутствием… Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(Раскуривая сигарку.) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

Явление V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Лука Лукич *(вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу).* Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? *(Подаёт ему сигару.)*

Лука Лукич *(про себя, в нерешимости).* Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. *(Подаёт ему свечу.)*

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукич *(от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя).* Чёрт побери всё! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Лука Лукич *(хватаясь за карманы, про себя).* Вот те штука, если нет! Есть, есть! *(Вынимает и подаёт, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич *(вытягиваясь и придерживая шпагу.)* Не смею долее беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич *(летит вон почти бегом и говорит в сторону).* Ну, слава богу! авось не заглянет в классы!

Явление VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я – признаюсь, это моя слабость, – люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.)* Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются… извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами, – конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, – поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов… И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища… Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я всё это изложу лучше на бумаге?

Якобинец – один из участников радикального политического клуба во Франции конца XVIII века, революционер-демократ.

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное… Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что ж, скажите, пожалуйста, есть ли у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они… как они того?..

Артемий Филиппович. То есть не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определённого на священные обязанности… *(Раскланивается с тем, чтобы уйти.)*

Хлестаков *(провожая).* Нет, ничего. Это всё очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время… Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.)* Эй, вы! как вас? я всё позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно поиздержался. Нет ли у вас взаймы денег – рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

Явление VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Пётр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Пётр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали? Что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад… *(Вдруг и отрывисто.)* Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков *(громко и скоро)*. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Пётр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский *(шаря в карманах)*. У вас, Пётр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский *(смотря в бумажник).* Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-то получше, Пётр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну, всё равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это всё равно. *(Принимает деньги.)*

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рождён мною ещё до брака.

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть оно только так говорится, а он рождён мною так совершенно, как бы и в браке, и всё это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчёт способностей. Мальчишка-то этакой… большие надежды подаёт: наизусть стихи расскажет и, если где попадётся ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Пётр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Я об этом постараюсь, я буду говорить… я надеюсь… всё это будет сделано, да, да… *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чём?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство и превосходительство, живёт в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придётся, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. *(Выпроваживает их.)*

Явление VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, что они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачьё! Напишу-ку я обо всём в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки – пусть-ка он их общёлкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадёт на зубок, – берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот… Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот… Ого! За тысячу перевалило… Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

Явление IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков *(пишет)*. А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька – ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровен час, какой-нибудь другой наедет… ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные – так бы закатили!..

Хлестаков *(пишет)*. Нет, мне ещё хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли… И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатили славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков *(пишет)*. Ну, хорошо. Отнеси только наперёд это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтоб лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря, катили и песни бы пели!.. *(Продолжает писать.)* Воображаю, Тряпичкин умрёт со смеху…

Фельдъегерь – военный или правительственный курьер.

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хлестаков *(пишет)*. Хорошо. Принеси только свечу.

Осип *(выходит и говорит за сценой)*. Эй, послушай, брат! Отнесёшь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег; да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казённый. Да чтоб всё живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, ещё письмо не готово.

Хлестаков *(продолжает писать)*. Любопытно знать, где он теперь живёт – в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры на квартиру и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. *(Свёртывает и надписывает.)*

скачано с сайта www.idum.uz

Явление XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я её высек; она врёт, ей-богу, врёт. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша – мне не до неё!

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны… им вот эдакой ребёнок не поверит. Они уж и всему городу известны за лгунов. А насчёт мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать её.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблён.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю… Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостоин такой чести.

Хлестаков. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я чёрт знает что готов…

Городничий. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! Ну, когда тебе толкуют?

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человек, я решусь на всё: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь… я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким ещё никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. Городничий смотрит на них.

Что за чёрт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! *(Вскрикивает, подпрыгивая от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона, как дело-то пошло!

Явление XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо… я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть… вы изволили сами намекнуть насчёт, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это… На одну минуту только… на один день к дяде – богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя… нет, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! *(Целует её ручку.)*

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? *(Немного подумав.)* А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста, – я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, – так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! *(Вынимает из бумажника.)* Ещё, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! *(Берёт и рассматривает ассигнации.)* Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! Очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца: мне нигде не было такого хорошего приёма. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька Марья Антоновна!

Выходят.

За сценой:

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей Марья Антоновна!

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр…

Голос городничего. Так, по крайней мере, чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую, вынь ковёр самый лучший – что по голубому полю, персидский. Скорей!

Голос ямщика. Тпр…

Голос городничего. Когда же прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голоса Осипа. А, это ковёр? давай его сюда, клади вот так! Теперь давай-ка с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр…

Голоса Осипа. Вот с этой стороны! сюда! ещё! хорошо. Славно будет. *(Бьёт рукою по ковру.)* Теперь садитесь, ваше благородие!

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос ямщика. Эй вы, залётные!

Колокольчик звенит. Занавес опускается.

Обсудим вместе

1. Что является отличительной чертой характера Хлестакова?
2. Как образы героев помогают усилить сатирическую направленность комедии?

Домашнее задание

Выполните задание в тетради. Заполните таблицу.

Имя чиновника	Чем управляет	Положение дел в этой сфере	Характеристика героя	Цитата

Читаем продолжение произведения

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, – я узнал это из письма…

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес – вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, – думаю себе, – верно, нашёл беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштафетой, – но любопытство такое одолело, какого ещё никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадёшь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч – по жилам огонь, а распечатал – мороз, ей-богу мороз. И руки дрожат, и всё помутилось.

Эштафета (устар.) – срочная почта.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни сё ни то; чёрт знает что такое!

Городничий *(запальчиво)*. Как ни сё ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да ещё и чёрт знает чем? Я вас под арест…

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер *(читает)*. «Спешу уведомить тебя, душа моя Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, – думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашерамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых, городничий – глуп, как сивый мерин…»

Жуировать – развлекаться, вести праздную жизнь.

Городничий. Не может быть этого! Там нет этого.

Почтмейстер *(показывает письмо)*. Читайте сами.

Городничий *(читает)*. «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер *(продолжая читать)*. «Городничий – глуп, как сивый мерин…»

Городничий. О, чёрт возьми! нужно ещё повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер *(продолжая читать)*. Хм… хм… хм… хм… «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек…» *(Оставляя читать.)* Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, чёрт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. *(Надевает очки и читает.)* «Почтмейстер точь-в-точь наш департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец пьёт горькую».

Почтмейстер *(к зрителям.)* Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович *(продолжая читать)*. «Надзиратель над богоугодным заведе…и…и…и… *(Заикается.)*

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечёткое перо… впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. *(Берёт письмо.)*

Артемий Филиппович *(не давая письмо)*. Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! ведь прежде всё читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! *(Коробкину.)* Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. *(Отдает письмо.)* Вот, позвольте… *(Закрывает пальцем.)* Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин *(читая)*. «Надзиратель над богоугодным заведением Земляника – совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович *(к зрителям)*. И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин *(продолжая читать)*. «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич *(к зрителям)*. Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Фёдорович *(в сторону)*. Слава богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин *(читает)*. «Судья…»

Аммос Фёдорович. Вот тебе на! *(Вслух.)* Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чёрт ли в нём: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин *(продолжает)*. «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон…» *(Останавливается.)* Должно быть, французское слово.

Моветон – дурной тон, невоспитанность.

Аммос Фёдорович. А чёрт его знает, что оно значит! Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть, и того ещё хуже.

Коробкин *(продолжая читать)*. «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь, наконец, пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. *(Переворачивает письмо и читает адрес.)* Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Почтамтскую улицу, в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо».

Одна из дам. Какой репримант неожиданный!

Репримант – неожиданный оборот дела.

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего… Воротить, воротить его! *(Машет рукою.)*

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; чёрт угораздил дать и вперёд предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, беспримерная конфузия!

Аммос Фёдорович. Однако ж, чёрт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер *(вздыхает)*. Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Фёдорович *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий *(бьёт себя по лбу)*. Как я – нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду! Трёх губернаторов обманул!.. Что губернаторов! *(махнул рукой)* нечего и говорить про губернаторов…

Анна Андреевна. Но этого не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой…

Городничий *(в сердцах)*. Обручился! Кукиш с маслом – вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обрученьем!.. *(В исступлении.)* Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит самому себе кулаком.)* Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесёт по всему свету историю. Мало того, что пойдёшь в посмешище – найдётся щелкопёр, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? – Над собою смеётесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со злости ногами об пол.)* Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкопёры, либералы проклятые! чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр вас

всех да чёрту в подкладку! в шапку туды ему!.. *(Суёт кулаком и бьёт каблуком в пол. После некоторого молчания.)* До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если бог хочет наказать, то отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто на полмизинца не было похожего – и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артемий Филиппович *(расставляя руки)*. Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чёрт попутал.

Аммос Фёдорович. Да кто выпустил – вот кто выпустил: эти молодцы! *(Показывает на Добчинского и Бобчинского.)*

Бобчинский. Ей-ей, не я! и не думал…

Добчинский. Я ничего, совсем ничего…

Артемий Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит…» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас чёрт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу и смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Фёдорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Пётр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Пётр Иванович, вы ведь первые того…

Бобчинский. А вот и нет; первые то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесённые слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно взлетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остаётся в окаменении.

НЕМАЯ СЦЕНА

Обсудим вместе

1. В чём, по вашему мнению, новизна комедии «Ревизор»? Что говорит сам автор о замысле своего произведения?
2. Как вы думаете, что означает пословица, взятая в качестве эпиграфа к комедии?
3. Какую роль в пьесе сыграло письмо Хлестакова, написанное другу в Петербург?
4. Почему Н.В. Гоголь завершает комедию немой сценой?

Практические задания

1. Разработайте карту персонажей пьесы «Ревизор». Для каждого персонажа запишите ключевые характеристики, цели и взаимоотношения с другими персонажами.
2. Найдите цитаты в комедии, которые наиболее ярко демонстрируют сатирический взгляд Гоголя на бюрократию и общественные пороки.

Домашнее задание

Напишите свой вариант финала, в котором события развиваются иначе. Что произошло бы, если Хлестаков признал бы себя обманщиком, а чиновники по-настоящему осознали свои пороки?

Проектная работа № 1

Тема проекта: «Мир чиновников города N глазами Н.В. Гоголя»

Начальный этап:

- формулировка цели
- создание больших (малых) групп
- планирование деятельности

Основной этап:

- поиск информации
- подбор иллюстраций
- подбор цитат
- оформление работы (буклет, фотоальбом, инсценировка, презентация)
- **Заключительный этап:**
- защита проекта
- обобщение и обсуждение результатов работы

АЛЬФОНС ДОДЕ
1840–1897

А. Доде – французский писатель, драматург и литературный критик, прославившийся яркими произведениями, известными своей лёгкостью, занимательностью и умением смешивать серьёзные вопросы с элементами комизма. Наибольшую известность ему принесли комедия «Тартарен из Тараскона» и роман «Шикарные дети».

Подготовка к встрече с текстом

1. Какую роль играет язык в жизни человека и народа? Задумайтесь, почему важно сохранять родной язык, особенно если на него оказывают давление извне.
2. Что означает любовь к родине, уважение к национальной культуре и языку? Приведите примеры патриотизма из истории, литературы или из жизни.

О РАССКАЗЕ «ПОСЛЕДНИЙ УРОК»

Рассказ Альфонса Доде «Последний урок» является одним из самых известных произведений французской литературы. Он затрагивает важные темы, такие как любовь к родине, национальная идентичность и утрата ценностей. В произведении автор описывает события, происходящие в маленькой деревне на севере Франции, в период, когда эта территория была захвачена Германией во время Франко-прусской войны.

Действие рассказа происходит в последний день, когда французский язык преподают в школе, находящейся под немецкой оккупацией. Главный герой – мальчик по имени Франц, ученик местной школы. Он с трудом осознаёт важность этого дня, потому что до последнего момента не понимает всей трагичности ситуации. Когда он приходит в

класс, его учитель, господин Амель, сообщает, что это его последний урок, так как уже завтра в школе будет преподаваться только немецкий язык.

Учитель выражает свою печаль и гнев по поводу утраты родного языка, но одновременно и благодарность за возможность преподавать на нём до последнего. Он подчёркивает, что потеря родного языка – это не просто утрата, но и лишение исторической памяти народа. Мальчик, несмотря на своё непонимание вначале, ощущает всю тяжесть положения. В конце рассказа он понимает, что этот урок был не только уроком французского языка, но и истинным уроком патриотизма.

Оккупация – насильственное занятие чужой территории военной силой.

В начале рассказа Франц – типичный мальчик, не понимающий всех нюансов того, что творится вокруг. Он немного ленив, не учит уроки и не очень интересуется происходящим в классе. Но, сталкиваясь с печальной реальностью и осознавая значение того, что происходит, он меняется. Франц начинает понимать, что уроки не просто занятия, а доля того, что делает его французом, частью этой культуры.

«Последний урок» – это рассказ, который заставляет задуматься о том, как важно ценить и защищать свою культуру и язык. История утраты родного языка и культуры в контексте военной оккупации становится трагичным, но в то же время вдохновляющим напоминанием о том, что, несмотря на любые внешние обстоятельства, важно сохранять свой национальный менталитет и передавать его следующим поколениям.

Читаем произведение

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

(Рассказ мальчика-эльзасца)

В то утро я сильно опоздал в школу и очень боялся выговора, тем более что мосье Амель собирался спрашивать у нас причастия, а я не знал ни полслова. На миг мне пришла мысль пропустить урок и побегать на воле.

Погода стояла такая тёплая, такая ясная...

Слышно было, как на опушке леса свистят дрозды и как на Рипперском лугу, за лесопильней, немцы занимаются строевым учением. Это привлекало меня куда больше, чем правила причастий, но я всё же устоял и поспешил в школу.

Пробегая мимо мэрии, я заметил, что народ толпится у доски с объявлениями. За последние два года оттуда к нам шли все неприятности – проигранные сражения, реквизиции, приказы коменданта; на ходу я подумал: «Что там ещё за новости?»

Реквизиция *(лат. requisitio – требование)* – принудительное изъятие имущества у собственника органами государственной власти в целях обеспечения общественных интересов при чрезвычайных ситуациях.

Но тут кузнец Вахтер, читавший объявление вместе со своим подручным, окликнул меня:

– Не торопись в школу, малый; всё равно поспеешь.

Я решил, что он смеётся надо мной, и, запыхавшись, вбежал в палисадник перед домом мосье Амеля.

Обычно в начале занятий стоял шум, слышный даже на улице, – хлопали крышки парт, все хором твердили уроки, затыкая уши, чтобы лучше вызубрить, раздавался стук учительской линейки:

– Потише, потише!

Я рассчитывал незаметно прокрасться на своё место под эту возню, но именно сегодня было тихо, как бывает в воскресное утро.

Через открытое окно я увидел, что мои товарищи уже расселись по местам, а мосье Амель шагает взад и вперёд со своей грозной линейкой под мышкой. Каково мне было отворить дверь и войти посреди этой тишины? Представляете себе, как я краснел и дрожал?

Но нет, ничего. Мосье Амель взглянул на меня без гнева и сказал очень ласково:

– Ступай скорей на место, Франц, мой мальчик. Мы уже собрались начать без тебя.

Я перешагнул через скамью и поскорее уселся за свою парту. Только тут, оправившись от страха, я заметил, что на учителе парадный зелёный сюртук, гофрированный галстук и вышитая чёрная шёлковая ермолка, – так он одевался только в те дни, когда приезжал инспектор или когда раздавались награды. Да и весь класс поразил меня каким-то необычайным, торжественным видом. Но ещё больше удивился я, увидев, что на задних скамьях, обычно пустых, сидят и молчат, как мы, старик Хаузер с неизменной треуголкой, рядом – бывший мэр, бывший почтальон и другие жители деревни. У всех у них были печальные лица; у Хаузера на коленях лежал раскрытый истрёпанный по углам букварь, а на нём положены были огромные очки.

Пока я дивился происходящему, мосье Амель взошёл на кафедру и тем же ласковым и серьёзным тоном, каким встретил меня, обратился к нам:

– Дети, сегодня я в последний раз занимаюсь с вами. Из Берлина пришёл приказ преподавать в школах Эльзаса и Лотарингии только немецкий язык... Новый учитель приезжает завтра. Сегодня наш последний урок французского. Прошу вас быть как можно внимательнее.

Эти несколько слов потрясли меня. Ах, негодяи! Вот о чём они объявили на стене мэрии.

Последний урок французского!..

А я-то едва умел писать! Значит, теперь уж я никогда не выучусь! Значит, на том всё и кончится! Как я пожалел о потерянном времени, об уроках, пропущенных ради того, чтобы искать птичьи гнёзда или скользить по замёрзшему Саару! И книги, которые только что были мне скучны и оттягивали руки, грамматика, священная история, казались теперь старыми друзьями, с которыми очень грустно будет расставаться. А мосье Амель! При мысли, что мне больше не придётся видеть его, позабылись и наказания, и удары линейкой.

Бедняга! Он надел парадный воскресный костюм в честь этого последнего урока; понятно мне стало также, зачем пришли и уселись на задних скамьях наши деревенские старики. Этим они как бы выражали сожаление, что не ходили чаще сюда, в школу.

Этим они на свой лад благодарили учителя за сорокалетнюю верную службу и отдавали долг родине, уходившей от них...

На этом мои размышления были прерваны, я услышал своё имя. Настал мой черёд отвечать урок. Чего бы я не дал, чтобы громко и внятно, без единой запинки, повторить пресловутые правила причастий; но я спутался с первых же слов и стоял в тоске, переминаясь с ноги на ногу, за своей партой, не смея поднять глаза. Я слышал, как мосье Амель говорил мне:

– Я не стану бранить тебя, Франц, мой мальчик, ты и так, должно быть, достаточно наказан... То-то и есть. Так вот думаешь изо дня в день: куда мне спешить, подучу завтра. А потом видишь, что получается? Наш Эльзас всегда откладывал учение на завтра, и в этом его великая беда. Ведь теперь они вправе сказать нам: как же так? Вы называете себя французами, а не умеете ни говорить, ни писать на родном языке! И в этом ты виноват не больше других, Франц, мой мальчик. Всем нам есть в чём упрекнуть себя. Ваши родители не слишком пеклись о вашем образовании. Они охотнее посылали вас работать на поле или в прядильне, чтобы получить лишний грош. А мне самому разве нечего поставить себе в упрёк? Разве не поручал я вам частенько поливать у меня в саду цветы, вместо того чтобы учиться? А когда мне хотелось поудить форелей, разве не отпускал я вас без зазрения совести?..

Так, от слова к слову, мосье Амель стал говорить нам о французском языке, о том, что это прекраснейший язык в мире, самый ясный, самый стойкий, что надо сохранить его среди нас и не забывать его никогда, потому что, пока народ, обращённый в рабство, твёрдо владеет своим языком, он как бы владеет ключом от своей темницы...

Потом мосье Амель взял грамматику и прочёл нам весь урок. Я сам был удивлён, что так хорошо понимаю. Всё, что говорил учитель, было очень, очень легко. Вероятно, я никогда так внимательно не слушал, а он никогда так терпеливо не объяснял. Бедный старик как будто хотел, перед тем как уйти, передать нам и сразу вложить нам в голову все свои познания.

После урока грамматики перешли к письму. Для этого дня мосье Амель приготовил нам совсем новые, выписанные красивым закруглённым почерком примеры: «Франция, Эльзас, Франция, Эльзас». Прикреплённые к партам, они, точно гирлянды флажков, развевались по всему классу. И до чего же каждый из нас старался, и какая стояла тишина! Только и слышно было, что скрипение перьев по бумаге. Невзначай в комнату влетели майские жуки, но никто не обратил на них внимания, даже малыши, выводившие палочки с таким усердием, с таким старанием, словно и это уже был французский язык... На крыше школы тихонько ворковали голуби, и, слушая их, я задавал себе вопрос:

«Может, их тоже заставят петь по-немецки?»

Время от времени я отрывал глаза от страницы и видел, что мосье Амель неподвижно сидит на кафедре, всматриваясь в окружающие предметы, как будто желая унести во взгляде свой школьный домик. Подумайте! Целых сорок лет сидел он на этом месте, перед ним был всё тот же двор и тот же класс. Только старые скамьи и парты обтёрлись до глянца; каштановые деревья во дворе вытянулись, а хмель, посаженный им, увивал теперь окна до самой крыши. До чего тяжело ему было прощаться со всем этим и слушать, как топчется наверху сестра, складывая их сундуки! Ведь завтра они уезжали, навсегда покидали здешние края!

И всё же у него хватило сил довести занятия до конца.

После письма был урок истории; затем малыши тянули: ба, бе, би, бо, бу. И старый Хаузер на задней скамье, надев очки и держа букварь обеими руками, вместе с ними твердил буквы. И он старался как мог: голос его дрожал от волнения, и так потешно было слушать его, что всем нам хотелось смеяться и плакать. О нет! Мне не забыть этот урок...

И вдруг церковные часы начали бить полдень, а затем раздался звон к молитве. В тот же миг под окнами грянули трубы пруссаков, возвращавшихся с учения. Мосье Амель побледнел и выпрямился на кафедре. Никогда не казался он мне таким большим.

– Друзья мои, – начал он, – друзья мои, я... я...

Но что-то душило его, он не мог договорить. Тогда он повернулся к доске, взял кусок мела и, нажимая изо всех сил, написал огромными буквами:

«Да здравствует Франция!»

Потом он застыл на месте, припав головой к стене, и без слов сделал нам знак рукой:

«Теперь кончено... Уходите...»

Перевод Н. Касаткиной

Обсудим вместе

1. По какой причине урок французского языка в этой деревне стал последним?
2. Какова роль языка в рассказе? Приведите цитаты из текста.
3. Почему автор акцентирует внимание на французском языке и его значении для жителей Эльзаса?
4. Какие качества учителя становятся очевидными по мере развития рассказа?
5. Что для главного героя значила французская культура и язык до того, как он понял, что уроки заканчиваются? Как меняется отношение Франца к языку в конце рассказа?

Практические задания

1. **«Цитаты, которые тронули сердце».** Выберите 2–3 цитаты из рассказа. Почему именно эти слова показались важными? Как они связаны с главной мыслью рассказа? Аргументируйте свой ответ.
2. **«Учитель, которого не забудешь».** Составьте мини-портрет учителя Амеля.
3. **«Путешествие во времени и чувства героя».** Заполните таблицу. Какие моменты рассказа более всего повлияли на его понимание ценности языка?

Событие	Место	Персонажи	Эмоции Франца

Домашнее задание

Напишите небольшое эссе «Какую ценность имеет родной язык для человека и общества?»

Глава III

ЧЕЛОВЕК, ПРЕОДОЛЕВАЮЩИЙ ИСПЫТАНИЯ

НАЗАР ЭШОНКУЛ
Род. в 1962 г.

Н. Эшонкул – один из самых оригинальных современных писателей Узбекистана, чьи книги поражают воображение и заставляют задуматься. Его произведения «Люди войны», «Человек, ведущий обезьяну», «Ветер неуловим», «Песня вечности», роман «Гороглы», сценарий сериала «Джалолиддин Мангуберди» стали настоящими литературными событиями. Н. Эшонкул умеет превращать реальность в увлекательное художественное пространство, в котором встречаются философия, история и человеческие чувства.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что вы знаете об искусстве живописи? Назовите известных вам художников.
2. Где вы встречались с произведениями художников? Есть ли картины, которые произвели на вас впечатление?
3. Как, по-вашему, художники выражают свои чувства и мысли в живописи?
4. Если бы вы были художником, какие картины вы писали бы?

О РАССКАЗЕ НАЗАРА ЭШОНКУЛА

В узбекской литературе изначально рассказ входил в состав фольклорных произведений как элемент повествования. Как самостоятельный жанр он сформировался только в письменной литературе.

Жанр рассказа в литературном процессе периода независимости Узбекистана получил большое развитие. Современный рассказ строится на историях, воплощающих в себе символы и метафоричность.

Рассказ – небольшой эпический жанр в художественной литературе, прозаическое произведение, в котором сжато выражены события жизни.

Рассказ Назара Эшонкула «Человек, ведущий обезьяну» – это не просто история, а глубокое размышление о жизни, времени и разочаровании. Повествование ведётся от имени молодого студента, который случайно оказывается в старом, тёмном доме. Там живёт одинокий пожилой художник. В доме всё пропитано пылью, странным запахом, и кажется, что само время остановилось. Этот дом – как отражение самого художника: его душевного состояния, одиночества и печали.

Художник всю жизнь писал картины. Он расставил их по годам, как будто хотел рассказать свою биографию с помощью красок. Каждое полотно – это как страница из его жизни. Он был человеком, который верил в общество, в искусство, в лучшее будущее. Но с возрастом к нему приходит разочарование: он понимает, что многое из того, во что он верил, не сбылось. Его надежды оказались напрасны, а жизнь прошла впустую.

Особенно интересна одна из его картин: на ней изображён молодой человек, ведущий обезьяну из тёмного леса. А в конце рассказа появляется новая картина – обезьяна ведёт старика обратно в лес. Этот образ как бы переворачивает всё: сначала человек хотел вывести общество (или себя) к свету, к разуму, а потом оказался в плену у своих ошибок и иллюзий. Это не просто история одного человека – это и символ времени, которое может обмануть, сломать даже самых преданных и честных людей.

Читаем рассказ

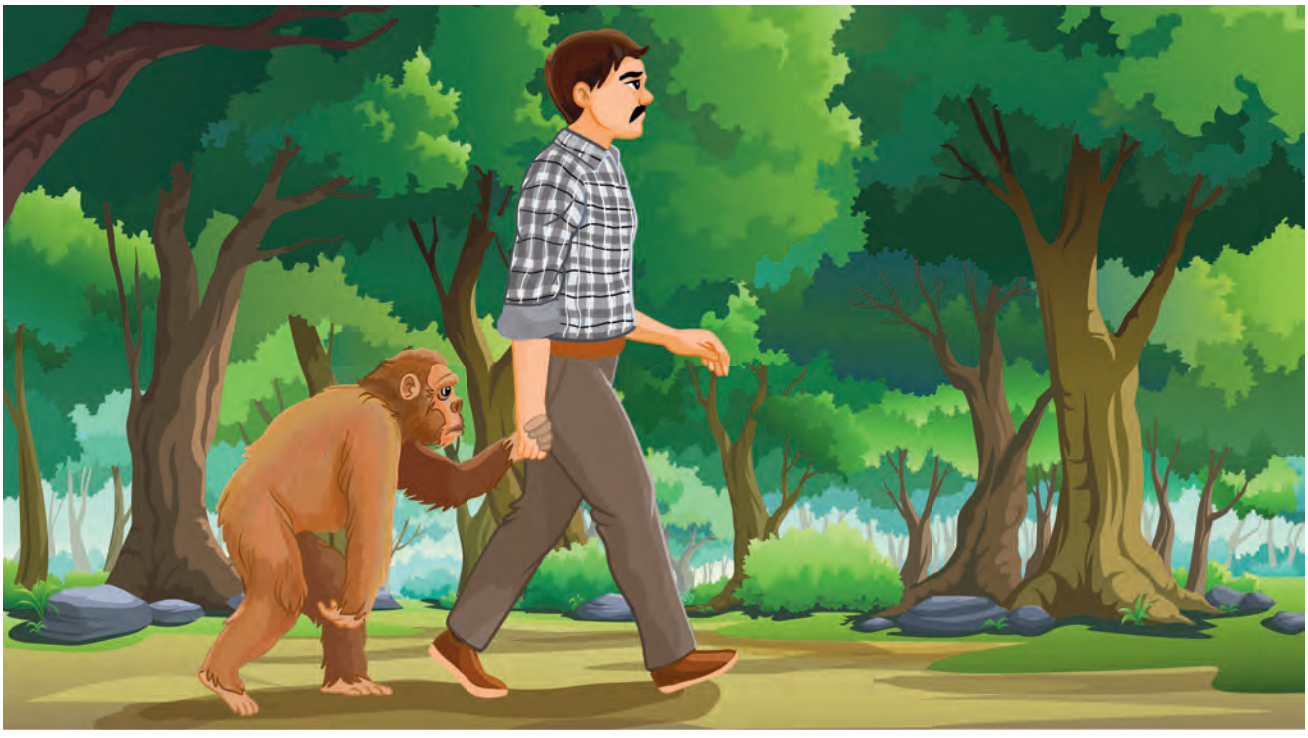
ЧЕЛОВЕК, ВЕДУЩИЙ ОБЕЗЬЯНУ

Это произошло три года назад. Когда я переехал в снятый дом, на одной улице со мной жил дряхлый старик – в соседнем дворе. Первый раз я увидел его около дома, он, задумавшись, сидел на стареньком стульчике. У него было хмурое, небритое, когда-то полное, некрасивое лицо, покрытое морщинами, он был похож на свирепое божество со страниц старых книг; при одном взгляде на него неприятно кололо сердце. Задумчиво равнодушный, с невыразительными глазами, отвисшим подбородком, он восседал в кителе, сшитом по моде пятидесятых годов. Когда я переносил из машины в большом фартуке книги, он глянул на меня безразлично, словно уже ничего интересного произойти не может и никаких милостей он уже не ждёт от мира. И вновь, впав в прежнее состояние, сидел, глядя в землю.

Через несколько дней я узнал от хозяйки дома, что этот старик когда-то был неплохим художником и сейчас тоже пишет картины. Это меня удивило. Я предполагал, что это какой-нибудь чиновник, которому не повезло в жизни. Потом я часто встречал старика в том кителе. Он шёл домой или в продуктовый магазин в начале улицы, тяжёлой, словно измеряющей, сколько шагов ему осталось сделать в жизни, походкой. Иногда сидел в махаллинской столовой, где ел, трясясь и бросая на людей неприязненные взгляды. Тогда мне показалось, что эта удушающая, обессиливающая человека непри-

язнь извергается из всего его существа, из всех истончившихся вен, как из таинственной крепости в густом лесу. Всякий раз при встрече с ним мне становилось почему-то не по себе, как-то неприятно и тревожно, хотя наши отношения ограничивались только приветствиями. Мне не нравилось, как он глядел на людей, буравя человека взглядом, гордо и высокомерно, несмотря на свою бедность.

Однажды хозяйка дома попросила меня отнести старику ужин. Я вспомнил неприятное лицо старика и смутился, однако не смог отказаться. Я вошёл в выстроенный в старом стиле дом, через узкие створчатые двери: старик сидел на большой террасе в плетёном кресле, склонившись над холстом. Дом старика был роскошный, просторный, но заброшенный, словно опустевшая площадь. Колонны, рамы прогнили, со двора несло мерзким зловонием. Неприятный запах исходил от деревьев, от сухих опавших листьев, оставшихся под снегом в цветнике, от брёвен дома, от сваленных в кучу картин, громоздившихся на террасе, зловоние исходило от ящика с отбросами. На ум пришла мысль, что старик хранил отбросы, собирая их в этом ящике всю жизнь. От вони меня затошнило, и я направился к террасе, где сидел хозяин. Он не обратил на меня внимания, лишь бросил удивлённый взгляд и продолжал свою работу: он писал какую-то картину. Я подвинул к старику столик, стоявший неподалёку, но и на это он не обратил внимания: он, кажется, уже привык к тому, что ему приносят еду. Я видел, как он трясущимися руками накладывает на холст краски. Когда я поставил перед стариком еду, он перестал рисовать, повернулся к столику, испачканными краской руками спокойно отломил кусок хлеба и положил в рот, обнажив между потрескавшимися губами почерневшие зубы. Мне вновь показалось, что он похож на свирепую статую древнего божества. Как будто забыв, что я ещё здесь, он шумно ел, медленно, вяло пережевывая,

как это свойственно старикам; с уголка его губ стекал бульон от лагмана, голова тряслась, когда он глотал, вены на шее, синея, вздувались, глаза слезились от усталости, временами он почёсывал правой рукой переносицу. Похоже на то, что это было его привычкой – переносица была испачкана краской. Иссохшей рукой он держал ложку. Разглядывая его бледное, невыразительное лицо, я с трудом верил, что этот нервный и неуклюжий старик, не умеющий есть как следует, – художник.

– Можно я посмотрю ваши картины? Это картины двадцатых годов? – спросил я, стараясь скрыть своё сомнение.

Старик неторопливо прожевал и, не глядя на меня, как будто его это совершенно не касалось, брезгливо, будто перед ним куча мусора, поморщившись, показал рукой на террасу.

– Всё расставлено по порядку, начинается с той стороны, – сказал он глухим голосом.

Его голос был настолько скрипучим и некрасивым, что у меня невольно мурашки по телу забегали; я молча направился в сторону террасы.

Люди, понимающие искусство, хвалили картины старика двадцатых годов; мой друг, работающий в музее, говорил, что работы старика выставлялись. Говорят, что в двадцатые годы он был комсомольцем, боролся с басмачами, активно участвовал в строительстве новой жизни. Рассказывали, что тогда стремительный ветер перемен достаточно высоко вознёс его, так что в тридцатые годы он работал в структуре специальных служб, где и прослужил много лет вплоть до отставки. О его деятельности в те годы ходило много разных слухов. Говорили, что после того как старик ушёл с работы, он жил затворником в этом доме, ни с кем не общался, не желал видеть людей, которые когда-то пострадали от него. Жена старика умерла в конце пятидесятых, у него был единственный сын, ещё безобразнее, чем он. Сын его был карманником, сидел в тюрьме, а сейчас жил за счёт азартных игр. Он был очень вспыльчивым юношей. Я видел его несколько раз. Говорили, он живёт с одной вдовой на окраине города, показывается у отца от случая к случаю, и их встречи, как правило, заканчиваются скандалами. Говорили, что он приходит к старику с единственной целью – выпросить денег, и, если отец не давал их, сын поднимал скандал и дважды даже побил отца. Многие говорили, что у старика деньги водятся, но он никого, даже сына, к ним не подпускает – очень скупой. Кто знает, может, и сын так думал; отца своего он нисколько не уважал. Его голос я услышал, проходя улицу. «Ничего не знаю, – фальцетом кричал он, – если не раздобудете, я вас вместе с вашим домом спалю». Затем грохот, стоны, брань старика. Вечером хозяйка дома рассказала, что сын опять побил отца.

Терраса старика была оборудована под мастерскую – это было застеклённое помещение, которое можно было проветривать летом, настежь раскрывая окна. Меня заинтересовали картины старика двадцатых годов, вообще мой интерес к нему всё возрастал. Вся терраса была завалена хламом: искусственные цветы, горшки, краски, пожелтевшие книги, статуэтка мальчика со знаменем в руках, разные безделушки из камня, сети, цепи – всё было свалено в кучу, издавая тлетворный запах; двор, в отличие от террасы, напоминал запущенный чулан, как память о хаосе прошлой жизни. Терраса была широкой, картины разложены по годам написания – как на выставке, всего около сорока картин и эскизов, собранных в следующем порядке: 1957, 1947, 1937, 1928, 1926 и так далее.

Подходя к картинам, я чувствовал, что приближаюсь к ступеням жизненных тайн старика, скрытых за стенами крепости. В дальнем углу террасы висела картина с датой внизу «1921»: я подумал, что с этого года старик начал рисовать. Картина была написана хоть и нечётко, но краски на ней были яркими и чистыми. На картине был изображён рослый, крепкий юноша, ведущий за собой из густого леса обезьяну. Глаза юноши были живые, исполненные веры. Шею обезьяны туго стягивала цепь. Я хоть и не понял, что хотел сказать этой картиной старик, но взгляд юноши, исполненный веры, поразил меня: яркие, красновато-жёлтого тона картины отражали его душевное состояние. В других полотнах чувствовалось, что рука старика становилась всё уверенней, цвета чище, строже, пейзажи живописней, краски удивительней. Однако в осеннем пейзаже с воронами, почти закрывшими небесную высь, была воплощена какая-то мрачная фантазия. Преобладание чёрного цвета, которого становилось от картины к картине всё больше, меня поразило: мрачность возрастала и в изображении, и в цвете. Чёрный цвет вытеснял в пейзажах другие краски. Картины, написанные в тридцатые годы, были абстрактны, с преобладанием чёрного цвета. Они омрачали душу. Наверное, старик не очень заботился о мастерстве, подумал я, это было время, когда он работал в спецслужбах. Глядя на картины, я не понимал их назначения, идеи. Только юноша с первой картины, с пламенеющей верой в глазах, не оставлял человека равнодушным, рождая невольное желание вслед за ним броситься в пучину опасностей и вывести к свободе и свету из чудовищного, тёмного леса наших предков, избавить их от предрассудков и пережитков прошлого. Глядя в глаза юноши, верилось, что он победит. Мой друг из музея, наверное, испытывал такие же чувства, он очень хвалил старика как способного и перспективного художника. Картины старика первого десятилетия тоже впечатляли, невольно возвышая душу, указывая на состояние, в котором пребывал старик в цветущем возрасте.

Я пришёл к мысли, что полотна, написанные в следующие годы, создавались лишь для того, чтобы рука не отвыкла. На них были изображены опустевшие кишлаки и улицы, дома, брошенные хозяевами, кладбища, оружие, источающее запах смерти, плачущие женщины и дети, голые степи, над которыми вьются вороны-стервятники, камеры с решётками, сожжённые кишлаки, арбы, нагруженные трупами, оторопевшая от ужаса и недоумения толпа, таинственные существа, хищные звери, люди с разными звериными масками (я ещё подумал, что это карнавал), пиршество теней, голые женщины, невинные девушки, засохшие цветы. Было трудно поверить, что эти картины – результат вдохновения мастера. Ничего не понимая в изображённом, я посмотрел на старика. Старик, закончив трапезу, сидел у холста напротив, грунтуя его бурой краской. Он словно забыл обо мне. В последующих картинах старика я не увидел ни одного завершённого портрета. Все портреты были смазаны или едва набросаны. Изумляла их абстрактность. А между тем это были лучшие картины. Тогда я просто не мог поверить соседям, которые хвалили его как художника и, увидев его картины, окончательно разочаровался в его мастерстве. Мне показалось, что эти картины – куча жизненных отбросов. Я начал подумывать, что его зря хвалили. От этой абстрактности портретов почему-то щемило сердце. Приходило в голову, что жизнь старика когда-то безгранично сияла, как раскрывшийся цветок, была бурной и стремительной, затем эта стремитель-

ная жизнь растеклась абстрактными ручьями, словно потоки летнего дождя, поглощаемые знойной степью. Напоминали прежние молодые годы лишь его глаза, они хоть и были воспалёнными и красными, но смотрели ещё достаточно живо и бодро. Но и в них уже не было ни веры, ни надежды.

Я повернулся к старику и, мимолётно взглянув на его картину, покрытую марлей, чтобы не запылилась, увидел, что на ней изображена нога человека и какое-то животное. Это меня несколько озадачило – через столько лет на полотне появился портрет человека. Картина была ещё не закончена. Старик, сгорбившись, сидел перед холстом, будто стоял перед ней на коленях, краски нехотя ложились на холст, словно очень устали от этой нелепой абстрактной картины.

– Ну, – сказал он, увидев, что я начинаю собирать посуду, – вам картины понравились?

Я пожал плечами и сознался, что картины мне не понятны. Он с сожалением пристально взглянул на меня глазами, из которых от усталости сочились слёзы, и покачал головой.

– Да, правильно, мы непонятно жили, – сказал он с грустным видом, – каждый наш шаг был для людей подозрительным и непонятным, конечно, в этом не вы, а мы сами виноваты.

Он говорил так, словно иронизировал, и каждое его слово вызывало раздражение. Или мне так показалось? Затем взял кисть в руки, давая понять, что разговор окончен. Он больше не хотел со мной разговаривать и, даже если бы я остался допоздна, вряд ли произнёс бы хоть слово. Собрав посуду, я быстро вышел. Старик даже не обернулся мне вслед. Я долго размышлял над его словами. Однако так и не смог понять их смысл. Из всех картин старика мне понравилась лишь изображающая юношу, ведущего обезьяну. Конечно, я был плохим ценителем живописи, но меня взволновали исполненные веры глаза юноши и частенько вспоминалось его решительное лицо. Остальные картины я помнил смутно. А через несколько дней все картины, кроме этой, перемешались, а потом и вовсе исчезли из моей памяти, словно птицы, на секунду присевшие на деревья.

Обсудим вместе

1. Какие чувства вызывает у вас описание старика?
2. Как складываются взаимоотношения между героями?
3. Чем привлекла внимание героя картина, датированная 1921 годом? Что было изображено на ней?

Домашнее задание

Подготовьте презентацию по творчеству одного художника-живописца.

Читаем продолжение произведения

В другой раз, когда я принёс еду старику, меня снова чуть не стошнило от затхлого запаха. Но постепенно я стал привыкать к этому зловонию – свидетельству упадка и запустения. Однажды мы долго беседовали. Старик всё делал со знанием дела и глубоким пониманием. Он был хорошо осведомлён о Тициане, Пикассо, современных модернистских тенденциях, знал Жоржа Брака и Умберто Боччони, которых расхваливал

Тициан Вечеллио (1488–1576) – итальянский живописец, крупнейший представитель венецианской школы эпохи Возрождения.

Пабло Пикассо (1881–1973) – испанский и французский художник, скульптор, график, театральный художник, керамист и дизайнер.

Жорж Брак (1882–1963) – французский художник, график, сценограф, скульптор и декоратор. Основатель кубизма.

Умберто Боччони (1882–1916) был знаменитым итальянским художником и скульптором начала XX века.

мой друг из музея. Однако в тот день мы говорили абсолютно о другом. Он рассуждал о том, что такое добро и зло; что его жизненный опыт позволяет сделать вывод о том, что невозможно их различить, разделить; что зло для одних в какой-то момент становится добром, а добро для кого-то оказывается злом.

– Нет, – твёрдо сказал я, сердясь на то, что он говорил таким тоном, будто его выводы очевидны и обязательны для всех. – Это абсолютно противоположные понятия. Зло не может быть добром, всё, что противостоит воле, свободе, благодеянию, – это зло!

Он высокомерно рассмеялся, будто перед ним был несмышлёный мальчишка. Затем, глубоко вздохнув, как будто вспомнив что-то, начал говорить.

– Я всю жизнь служил и добру, и злу. В каждом моём деле есть две стороны – добро и зло. Я не желаю с вами спорить, хочу только привести один пример. Когда-то у меня был друг из высокопоставленных чиновников. Человеком он был хоть и искренним, чистосердечным, но требующим к себе уважительного отношения. Двадцать семь лет он никому не уступал свою должность; был профессионалом. Что он делал? Исполнял приказы: приходил приказ сверху – дать столько-то сырья. Приказ нельзя было обсуждать – мы были так воспитаны – его надо было выполнять! Для того чтобы выполнить его, все предприятия должны были работать по четырнадцать-пятнадцать часов в день. Но это, как вы понимаете, слишком. Конечно, можно при желании и все двенадцать месяцев. Человек не машина. Так тысячи людей можно изуродовать. Но если скажешь нет – уходи с должности; другие это выполнят. От того, что ты честный, жизнь лучше не станет… Тогда мой друг нашёл самый приемлемый путь. Повторяю,

он был очень честный, талантливый человек. Он подписывал бумаги о выполнении всех работ. Он это делал во имя людей, заботясь об их судьбе. Таким путём боролся с деспотическими законами. Но, когда он умер, его начали поносить. И первыми, кто начал бросать на его могилу камни, были тысячи и тысячи людей, которых он когда-то защищал. На его место назначили другого. Этот новый начальник делал всё, чтобы выполнить приказ в том виде, в каком он к нему поступал. Прибыль упала, увеличилось количество нуждающихся. Постепенно люди стали с сожалением вспоминать бывшего начальника, поняли наконец его правоту. Ну, скажите-ка, где здесь добро, а где зло? Как их различить? Один, думая о людях, нарушал закон, другой, думая о законе, губил людей. Я не могу различить, что здесь добро, а что зло. И на протяжении всей жизни не смог этого сделать.

– А убеждения? – спросил я, сердясь на то, что он говорит столь весомо, вернее, его доказательства сбили меня с толку; видно, он много думал о своей жизни, поэтому говорил так категорично и уверенно. – Убеждённые люди, вернее люди с твёрдыми убеждениями, глубоко понимают разницу между добром и злом, – сказал я и, смущённый собственной высокопарностью, остановился.

– Убеждения, вера, – сказал он печальным голосом, – если бы всю свою жизнь мы были убеждены, верили, сражались, жили, истово горя, и однажды поняли, что то, во что верили, чему поклонялись на самом деле, – низость, пустота, обман, всё пустое и дутое, как мыльный пузырь, то что бы вы ни говорили, вы перестанете различать разницу между добром и злом, и жизнь ваша превратится в пустую скрипящую телегу, сошедшую с дороги. А чтобы заполнить пустоту и чем-то нагрузить телегу, вы не остановитесь даже перед злом. Это ли не убеждения? Я не употребляю это слово более сорока лет. Оно настолько глянцевое, зыбкое, фальшивое, высокопарное, что, как услышу, меня сразу тошнит.

Он захрипел от досады и умолк. Что-то его сильно рассердило, чувства переполняли его, было ясно: если я сейчас ему возражу, он резко оборвёт меня. Видимо, он не любил, когда ему возражали. Я пришёл в ужас, представив, что он всю жизнь искал, что есть добро и зло, но так и не нашёл ответа; понемногу я стал понимать его картины, доселе мне не понятные; эти картины были отражением его неуверенности в себе, его раздумий о тщетности прожитой жизни, полной обмана и порывов его возвышенного сердца. Приближаясь к закату жизни, чтобы укрыться от несправедливостей, он, как в густом лесу, спрятался в своих фантазиях и одиночестве. Кажется, ему хотелось проанализировать и оценить прошедшую жизнь в одиночестве затворника, хотелось сделать выводы, это чувствовалось по его словам, но главного вывода, по-моему, он так и не сделал. Видимо, одиночество стало его последним пристанищем. В его словах было что-то ядовитое. Проговорив с ним четверть часа, я почувствовал себя плохо. Потому что если только поверить ему, всё разлетится вдребезги. Он отравил меня своим неверием. Я долго не мог изгнать из себя демона в облике старика, старался читать только весёлые рассказы, чтобы как-то поднять себе настроение.

Больше я не ходил к старику. Я никак не мог прийти в себя от мерзкого затхлого запаха и от этих наших разговоров. Как вспомню – начинает тошнить, становится тоскливо. Хозяйка дома раз в неделю носила старику еду, говорила, что тот с увле-

чением рисует, но она ничего не понимала в живописи и недолюбливала старика, хоть, как и вся улица, носила ему еду. Вообще, у вдов есть естественная потребность проявлять милосердие. У них мягкое сердце, они чувствительны, легко обижаются.

Постепенно я перестал интересоваться и картинами старика, и его судьбой; в то время я был занят переводами рассказов Онетти. Я редко вспоминал соседа, а когда вспоминал, то передо мной будто появлялась чёрная тень, неустанно преследующая меня. Иногда, вспоминая его первую картину, я погружался в раздумья. И тогда мои мысли были такими же радостными, как глаза юноши на картине. Меня интересовала только картина, над которой работал старик, предчувствовавший, что это его последняя работа. Иногда я всё же встречал его – он выходил из продуктового магазина, и, когда я видел его безжизненное лицо и глаза, наполненные жалкими итогами прожитой жизни, его фигуру, мне казалось, что его согбенная спина сгибается ещё ниже, чтобы не видеть весну, преображающуюся, молодеющую землю, которые будто раздражали его.

Хуан Карлос Онетти (1909–1994) – уругвайский писатель, один из крупнейших прозаиков Латинской Америки.

Согбенная – сгорбленная, согнутая.

За всю зиму я видел старика лишь два раза, – поставив кресло у окна, он сидел, греясь в мягких солнечных лучах. Хозяйка дома была очень ворчливой женщиной. О старике она говорила, брезгливо морщась, однако не пропускала своей очереди кормить его. Особенно ей не нравилось то, что уклад жизни старика не таков, как у остальных махаллинских жителей.

В начале весны, вернувшись из месячного отпуска, я увидел хозяйку со слезами на глазах, она сообщила, что старик умер три дня назад. Я поёжился, словно по мне проползло что-то клейкое и холодное, и вспомнил о его картинах. «Дом всё ещё без присмотра, – сказала мне хозяйка, – нигде не могут найти сына, наверное, его опять посадили!»

Вечером я пошёл во двор к старику. Двор был пустым. Запах сырости исчез вместе со стариком, но зловоние сохранилось. Картины были сложены в сторонке. Я стал искать последнюю. Хотелось узнать, успел ли старик её закончить. Наконец нашёл жёлтый холст и, торопливо сорвав с него бумагу, посмотрел на полотно. Мне сразу бросились в глаза чистые яркие тона – эта картина не была похожа на абстракции сорокалетней давности. Я был поражён пейзажем: на холсте был изображён такой же лес, что и на первой картине. Только здесь обезьяна вела в лес отчаявшегося, сгорбленного старика с безжизненным лицом.

Было заметно, что картина писалась быстро. Во многих местах краска была нанесена кое-как. Старик чувствовал, что ему осталось жить недолго, и спешил. На заднем плане картины было нечто, напоминавшее закат солнца в тусклой мгле. На этом тёмно-сером фоне были изображены обезьяна и старик с выражением безнадёжности на лице.

Тогда я невольно подумал о существовании в жизни чего-то вроде дверей для входа и выхода искусства. Картины старика были словно таинственная крепость: в ту минуту, когда я увидел первую картину старика, я вошёл в эту крепость и почувствовал тоску; вместе с тем я, кажется, понял причину тревоги в сердце. До этого дня я жил в крепости старика, а сейчас почувствовал, что вырвался из неё в бескрайнюю степь. Вместо чего-то клейкого и гадкого меня, будто что-то потерявшего человека, наполнила тревога, навеянная картинами старика.

Когда я вернулся в дом, хозяйка разговаривала с одним пожилым человеком, работавшим в махаллинском совете. «На собрании старейшин решили этот дом отдать кому-нибудь, – сказали они мне. – Вы же хотели купить дом? Вот и возьмите этот».

Внезапно в нос мне ударил мерзкий запах, источаемый деревьями, цветами, каждым кирпичом этого дома, я поморщился, словно меня тошнило.

– Нет, – сказал я, направляясь в свою комнату. – Я пока поживу без дома.

Перевод С. Камиловой

Обсудим вместе

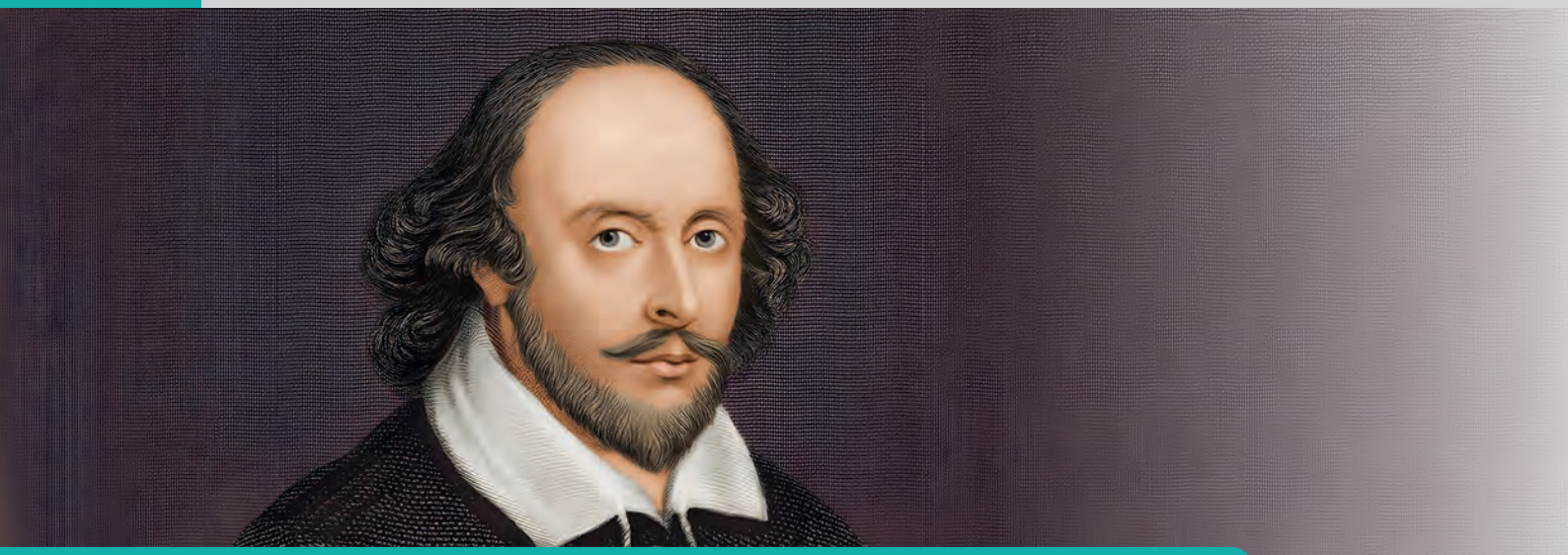
1. Почему с годами краски и тона картин старика менялись? С чем это связано?
2. Как выглядела последняя картина художника? Что заметил в ней герой? Как она связана с первым холстом?
3. Как вы думаете, почему старик говорит, что служил всегда и добру, и злу?
4. Почему герой рассказа отказался от покупки дома старика?

Практические задания

1. **Творческое задание.** Попробуйте нарисовать свою картину. Какие тона будут преобладать в ней?
2. Написанный на узбекском языке рассказ имеет название «Maymun yetaklagan odam». Приведите свой вариант перевода на русский язык.

Домашнее задание

Напишите эссе «Молодость и старость: два взгляда на жизнь в красках и убеждениях».

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
1564–1616

У. Шекспир – английский драматург, поэт и актёр, считающийся одним из величайших писателей в истории литературы. Он создал 39 пьес, включая трагедии, комедии и исторические драмы, а также 154 сонета, ставших жемчужинами мировой поэзии. В таких произведениях, как «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Макбет», «Отелло» и многих других, Шекспир глубоко и проникновенно раскрывает внутренний мир человека, исследует темы любви, власти, предательства и сущности человеческой натуры. Его творчество оказало огромное влияние на развитие литературы и театра во всём мире.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что вы знаете о творчестве Уильяма Шекспира? Назовите известные вам произведения автора. Доводилось ли вам смотреть постановки произведений Шекспира в театре или в кино?
2. Какие лирические жанры вы можете перечислить? Чем они различаются?
3. Как вы думаете, что движет поэтом при создании художественных произведений: чувства, вдохновение или стремление к славе?

СОНЕТ КАК ЖАНР ЛИРИКИ

Сонет – это классическая поэтическая форма, возникшая в средневековой Европе. Как жанр лирической поэзии сонет был создан в XIII веке во Франции трубадурами – средневековыми поэтами и музыкантами.

Вскоре сонеты нашли признание в Италии. Данте Алигьери посвящал свои произведения Беатриче, а Франческо Петрарка воспевал красоту Лауры. В XVI веке жанр распространился по Франции, Испании и Англии.

Его название происходит от итальянского слова «sonetto», что означает «песенка». Сонет обрёл свою популярность благодаря итальянскому поэту Франческо Петрарке, а позже был усовершенствован английскими поэтами. Наибольшей высоты и совершенства этот жанр достиг в творчестве Уильяма Шекспира.

Структура сонета состоит из 14 строк, написанных в определённом размере стихосложения, чаще всего, пятистопным ямбом. Классические сонеты делятся на два основных типа:

1. Итальянский (петрарковский) сонет состоит из двух частей – октавы (8 строк) и терцета (6 строк). Обычно схема рифмовки октавы – ABBAABBA, а в терцете возможны вариации, например, CDECDE или CDCDCD.

2. Английский (шекспировский) сонет состоит из трёх катренов (по 4 строки) и завершается заключительным двустишием. Схема рифмовки – ABABCDCDEFEFGG.

Тематика сонетов традиционно охватывает философские размышления, любовные чувства, вопросы времени и красоты. Поэты использовали строгую форму сонета для выражения глубоких эмоциональных переживаний и изысканных мыслей, благодаря чему этот жанр стал одной из важнейших форм мировой литературы.

Таким образом, сонет – это не просто строгая форма стихосложения, но и средство выражения личных и универсальных идей, что делает его особенно значимым в культурном и образовательном контексте.

Возрождение в Англии, по сравнению с другими странами, было поздним и коротким: всего за несколько десятилетий произошёл перелом в общественной жизни и культуре этой страны. Уильям Шекспир показал в своём творчестве, как быстро радостное восприятие жизни сменилось жестоким разочарованием в гуманизме из-за осознания ограниченности возможностей человека.

Возрождение, или Ренессанс – эпоха в истории культуры Европы, переломный этап между Средними веками и Новым временем (примерно начало XIV – конец XVI веков).

Сонеты Шекспира не только демонстрируют мастерство поэта в создании поэтической формы, но и затрагивают универсальные темы, которые остаются актуальными по сей день. Эти произведения охватывают человеческие переживания в самых различных аспектах: любви, боли, утрате, времени, смерти, искусстве и бессмертии. В своих сонетах Шекспир делает акцент на том, что эмоции и переживания – это важнейшая часть человеческой сущности.

Шекспировские сонеты не только выразили глубину его философских и эмоциональных взглядов, но и заняли важное место в истории мировой литературы. Они стали вдохновением для поэтов и писателей различных эпох, заложив основы английской поэтической традиции. Произведения Шекспира олицетворяют гармонию формы и содержания, продолжая восхищать читателей своей сложностью и проникновенностью.

Сонеты Шекспира считаются вершиной английской лирики эпохи Возрождения. В них наиболее полно отразилось мироощущение человека, жившего в эпоху Ренессанса. Таким образом, сонеты Шекспира являются жемчужиной литературного наследия человечества.

Сонет – это стихотворение из 14 строк, написанных, как правило, пятистопным ямбом.
Ямб – двусложный стихотворный размер с ударением на втором слоге в стопе.
Стопа – несколько слогов, объединённых одним ударением; единица ритмической организации стиха.

Переводы сонетов Шекспира, выполненные С.Я. Маршаком, характеризуются как «явление в русской литературе исключительное». Поэтический перевод не может быть точной копией оригинала. Сонеты Шекспира в переводах Маршака – это перевод не только с языка на язык, но и со стиля на стиль. Стиль Маршака более спокойный, уравновешенный в отличие от неистовой и страстной поэзии Шекспира. Однако Маршак сумел передать дух шекспировской поэзии.

Обсудим вместе

1. Что такое сонет? Назовите его основные признаки.
2. Какие виды сонетов вы знаете? В чём различие между итальянским и английским сонетом?

Практические задания

1. Прочитайте сонет итальянского поэта Франческо Петрарки.

В колечки золотые ветерок
Закручивал податливые пряди,
И несказанный свет сиял во взгляде
Прекрасных глаз, который днесь
поблёк,

И лик ничуть, казалось, не был строг –
Иль маска то была, обмана ради? –
И дрогнул я при первой же осаде
И уберечься от огня не смог.

Легко, как двигалась она, не ходит
Никто из смертных; музыкой чудесной
Звучали в ангельских устах слова.

Живое солнце, светлый дух небесный
Я лицезрел… Но рана не проходит,
Когда теряет силу тетива.

Перевод Е. Солоновича

2. Сонет 90 Петрарки и сонет 130 Шекспира – это два выдающихся произведения, в которых авторы говорят о своих возлюбленных. Сравните два сонета по структуре, темам и образам. Выводы запишите в виде таблицы в тетради.

Петрарка	Шекспир	Что общего?

СОНЕТЫ

1

Мы урожая ждём от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая.

А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету, –
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.

Ты – украшенье нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай, –
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скаредность с растратой.

Жалея мир, земле не предавай
Грядущих лет прекрасный урожай!

5

Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создаёт для глаз.
И то же время в беге круговом
Уносит всё, что радовало нас.

Часов и дней безудержный поток
Уводит лето в сумрак зимних дней,
Где нет листвы, застыл в деревьях сок,
Земля мертва и белый плащ на ней.

И только аромат цветущих роз –
Летучий пленник, запертый в стекле, –
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.

Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

18

Сравню ли с летним днём твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломает буря майские цветы,
И так недолговечно лето наше!

То нам слепит глаза небесный глаз,
То светлый лик скрывает непогода.
Ласкает, нежит и терзает нас
Своей случайной прихотью природа.

А у тебя не убывает день,
Не увядает солнечное лето.
И смертная тебя не скроет тень –
Ты будешь вечно жить в строках поэта.

Среди живых ты будешь до тех пор,
Доколе дышит грудь и видит взор.

23

Как тот актёр, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, –

Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладёт печать
Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идёт к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.

Прочтёшь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

29

Когда в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодною мольбой
Глухой и равнодушный небосвод

И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, –

Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое кляну,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несётся в вышину.

С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильней.

30

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого, –
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слёз, я слёзы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И всё, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счёт потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!

Но прошлое я нахожу в тебе
И всё готов простить своей судьбе.

60

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчётные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.

Младенчества новорождённый серп
Стремится к зрелости и наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаёт в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Всё лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметёт моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

130

Её глаза на звёзды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И чёрной проволокой вьётся прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щёк.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдёшь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

И всё ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

Перевод С. Маршака

Обсудим вместе

1. Какую роль играет образ «красивейших существ» в начале сонета 1? Что символизирует «цветок» и как он соотносится с понятием красоты?
2. О чём поэт говорит в сонете 5? Между какими силами представлено противостояние? Какие образы поэт использует для описания красоты и её увядания? Как поэт предлагает сохранить красоту?
3. С чем сравнивает поэт возлюбленную в сонете 18? Почему считает её лучше всех? Как изображена природа в сонете? Какую роль играет последнее двустишие? Почему оно так сильно звучит?
4. С каким образом сравнивает себя поэт в первой строке сонета 23? Почему герой не может прямо выразить свои чувства? Что мешает герою говорить – страх, любовь, волнение или что-то ещё?
5. Что чувствует лирический герой в начале сонета 29? Что меняется в настроении героя, когда он вспоминает любимую? Какую роль играет образ жаворонка? Почему он важен для настроения сонета?
6. Первая строфа сонета 30 определяет тему всего стихотворения. Назовите её. Какие слова-образы помогли вам это определить? Подумайте, соответствует ли оно общему поэтическому правилу.
7. Как вы понимаете выражение «время, как волны бурные» в сонете 60? Почему поэт использует такую метафору? Как автор показывает власть времени?
8. Какую роль играет отрицание традиционных сравнений в начале сонета 130? Как физические черты дамы соотносятся с традиционными идеалами красоты?

Практические задания

1. Найдите в текстах сонетов метафоры, к которым прибегает Шекспир, чтобы выразить свои мысли о любви, времени, красоте и т. д.
2. Выберите понравившийся сонет и проанализируйте его подробно. Разбейте на строфы, объясните, как развивается тема, что символизируют образы, укажите средства выразительности языка.

Домашнее задание

1. Напишите небольшое эссе «Что вечно в мире, если не поэзия?»
2. Попытайтесь, используя современные интернет-технологии, сочинить сонет, в котором поразмышляйте о своём восприятии времени, старости и бессмертия. Используйте метафоры, сохраняя классическую структуру сонета.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ
1868–1936

М. Горький (настоящее имя – Алексей Максимович Пешков) – выдающийся русский писатель, драматург и публицист. Его творчество проникнуто сочувствием к простому народу, верой в силу человека и стремлением к справедливости. Горький прошёл трудный жизненный путь – от беспризорника до всемирно признанного автора. Его произведения, такие как «Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «На дне», наполнены глубокими размышлениями о человеке, свободе и смысле жизни. Горький стал голосом эпохи, выразителем надежд и страданий своего времени.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что важнее для человека – личная свобода или долг перед другими?
2. Как вы думаете, что делает человека по-настоящему живым?
3. Кого можно назвать «сильной личностью»? Приведите примеры из жизни и литературы.

О РАССКАЗЕ «СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ»

Рассказ «Старуха Изергиль» относится к раннему романтическому периоду творчества М. Горького. Центральное место в нём занимает образ необычного героя – человека, способного на подвиг и самопожертвование ради других. Горький хотел этим произведением пробудить в читателях желание действовать, бороться за справедливость, за лучшее будущее. Его романтизм – это не просто мечты, а вера в силу добра, смелости и человечности. Сюжет рассказа построен на воспоминаниях старой женщины Изергиль, а также на двух легендах – о Ларре и о Данко. Одна из них, легенда о Данко, рассказывает о мужественном и красивом юноше, который любил людей боль-

ше самого себя. Он был отважен, смел и стремился сделать добро – не ради славы, а от чистого сердца. Он поставил перед собой благородную цель: быть полезным людям, помочь им выбраться из беды. Данко страдал, глядя на своих соплеменников, которые жили в мрачных болотах, без солнца, без надежды, забывшие о свободе и мужестве. Из сострадания к ним в его сердце вспыхнул огонь любви. Эта искра разгорелась в пламя веры в человека. Но не только жалость подвигла его на героический поступок. Главное – он верил, что в людях можно пробудить добро, силу и свет. Самый сильный и яркий момент легенды – это горящее сердце Данко. Оно стало символом его подвига. Всё начинается с того, что Данко отвергает трусливые мысли тех, кто считает лучше терпеть страдания, чем рискнуть жизнью. Он говорит: надо бороться, надо идти вперёд! Люди почувствовали, что Данко особенный, в его глазах горел живой огонь, в нём была сила. Поэтому они пошли за юношей – они поверили ему. Горький показывает, насколько велика сила человека, если в его сердце живёт вера в добро и любовь. Данко выводит своих соплеменников из мрака, холода и страха к свету, солнцу и свободе. Он жертвует собой ради других. Но его поступок так и не был по-настоящему оценён. Люди, которых он спас, быстро забыли своего героя. Один осторожный человек даже затоптал угли от сгоревшего сердца юноши, словно стараясь стереть саму память о Данко. Ведь память о таком самоотверженном человеке заставляла бы их вспоминать о собственной слабости и трусости, а может быть даже и подлости. Образ Данко – это идеал гуманиста, человека с добрым, чистым сердцем и красивой душой. Горький строит легенду на противопоставлении: смелость Данко и страх толпы, его воля и их безволие. Люди злились, что не могли быть такими, как он, и в ярости чуть не погубили его. И тогда Данко, собрав последние силы, вырвал своё сердце и осветил им путь. Эта легенда показывает, что в жизни всегда есть место подвигу, если в человеке живёт вера в добро и желание творить его.

Обсудим вместе

«Светя другим – сгораю сам»: как вы понимаете это выражение?

Практические задания

Составьте ассоциативный ряд к слову «героизм».

Домашнее задание

Попробуйте сочинить небольшое стихотворение о подвиге Данко.

Читаем произведение

СТАРУХА ИЗЕГРИЛЬ

III

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой – была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна – назад, – там были сильные и злые враги, другая – вперёд, – там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём в сером сумраке и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота… Люди всё сидели и думали. Но ничто – ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум… Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, – и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче… Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни… Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос её, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди… «Данко – один из тех людей, молодой красавец. Красивые – всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

– Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдём в лес и пройдём его сквозь, ведь имеет же он конец – всё на свете имеет конец! Идёмте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

– Веди ты нас! – сказали они.

Тогда он повёл…»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где всё густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним – верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они… Всё гуще становился лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гневе обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, – вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

– Ты, – сказали они, – ничтожный и вредный человек для нас! Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

– Вы сказали: «Веди!» – и я повёл! – крикнул Данко, становясь против них грудью. – Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

– Ты умрёшь! Ты умрёшь! – ревели они. А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они – как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня… А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь…

– Что сделаю я для людей?! – сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

– Идём! – крикнул Данко и бросился вперёд на своё место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца.

И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём. Гроза была – там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река… Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, – кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и – умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой… И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло…»

– Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжёг для людей своё сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на неё и думал: «Сколько ещё сказок и воспоминаний осталось в её памяти?» И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

Дунул ветер и обнажил из-под лохмотьев сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей всё крепче. Я прикрыл её старое тело и сам лёг на землю около неё. В степи было тихо и темно. По небу всё ползли тучи, медленно, скучно… Море шумело глухо и печально.

1894 г.

Обсудим вместе

1. Почему племя оказалось в глухом лесу? Как Данко проявил лидерские качества?
2. Как отреагировал народ на поступок Данко? Проследите по тексту, как в пути складываются отношения между Данко и толпой. Объясните, почему люди «посмотрели на него и увидели, что он лучший из них».

Практические задания

1. Согласны ли вы с тем, что человек должен жертвовать собой ради других? Напишите короткое размышление (3–5 предложений).
2. Что означает выражение «жить полной жизнью»?

Домашнее задание

Проверьте себя, ответив на вопросы.

1) Когда был написан рассказ, частью которого стала «Легенда о Данко»?

а) в 1890 г. б) в 1892 г. в) в 1894 г.

2) Какие края вдохновили М.Горького на написание легенды?

а) Таврия б) Бессарабия в) Подолье

3) Определите главную тему произведения.

а) благородство людей б) трусость людей в) вражда людей

4) Какая проблема представлена в произведении?

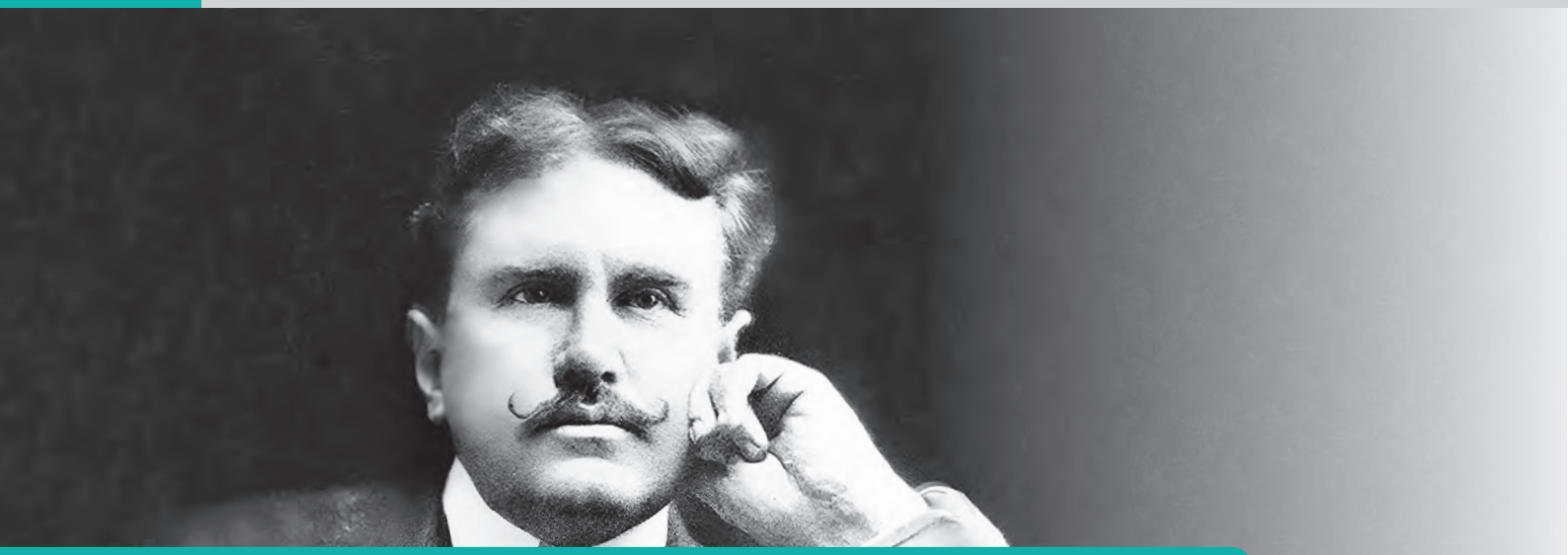
а) человек и общество б) дружба и вражда в) отцы и дети

5) Чем пожертвовал Данко ради народа?

а) душой б) сердцем в) разумом

6) Какое литературное направление представляет легенда?

а) классицизм б) реализм в) романтизм

О. ГЕНРИ
1862–1910

О. Генри (настоящее имя – Уильям Сидни Портер) – американский писатель, известный своими небольшими по объёму рассказами, которые часто имеют неожиданный и остроумный финал, где раскрываются тонкие человеческие чувства и судьбы. Среди самых известных – его новеллы «Последний лист» и «Дары волхвов». Несмотря на краткость, его произведения наполнены глубоким смыслом и эмоциональной силой, что делает О. Генри одним из величайших мастеров жанра новеллы в мировой литературе.

Подготовка к встрече с текстом

1. Как, на ваш взгляд, искусство связано с реальной жизнью?
2. Какие ценности могут служить основой для создания произведений искусства?
3. Как вы думаете, какие поступки указывают на то, что человек – настоящий друг?
4. Вспомните случаи из жизни или литературы, когда человек готов был пожертвовать чем-то важным ради другого. Какие мотивы послужили основанием для таких действий?

О ПРОИЗВЕДЕНИИ «ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ»

Новелла «Последний лист» – это сильная, трогательная история о том, что настоящая жертвенность может быть неоценимой. О. Генри изображает героев, готовых жертвовать собой ради других, и это придаёт произведению особую моральную глубину. В то же время автор превосходно создаёт неожиданную и эмоциональную развязку.

Главные герои – Сью, Джонси и Берман – становятся воплощением лучших человеческих качеств: любви, заботы, терпения, умения пожертвовать собой ради другого. Берман, похожий одновременно на Моисея, Микеланджело, сатира и гнома, воспри-

Новелла – это малый повествовательный жанр, по объёму близкий к рассказу. Для неё характерны остросюжетность, неожиданный финал и отсутствие чёткой авторской позиции. В новеллах редко бывает более трёх действующих лиц.

нимает себя «сторожевым псом» молодых художниц и без малейшей тени сомнения ввязывается в авантюру, стоившую ему жизни. Примечательно, что Джоанну старый художник знает всего несколько месяцев: девушки открывают свою студию в мае, а в ноябре Джоанна заболевает пневмонией.

Название произведения – символический образ ускользающей жизни. Последний лист на плюще, цепляющемся за кирпичную стену соседнего дома, становится для больной пневмонией Джоанны временной точкой отсчёта её жизни. Уставшая от физических страданий девушка придумывает себе примету, позволяющую надеяться на покой, под которым она, вопреки здравому смыслу, понимает не выздоровление, а смерть.

Доктор объясняет подруге умирающей девушки Сью, что Джонси должна цепляться за жизнь (совсем как плющ за стену дома), в противном случае её шансы не будут равняться даже один к десяти. Врач (как представитель реалистической профессии) предлагает в качестве смысла жизни – любовь к мужчине. Сью как человека искусства удивляет такой выбор. Ей более понятна мечта Джоанны написать красками Неаполитанский залив. Об этом больная говорит до тех пор, пока ей не становится хуже, и к этому же возвращается сразу, как только чувствует себя лучше.

Животворящая сила искусства становится основной идеей рассказа как на уровне частных желаний больной Джоанны, так и общего сюжетного смысла: мечтающий всю жизнь о настоящем шедевре старый, давно уже спившийся художник Берман создаёт изображение, имеющее высшую ценность, изображение, выходящее за рамки искусства, поскольку оно становится самой жизнью. В свою работу старик вкладывает не только талант, но и здоровье: работая под северным порывистым ветром и дождём, он заболевает воспалением лёгких и умирает, даже не дождавшись полного выздоровления Джоанны.

Искусственный лист оказывается нарисован так искусно, что первое время никто не распознаёт в нём подделки. «Тёмно-зелёный у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада» он обманывает не только больную Джонси, но и здоровую Сью. Чудо, созданное руками человека, заставляет девушку поверить в свои жизненные силы, устыдиться малодушного желания смерти. Видя, насколько храбро держится последний лист на плюще, Джоанна понимает, что она должна быть сильнее растения: теперь она уже видит в нём не приближающуюся смерть, а несгибаемую жизнь.

Читаем произведение

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самоё себя раза два. Некоему художнику удалось открыть весьма ценное свойство этой улицы. Предположим, сборщик из магазина со счётом за краски, бумагу и холст повстречает там самого себя, идущего восвояси, не получив ни единого цента по счёту!

И вот люди искусства набрели на своеобразный квартал Гринич-Виллидж в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешёвой квартирной платы. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и основали «колонию».

Табльдот (фр. table d'hôte – хозяйский стол) – тип меню с единой комплексной ценой в пансионах, курортных гостиницах, ресторанах и иных предприятиях.

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трёхэтажного кирпичного дома. Джонси – уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэйн, другая из Калифорнии. Они познакомились за табльдотом одного ресторанчика на Восьмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, цикорный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. По Восточной стороне этот душегуб шагал смело, поражая десятки жертв, но здесь, в лабиринте узких, поросших мохом переулков, он плёлся нога за ногу.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил её с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплёт голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

– У неё один шанс… ну, скажем, против десяти, – сказал он, стряхивая ртуть в термометре. – И то, если она сама захочет жить. Вся наша фармакопея теряет смысл, когда люди начинают действовать в интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чём она думает?

– Ей… ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

– Красками? Чепуха! Нет ли у неё на душе чего-нибудь такого, о чём действительно стоило бы думать, например, мужчины?

– Мужчины? – переспросила Сью, и её голос зазвучал резко, как губная гармоника. – Неужели мужчина стоит… Да нет, доктор, ничего подобного нет.

– Ну, тогда она просто ослабла, – решил доктор. – Я сделаю всё, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у неё будет один шанс из пяти, вместо одного из десяти.

После того как доктор ушёл, Сью выбежала в мастерскую и плакала в японскую бумажную салфеточку до тех пор, пока та не размокла окончательно. Потом она храбро вошла в комнату Джонси с чертёжной доской, насвистывая рэгтайм.

Рэгтайм (англ. время, темп, такт) – «предджазовый» жанр фортепианной американской музыки.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами. Сью перестала насвистывать, думая, что Джонси уснула.

Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам, которыми молодые авторы мостят себе путь в Литературу.

Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью услышала тихий шёпот, повторившийся несколько раз. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала – считала в обратном порядке.

– Двенадцать, – произнесла она, и немного погодя: – одиннадцать, – а потом: – «десять» и «девять», а потом: – «восемь» и «семь» – почти одновременно.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой, унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплёл до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголённые скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

– Что там такое, милая? – спросила Сью.

– Шесть, – едва слышно ответила Джонси. – Теперь они облетают гораздо быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и ещё один полетел. Теперь осталось только пять.

– Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

– Листьев. На плюще. Когда упадёт последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

– Первый раз слышу такую глупость! – с великолепным презрением отпарировала Сью. – Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты ещё так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь ещё сегодня доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь… позволь, как же это он сказал?.. что у тебя десять шансов против одного. А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идёшь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы она могла сбыть его редактору и купить вина для своей больной девочки и котлет для себя.

– Вина тебе покупать больше не надо, – отвечала Джонси, пристально глядя в окно. – Вот и ещё один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остаётся всего четыре. Я хочу видеть, как упадёт последний лист. Тогда умру и я.

– Джонси, милая, – сказала Сью, наклоняясь над ней, – обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать иллюстрацию завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы штору.

– Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? – холодно спросила Джонси.

– Мне бы хотелось посидеть с тобой, – сказала Сью. – А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

– Скажи мне, когда кончишь, – закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, – потому что мне хочется видеть, как упадёт последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, – лететь, лететь всё ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

– Постарайся уснуть, – сказала Сью. – Мне надо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Обсудим вместе

1. Чем рассказ отличается от новеллы?
2. Почему название болезни автор пишет с большой буквы?

Практические задания

1. Выберите и проанализируйте цитату из рассказа, которая объясняет решимость Бермана помочь Джонси.
2. Найдите в рассказе фразы, которые выражают философские размышления о жизни и смерти. Разъясните их значение.

3. Приведите примеры из текста, как О. Генри использует элемент неожиданного поворота в рассказе.
4. Подумайте, как в рассказе раскрываются темы надежды и отчаяния. Как происходит переход от безнадёжности к вере?

Домашнее задание

1. Прочитайте новеллу О. Генри «Последний лист».
2. Заполните таблицу.

Герой	Характеристика
Сью	
Джонси	
Берман	

Читаем продолжение произведения

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он всё собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Он всё ещё говорил о своём будущем шедевре. А в остальном это был злющий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя, как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнущего можжевеловыми ягодами, в его полутёмной каморке нижнего этажа. В одном углу двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчёт того, как бы она, лёгкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет её непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

– Что! – кричал он. – Возможна ли такая глупость – умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

– Она очень больна и слаба, – сказала Сью, – и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, – если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я всё-таки думаю, что вы противный старик… противный старый болтунишка.

– Вот настоящая женщина! – закричал Берман. – Кто сказал, что я не хочу позировать? Идём. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шёл холодный, упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевёрнутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зелёной шторы.

– Подними её, я хочу посмотреть, – шёпотом скомандовала Джонси.

Сью устало повиновалась.

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене ещё виднелся один лист плюща – последний! Всё ещё тёмно-зелёный у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землёй.

– Это последний, – сказала Джонси. – Я думала, что он непременно упадёт ночью. Я слышала ветер. Он упадёт сегодня, тогда умру и я.

– Да бог с тобой! – сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке. – Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далёкий путь, становится чуждой всему на свете. Болезненная фантазия завладевала Джонси всё сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие её с жизнью и людьми.

День прошёл, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своём стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь беспрерывно стучал в окна, скатываясь с низкой голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.

Лист плюща всё ещё оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для неё куриный бульон на газовой горелке.

– Я была скверной девчонкой, Сьюди, – сказала Джонси. – Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немного бульона, а потом мо-

лока с портвейном… Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она сказала:

– Сьюди, надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днём пришёл доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

– Шансы равные, – сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью. – При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить ещё одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление лёгких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжёлая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

На другой день доктор сказал Сью:

– Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход – и больше ничего не нужно.

В тот же вечер Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко-синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла её одной рукой – вместе с подушкой.

– Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, – начала она. – Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления лёгких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашёл бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны, как лёд. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который всё ещё горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с жёлтой и зелёной красками. Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана – он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист.

Перевод Н. Дарузес

Обсудим вместе

1. Как вы думаете, что символизирует «последний лист» в рассказе?
2. Как О. Генри использует мотив искусства в этом произведении?
3. Почему Сью обманывает Джонси? Как бы вы поддержали своего друга (подругу) в трудную минуту? Стали бы обманывать или поступили иначе?
4. Какое значение в рассказе имеет образ старого художника Бермана? Как его поступок изменяет судьбу Джонси?
5. Почему Джонси так верит, что её жизнь зависит от последнего листа на лозе?
6. Какое влияние оказывает на Джонси отношение Бермана и его поступок в конце рассказа?

Практические задания

1. Выберите и проанализируйте цитату из рассказа, которая объясняет решимость Бермана помочь Джонси.
2. Найдите в рассказе фразы, которые выражают философские размышления о жизни и смерти. Разъясните их значение.
3. Приведите примеры из текста, как О. Генри использует элемент неожиданного поворота в рассказе.
4. Подумайте, как в рассказе раскрываются темы надежды и отчаяния. Как происходит переход от безнадёжности к вере?

Домашнее задание

Напишите эссе «О чём заставила меня задуматься новелла О. Генри?»

Подготовка к встрече с текстом

1. Какое значение имеют подарки в жизни людей? Могут ли они иметь больший смысл, чем просто материальные ценности?
2. Как вы думаете, что более важно: дарить что-то материальное или проявлять любовь и заботу через действия? Какие подарки, по вашему мнению, являются самыми дорогими?
3. Почему люди иногда готовы жертвовать самым ценным ради другого человека?

О РАССКАЗЕ О. ГЕНРИ «ДАРЫ ВОЛХВОВ»

«Дары волхвов» – это короткий рассказ О. Генри, который повествует о самоотверженной любви и жертвах, на которые идут главные герои ради друг друга. Рассказ является примером драмы, в которой сочетаются юмор и грусть, а также неожиданная развязка, что стало характерным стилем автора.

Главные герои – Джим и Делла – оба готовы пожертвовать чем-то ценным ради другого. Делла продаёт свои длинные волосы, чтобы купить Джиму подарок – цепочку для его карманных часов. Джим же продаёт свои часы, чтобы купить Делле расчёску для её волос. Это свидетельствует о том, как любовь и самоотверженность могут приводить к бескорыстным поступкам, даже если результат этих жертв кажется трагичным или ироничным.

О. Генри использует неожиданный поворот в конце рассказа, чтобы показать, что истинное значение подарков не в материальной ценности, а в том, что они символизируют – любовь, заботу и готовность идти на жертвы ради близкого человека. Это не только заставляет читателя задуматься о ценности подарков, но и подчёркивает, как важны чувства в отношениях.

Джим и Делла, несмотря на свою бедность, не стремятся к материальному богатству, а их действия основаны на высоких моральных ценностях, что делает их поступки ещё более значимыми и трогательными.

О. Генри часто использует иронию как средство выражения глубоких жизненных истин. В данном случае ирония заключается в том, что оба героя отказываются от того, что дорого для них, чтобы сделать подарок другому, но в итоге их подарки теряют свою практическую ценность. Однако это не делает их действия менее значимыми, а, наоборот, подчёркивает, что истинная ценность подарков в их символическом значении, а не в их денежной стоимости.

«Дары волхвов» – это история о том, как любовь может заставить людей совершать великие поступки, и о том, что настоящая ценность не в том, что мы даём, а в том, как мы относимся к тем, кого любим.

Читаем произведение

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было всё. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слёз, вздохов и улыбок, причём вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука. К сему присовокуплялась карточка с надписью: «М-р Джеймс Диллингхем Юнг». «Диллингхем» развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингхем» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и непритязательное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас: «Джим!» и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра рождество, а у неё только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот всё, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Её Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой меблированной квартиры? Очень худой и очень подвижной человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза её сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно – золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое – волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы – специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения её величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана – специально для того, чтобы увидеть, как он рвёт на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю её фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову – и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блёстками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила:

«M-me Sophronie.
Всевозможные изделия из волос»

Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

– Не купите ли вы мои волосы? – спросила она у мадам.

– Я покупаю волосы, – ответила мадам. – Снимите шляпу, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

– Двадцать долларов, – сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

– Давайте скорее, – сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях – прошу прощенья за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец, она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она всё в них перевернула вверх дном, Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, – такими и должны быть все хорошие вещи. Её, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела её, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство – эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчёту. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причинённые великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как её голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали её удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, – сказала она себе, – если Джим не убьёт меня сразу, как только взглянет, он

решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

Кони-Айленд – остров близ Нью-Йорка, где сосредоточены балаганы, качели и американские горки.

В семь часов кофе был сварен, раскалённая сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У нее была привычка обращаться к богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

– Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась.

Дверь отворилась, Джим вошёл и закрыл её за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелёгкое дело в двадцать два года быть обременённым семьей! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мёрзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрёк, ни ужас – ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на неё, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

– Джим, милый, – закричала она, – не смотри на меня так. Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердишься, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

– Ты остригла волосы? – спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он всё ещё не мог осознать этот факт.

– Да, остригла и продала, – сказала Делла. – Но ведь ты меня всё равно будешь любить? Я ведь всё та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоумённо оглядел комнату.

– Так, значит, твоих кос уже нет? – спросил он с бессмысленной настойчивостью.

– Не ищи, ты их не найдёшь, – сказала Делла. – Я же тебе говорю: я их продала – остригла и продала. Сегодня сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, – продолжала она, и её нежный голос вдруг зазвучал серьёзно, – но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займёмся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше – восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намёки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто свёрток и бросил его на стол.

– Не пойми меня ложно, Делл, – сказал он. – Никакая причёска и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот сверток, и тогда ты поймёшь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечёвку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же – увы! – чисто по-женски сменившийся потоком слёз и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней – один задний и два боковых, – которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет её каштановых волос. Они стоили дорого... Делла знала это, – и сердце её долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожделенный блеск.

Всё же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слёзы, сказала:

– У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котёнок, и воскликнула:

– Ах, боже мой!

Ведь Джим ещё не видел её замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах её бурной и искренней радости.

– Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть всё вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лёг на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

– Делл, – сказал он, – придётся нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы – персонажи евангельских сказаний о дарах, принесённых ими новорождённому Иисусу Христу.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговорённым правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

Перевод Е. Калашниковой.

Обсудим вместе

1. Почему О. Генри называет свою новеллу «Дары волхвов»? Какое значение имеет это выражение в контексте произведения?
2. Почему Джим и Делла решают пожертвовать своими ценными вещами один ради другого?
3. Какую мораль можно извлечь из новеллы «Дары волхвов»? Как она связана с концепцией любви и самопожертвования?
4. Какова роль неожиданной развязки в рассказе? Почему оба подарка, выбранные с любовью, оказались бесполезными?
5. Как вы думаете, что олицетворяет подарок каждого из героев?

Практические задания

Каков мир, в котором живут Делла и Джим? Найдите в тексте детали описания квартиры героев, помогающие понять, что у супругов тяжёлое материальное положение.

Творческое задание. Как бы вы поступили на месте Джима или Деллы? Напишите письмо одному из персонажей с советом или поддержкой.

Сравните новеллы О. Генри «Дары волхвов» и «Последний лист». Какие схожие темы можно проследить? Как в этих рассказах проявляется идея любви, самопожертвования и неожиданного поворота событий?

Домашнее задание

Напишите небольшой рассказ «Самый неожиданный подарок».

Проектная работа № 2

Тема проекта: «Что важнее: материальное или духовное?»

Начальный этап:

- формулировка цели
- создание больших (малых) групп
- планирование деятельности

Основной этап:

- поиск информации
- подбор иллюстраций
- подбор цитат
- оформление работы (буклет, фотоальбом, инсценировка, презентация)
- **Заключительный этап:**
- защита проекта
- обобщение и обсуждение результатов работы

ТУЛЕПБЕРГЕН КАИПБЕРГЕНОВ
1929–2010

Т. Каипбергенов – народный писатель Узбекистана и Каракалпакстана, творчество которого оказало глубокое влияние на развитие каракалпакской литературы XX века. В 2003 году Т. Каипбергенову присвоено звание Героя Узбекистана. Он является автором более 100 книг различных жанров, включая повести, романы, пьесы и публицистику, которые переведены на русский, узбекский, турецкий и другие языки. Одним из наиболее значимых произведений является трилогия «Дастан о каракалпаках», которая считается первым романом-эпопеей в каракалпакской литературе. Произведения Т. Каипбергенова стали важной частью культурного наследия Каракалпакстана и Узбекистана.

Подготовка к встрече с текстом

1. Какие ассоциации у вас вызывает слово «учитель»? Каким, на ваш взгляд, должен быть настоящий учитель? А каким – нет?
2. Был ли у вас учитель, которого вы хотели бы запомнить на всю жизнь? Почему?
3. Как вы думаете, может ли учитель изменить судьбу человека? Приведите примеры.
4. Что, по-вашему, важнее в учителе – знания или отношение к ученикам?

О ПОВЕСТИ «СПАСИБО, УЧИТЕЛЬ!»

Благодаря художественно-публицистическим произведениям и широкой общественной деятельности Тулепбергена Каипбергенова мир узнал о драматическом пути каракалпаков в истории, о стремлении к самоопределению, о самобытной культуре и литературе древнего народа.

Повесть «Спасибо, учитель!», изданная в 1958 году, посвящена событиям конца двадцатых годов прошлого столетия. Само слово «учитель» на родине автора в Каракалпакстане, где в начале XX века не было даже письменности, всегда произносилось с глубоким уважением. Именно учителем начал свою трудовую жизнь и сам Каипбергенов. Он прошёл суровую школу жизни, испытания военным временем. Будучи учеником 6 класса, из-за нехватки на селе учителей стал преподавать в младших классах, а после школы твёрдо решил стать учителем, поступив на факультет русского языка и литературы пединститута. Однако настоящим призванием Тулепбергена оказалась литература, родственная педагогической работе, т.к. художественное слово тоже учит, воспитывает ум и сердце, прививает вкус, вдохновляет на добрые дела.

Сюжет повести достаточно прост: молодой учитель Менлимурат приезжает в дальний аул обучать местную детвору и встречает сопротивление окружающих, живущих по стереотипам феодализма, набирает учеников, открывает школу. Повествование ведётся от имени подростка – двенадцатилетнего мальчика Турдымурата. Читатель слышит живой голос сверстника, его речь.

Действие повести разворачивается в другую историческую эпоху — это период становления советской власти и внедрения образования в отдаленных районах Каракалпакстана. Именно в конце двадцатых годов прошлого столетия, в сёла каракалпаков пришли первые учителя. Писатель рассматривает учительство не только как об учение конкретному предмету, а отводит особую роль учителю в воссоздании внешнего проявления реальности и внутреннего состояния личности, как своеобразный нравственный урок обществу.

Каипбергенов рассказывает многое о людях Каракалпакии, о психологии народа, имеющего древнюю историю и богатое наследие фольклора, народа, строящего сегодня счастливую жизнь на древней земле, на берегах могучей Амударьи. Автор считает, что с юными читателями надо говорить всерьёз и о серьёзном, не делая скидок на возраст, не упрощая жизненных сложностей. Поэтому очень важно понимать, что описываемые события отражают дух своего времени — с его трудностями, надеждами, энтузиазмом строителей новой жизни.

Любимые герои Т. Каипбергенова – люди нелёгкой судьбы. Но они сильные, неуступчивые, упорные в достижении избранной цели. Они благородны, добры и великодушны.

Читаем повесть

СПАСИБО, УЧИТЕЛЬ!

(В сокращении)

1

Колхоз (коллективное хозяйство) – большая сельскохозяйственная ферма, где все работали вместе и получали оплату за общий труд.

Чужой появился у нас тем самым летом, когда жители нашего аула спорили между собой и никак не могли договориться. Вот уж не думал, что со взрослыми такое бывает! Если один произносил слово «колхоз», другой начинал жаловаться – корова, мол,

совсем зачахла, а кто-нибудь добавлял, уж вовсе невпопад, что стоит дать женщинам волю, так и очаг в доме погаснет...

Они говорили, каждый про своё, и всё не могли решить, как им будет лучше: с колхозом или без колхоза, всем вместе или каждому порознь, – а мы, мальчишки, предоставленные самим себе, целыми днями играли на краю аула в альчики. Да что ещё нам оставалось делать после того, как с нашим другом Сарсенбаем произошла та страшная беда?

Острога – колющее рыболовное орудие в виде вил с несколькими зубьями.

Он до сих пор лежал в больнице, но всё равно стал посмешищем для всего аула. Угораздило же его: попал, будто рыба, на острогу, еле жив остался. Но, пожалуй, не стоит забегать вперёд...

С западной стороны, где деревья чуточку пореже, виден берег озера, поросший камышом. Озеро это называют «Донгелек кол» – «Круглое озеро». От него и аул наш стал зваться «Донгелек кол».

В нашем ауле жил дедушка Есемурат, большой мастер выращивать дыни. Они поспевали у него намного раньше, чем у других. И теперь кто-то пустил слух, что даже бродячие собаки лакомятся сочными дынями дедушки Есемурата. Пока мы собирались навестить старика, Сарсенбай решил отправиться один.

Ночь была тёмная-претёмная. Чтобы стать совсем незаметным, Сарсенбай закутался в длинный чёрный бешпент отца и пополз к огороду дедушки Есемурата.

Спелость арбуза можно определить, зажав его между колен. Спелую дыню нетрудно нащупать на грядке и ночью – корка у неё шероховатая. Но искать самые сладкие дыни приходится только по запаху. Обнюхивая дыни одну за другой, Сарсенбай и наскочил на острогу дедушки Есемурата. Старик, должно быть, хотел проучить собак – они и верно каждую ночь обгрызали пожелтевшие дыни на его огороде. Лишь по неистовым воплям Сарсенбая старик понял, что изловил вместо собаки человека.

Сарсенбай не жаловался, знал – сам виноват, только плакал жалобно. Дедушка силился вытащить острогу, но ничего не получалось: все три острия крепко засели в бедре у Сарсенбая.

Сбежались люди. Пришёл и отец Сарсенбая – мулла Дуйсен. Он хотел что-то сказать сыну, но не смог, губы у него дрожали. Сарсенбай исподлобья глянул на отца, отвернулся и рукавом закрыл лицо.

Все поочерёдно пытались освободить Сарсенбая, но стоило взяться за рукоять остроги, как он начинал кричать.

От стыда Сарсенбай не мог смотреть на людей. Хоть его и жалели, но кем он был перед ними? Просто вором. Наверно, потому никто и не упрекнул дедушку Есемурата.

А старику, видно, было очень жаль Сарсенбая. Несмотря на протесты муллы Дуйсена, он уложил Сарсенбая на свою арбу и, торопливо подхлёстывая лошадь, сам повёз в город к доктору.

Разве могли мы после такого события думать о чужих дынях? Вот и приходилось играть в альчики с утра до вечера.

Вы знаете, что такое альчики? Эта игра, я думаю, знакома всем мальчишкам на свете, только в разных местах она по-разному называется. Иногда альчики, говорят,

бывают деревянные, иногда это просто бараньи косточки, как у нас, но из любых можно составить замысловатые фигуры – попробуй сбей одним ударом! Если не подведёт рука, альчиком можно опрокинуть сооружение и выиграть другой альчик, можно даже перевернуть монету.

...В тот день я то и дело поглядывал на солнце, боялся опоздать к обеду. Близился полдень, но мог ли я уйти, если проиграл полный карман альчиков? Вот я поставил последний альчик, который приберёг к концу игры. Если и его проиграю, всё пропало. Но, на счастье, я выиграл.

Мне хотелось вопить, кувыркаться, но вместо этого я стал сдержанно подбирать разбросанные альчики, мои альчики. Я не заметил, что все мальчишки вдруг бросились врассыпную.

– Привет джигиту, – сказал кто-то у меня над головой, и на землю легла длинная тень.

Я вздрогнул от звука незнакомого голоса и выпрямился.

Передо мной стоял чужой человек, без шапки, с чёрными волосами, похожими на женские. Правда, они были у него короче и зачёсаны наверх, но я привык видеть мужчин только бритыми и непременно в головном уборе.

Чужой человек разглядывал меня с улыбкой. То ли улыбка его мне понравилась, то ли я хотел скрыть свою растерянность, но я тоже расплылся в улыбке.

Так мы и стояли друг против друга, пока он не сказал, поправляя рукой на шее какую-то узорчатую ткань, отделявшую ворот белой рубашки от тёмной верхней одежды (лишь много позже я узнал, что вещь эта называется шарф):

– А ты, оказывается, батыр.

Я не понял, почему он назвал меня батыром (это значит богатырём, героем). Но, оглядевшись, я заметил, что всех мальчишек будто вихрем унесло неведомо куда. И тут я, кажется, сообразил...

Я ещё не говорил, что мы, хотя и гоняли с утра до вечера по улице, тоже считались учениками. Учителем нашим был мулла Дуйсен. Вы думаете, мы учились грамоте или каким-нибудь там наукам? Ничего подобного. Просто по просьбе наших родителей мулла, освободившись к вечеру от своих важных дел, собирал нас иногда в землянке позади своего дома, зажигал две коптилки и читал монотонно толстую растрёпанную книгу. Листы у книги были жёлтые-прежёлтые, точно она много недель мокла под дождём. Мы дремали, чихали от копоти, но должны были заучивать и повторять мудрёные непонятные слова.

Так не этот ли самый свирепый мугаллим – учитель – стоял сейчас передо мной? Появление чужого человека – событие в наших краях.

Вот он сделал шаг вперёд и протянул руку – наверно, примеривался, куда лучше ударить. Я зажмурился и попятился. Он снова шагнул вперёд. Я снова попятился.

– Остановись и отряхни рубашку, – строго сказал он.

Какая уж тут рубашка! Не решаясь открыть глаза, я кинулся бежать, но тут же попал в его цепкие руки. Он не выпускал меня и сам стал отряхивать мою рубашку. Мне хотелось закричать, и в то же время я надеялся, что он не замечает моего страха. Прикрыв глаза, я ждал: вот сейчас отряхнёт рубаху и ка-ак даст!

– Почему разбежались ребята? – вдруг спросил он, отпустив меня.

– Не знаю, – ответил я едва слышно.

Он посмотрел на дорогу, на раскиданные альчики, быстро собрал их и протянул мне:

– Возьми, альчики нужно беречь.

Я робко взял у него альчики.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Я боялся назвать своё имя, но и врать считал постыдным для мужчины, поэтому пробормотал как можно неразборчивее:

– Турдымурат.

Но этот коварный человек сразу расслышал.

– Ну вот, Турдымурат, зови своих друзей и продолжайте игру. Только старайся так не пачкаться, ты ведь уже батыр. До скорой встречи!

Аулсовет – название местного органа власти.

И он направился прямо к зданию аулсовета. Теперь мне захотелось получше разглядеть его, я даже руку приставил к глазам и поднялся на носки. Он обернулся, поднял правую руку и потряс ею в воздухе. Что это означало? Неужто он показывал кулак, давая понять, что уж завтра-то со мной расправится? Мы ведь с ребятами тоже так: если кого не можем проучить сразу, то, отбежав на порядочное расстояние, всегда показываем кулак – мол, жди и помни.

Снова вспомнились угрозы муллы, и сердце моё заныло. Зачем только я назвал своё имя?

С трудом передвигая отяжелевшие ноги, я поплёлся домой, но тут меня со всех сторон окружили ребята.

– Что тебе сказал учитель? – заговорили они разом.

Я вздрогнул. Так это в самом деле был он?

– Когда учитель подошёл, ты не боялся, а теперь весь трясёшься, – засмеялся Сайып.

Я озлился: какое он имеет право подшучивать, если сам первый струсил? Но, не в силах ничего ответить, я молча продолжал свой путь. Я даже не смог обернуться и погрозить им кулаком, когда они, возбуждённо переговариваясь, отстали от меня.

2

Всю ночь мы с отцом караулили дыни и вернулись домой с рассветом. Не знаю, долго ли я спал, но проснулся оттого, что мать сильно трясла меня за плечи:

– Вставай, Турдымурат, вставай!

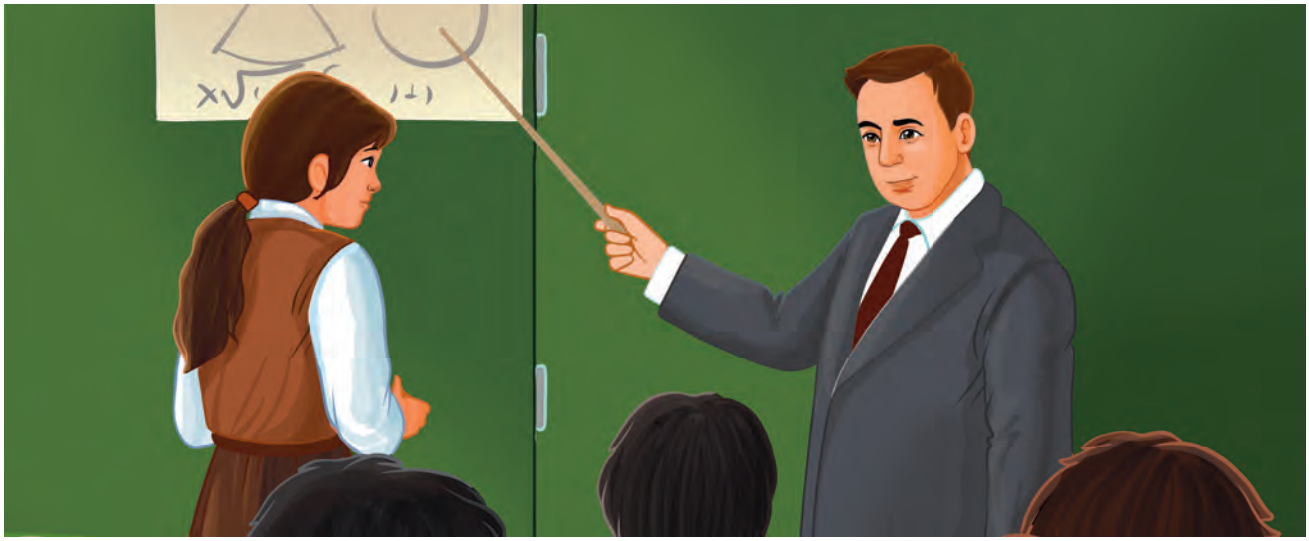
Она никогда меня так не будила. Я решил, что начался пожар, и вскочил на ноги.

– Живее лезь за сундук, – говорила она, поспешно свёртывая мою постель.

– Зачем? – удивился я.

– Прячься быстрее, бедняжка мой, – всхлипнула мать. – Сюда идёт учитель.

И я мгновенно вспомнил, как вчера учитель показывал мне кулак. Дома я про это не рассказал. Но если он не собирается меня бить, для чего он идёт сюда? Эх, зря я назвал своё имя.

– Всё равно он знает, как меня зовут, – сказал я упавшим голосом. Мать и отец не слушали.

Мать дрожащими руками срывала с сундука ковровые мешки, в которых хранилась одежда. Отец поднял меня, уложил на сундук, а мать набросала сверху мешки и одеяла. Стало тяжко дышать. В плечо мне упиралась решётка юрты, сверху давил груз. Во всё горло я закричал, что задыхаюсь, но голос глохнул в мешках и одеялах. Видимо, всё же отец расслышал моё невнятное бормотание и приоткрыл мне лицо. Стало чуточку легче.

Мать взяла в руки веретено и уселась у очага. Отец достал из ящика молоток и клещи, вдел дратву в кривую сапожную иглу и начал ковыряться в старых кожаных галошах.

Мне всё было видно. Отец и мать с улыбкой переглядывались.

Немного погодя в юрту, пригнувшись, вошли аксакал – председатель нашего аулсовета – и человек, которого я видел вчера. Отец хотя и поздоровался с ними за руку, но, видимо, не считал их желанными гостями и не уступил места возле себя на толстой тёплой кошме, которая устилала часть земляного пола. Он лишь немного подвинулся, чтобы они могли присесть на корточки у двери. Мать глянула в мою сторону и украдкой прижала к губам ладонь – давала мне понять, чтобы я не проронил ни звука. Я и без того лежал недвижно, как раздавленный.

– Где ваш сын? – спросил аксакал.

Он обратился к отцу, но мать быстро ответила:

– Ушёл к старшей сестре.

Учитель – теперь у меня уже не оставалось сомнений, что это он, – достал из кармана карандаш, бумагу и спросил:

– Давно ушёл?

– Третий день.

– А как зовут вашего сына?

Тут мне стало ещё хуже. Если мать назовёт моё имя, учитель сразу поймёт, что я никуда не уходил. Уж лучше бы он избил меня, что ли, чем так вот прятаться. Я досадливо заёрзал, и одно одеяло сползло с меня прямо на ногу аксакалу, который сидел на корточках возле сундука.

– Бас! – с притворным изумлением воскликнула мать. Она поднялась и снова набросила на меня одеяло. Я боялся, что теперь высунутся мои ноги. Да и учитель как-то уж очень пристально смотрел в мою сторону, и в его узких чёрных глазах прыгали не то весёлые, не то злые искорки. Чтобы убрать ноги, я подтянул их к животу, и тут все мешки и все одеяла, покрывавшие меня, рухнули на пол. Хуже и не придумаешь.

Я не мог больше лежать на сундуке, встал и поздоровался с гостями. У матери оборвалась нитка на веретене. Отец от злости и отчаяния чуть не стукнул себя молотком по лбу.

– Турдымурат, мы очень рады, что ты вернулся, – сказал учитель, улыбаясь, и лукавые искорки снова запрыгали в его глазах. Он поднялся, погладил меня по голове. – Разве джигиты прячутся? Это удел трусов, а ты вчера показался мне храбрецом. Сколько тебе лет?

– Двенадцать, – ответил я шёпотом.

– Ты хочешь учиться?

Не зная, что ответить, я взглянул сперва на отца, потом на мать. Они подмигивали и делали знаки, чтобы я ответил: «Нет, не хочу».

– От кого ты ждёшь ответа? – обратился ко мне аксакал и тоже поднялся, большой и грузный.

А учитель, точно влезая в мою душу, сказал:

– Ведь это так радостно – узнавать новое.

И я, неожиданно для себя самого, ответил:

– Да, учитель, я хочу учиться.

Мать и отец смотрели на меня с изумлением, однако до ухода учителя и аксакала не стали браниться.

– Он наш единственный сын, оставь его в покое, брат, – тихо сказал отец записывавшему что-то учителю.

– Мы старимся, не отнимайте у нас последнюю опору, – умоляюще твердила мать.

– Мы и не думаем забирать его, – сказал аксакал. – Просто он будет теперь учиться в конфискованном доме Шуленбая.

– Турдымурат, значит, ты завтра утром придёшь в школу? Ты обещаешь? – спросил учитель, пытливо глядя на меня. Взгляд его стал таким тревожным и неуверенным, что я подивился про себя.

– Приду. Обещаю, – ответил я быстро.

И они оба ушли, не задерживаясь.

Обсудим вместе

Вспомните, в каких произведениях литературы вам уже приходилось знакомиться с учителем?

Домашнее задание

Найдите информацию об иронии в художественном произведении. Подтвердите примером из повести.

Читаем продолжение произведения

3

Ох и досталось мне после ухода учителя!

– Чего тебе не лежалось? Зачем ты сказал, что пойдёшь в школу? Ты хочешь сделать нас грешниками? Ты хочешь учиться на русском языке?

В первые минуты я не возражал отцу и матери. Ведь им тяжелее, чем мне: я опасаюсь только побоев, а они боятся потерять вечное блаженство на небе для всех нас. Но слова «учиться на русском языке» задели меня. Это же неправда. Разве учитель не такой же каракалпак?

– Он русский, – сердито оборвала мать. – У него длинные волосы.

Они говорили и говорили, ссорились между собой, обвиняя один другого. Я воспользовался случаем и улизнул из дому.

Я помчался к своим друзьям – Сайыпу, Кунназару, потом – к Айтмурату, но никого не оказалось дома, а родители их лишь загадочно пожимали плечами.

Наверно, всё же мулла говорил правду, иначе ребята не прятались бы от учителя. С трудом мне удалось выведать, что они скрываются где-то в лесу. Родные потихоньку носят им туда поесть.

Мне снова стало страшно.

На следующее утро я вскочил с постели раньше всех, хотя обычно поднимался лишь после того, как домашние заканчивали чаепитие. Моё раннее пробуждение не понравилось матери.

– Что с тобой стряслось? – хмуро спросила она.

А меня тревожило обещание, данное вчера учителю. Раз я обещал, что приду в школу, значит, должен идти. Ладно, пусть он бьёт меня, если ему так уж это нужно. Однако в глубине души я уже почти был убеждён, что человек, который отряхивал пыль с моей рубашки, собирал мои альчики и так приветливо говорил со мной, не станет меня бить.

Отец, вернувшийся под утро с огорода, громко храпел.

– Я иду в школу, – ответил я матери.

Она одной рукой ухватила меня за подол рубахи, а другой начала расталкивать отца. Но тут молоко, которое она кипятила, подняло крышку висевшего над очагом котла и с сердитым шипением выплеснулось в огонь. Мать выпустила мою рубаху и бросилась к котлу, а я, не попив молока и даже не умывшись, помчался в школу.

Дом Шуленбая, заново побелённый, так и сверкал на солнце. Учитель, в лёгкой рубашке без рукавов (тогда я ещё не знал, что она называется майкой), стоял во дворе. Заметив меня, он вошёл в дом, надел рубашку с длинными рукавами и через минуту уже выходил мне навстречу.

А вокруг царила тишина. Даже звонкоголосые ласточки перекликались несмело и осторожно. Оказывается, кроме меня, ещё никто не пришёл в школу.

Я удивлённо разглядывал обновлённый дом, делая вид, что не замечаю учителя.

– Доброе утро, Турдымурат, – сказал он и протянул мне руку.

Хотя я видел учителя дважды, но за руку с ним ещё не здоровался. Соединив обе руки, я сунул их в широкие ладони учителя. Иногда именно так – по всем правилам вежливости – я здоровался с муллой Дуйсеном. Пальцы учителя показались мне гладкими, как вышедшая из-под воды молодая поросль камыша, и твёрдыми, точно сталь клинка.

– Дома тебе не влетело? – спросил он тихо, сжимая мои руки.

Я промолчал.

Он оглядел меня с головы до ног. Ну и хорош, наверно, я был в ту минуту! Ноги босые и чёрные, как вороньи лапы, руки грязные, с давно не стриженными ногтями. Вдобавок ко всему я был не умыт и не причёсан.

– Давай-ка умоемся, – сказал учитель. Я растерялся.

Он вошёл в дом и вынес большой медный кувшин.

– Вот, у меня как раз осталась тёплая вода.

Я хотел взять кувшин, но он отвёл мою руку:

– Ничего, я полью, умывайся.

Я решил, что он боится доверить кувшин моим грязным рукам, но именно в эту минуту он отдал мне кувшин, снова бросился в дом и появился оттуда с куском розового мыла и полотенцем.

Я вертел мыло в руках, не зная, что с ним делать. Потом, по совету учителя, стал натирать им шею и голову. Учитель поливал мою голову тёплой водой. В глаза мне попало едкое мыло, но я крепился и молчал.

– Скорее смывай мыло, глаза будет щипать, – выручил меня учитель.

После умывания учитель сам досуха вытер мне лицо и голову, привёл в свою комнату и велел поглядеться в зеркало.

Ох, как я понравился самому себе! Ведь это был именно я – черноглазый, круглолицый, с широкой грудью. Подбородок у меня немного коротковат, а то я, наверно, был бы просто красавцем. Глядя в зеркало, я даже улыбнулся от удовольствия. Ещё никогда я не видел себя таким молодцом.

Мать тоже, случалось, подводила меня к зеркалу, но лишь для того, чтобы показать, какой я грязный, и заставить меня умыться. Но я признавал умывание лишь по утрам и всякий раз старался улизнуть от матери.

Теперь я окончательно убедился, что учитель не собирается меня бить. Даже вихры мне он пригладил своей расчёской. Уже ничего не утаивая, я рассказал о своих страхах и сегодняшнем бегстве.

А после мы вместе уселись пить чай. Он усадил меня повыше себя, как усаживают у нас почётных гостей.

Выйдя после чая во двор, мы увидели ещё троих мальчиков, которые, разинув рты, разглядывали школу. Я их не знал – они пришли из соседнего аула. Учитель поздоровался с ними, как давеча со мной. И все вместе мы вошли в здание школы.

– Вы будете учиться в этом классе, – сказал учитель, открывая дверь одной из комнат.

На полу были разостланы камышовые циновки. Раньше в этом доме жил богач Шуленбай; в те времена не только мы, но и наши отцы с опаской обходили этот дом. А теперь тут – наш класс!

– Пока что вам придётся сидеть на полу, – сказал учитель. – Писать будете вон на той доске.

Мы разглядывали чёрную доску, светлые, в солнечных пятнах стены, жёлто-зелёные циновки. А потом пришла незнакомая женщина и позвала нас. В другой комнате была разостлана на полу большая скатерть, а на скатерти вкусно дымилось несколько мисок. Удивленно переглядываясь, мы чинно расселись на корточках вокруг скатерти. Учитель тоже взял миску, и все вместе мы принялись за еду. Мне показалось это похожим на поминки, и я невольно вспомнил про хозяина этого дома – свирепого, богатого и жадного Шуленбая.

Но учитель сказал:

– Теперь, ребята, вы каждое утро будете завтракать в школе.

А когда мы снова вернулись в класс, учитель всё-таки помянул Шуленбая. По его словам, и мой отец повидал много горя из-за этого человека. Отец никогда не рассказывал об этом, лишь мрачнел при имени Шуленбая, и меня удивило, что учитель знает о моём отце больше, чем я. Закончив свой рассказ, учитель шутливо сказал, что, оказывается, наши отцы всё же не зря своими руками построили этот большой светлый дом...

– Учитель, – спросил мальчик, сидевший рядом со мной, – как вас зовут?

– Моё имя – Менлимурат.

– А вас можно звать Менлимурат-мугаллим? – спросил другой мальчик.

– Можете называть меня просто Менлимурат-ага, дядя Менлимурат, – ответил учитель, раздавая нам бумагу и карандаши.

4

В нашем ауле жил мастер по имени Сержен. Он делал арбы, оконные рамы, двери. И вот дня через два Менлимурат-ага повёл нас к нему.

Мы увидели ряды скамеек, таких самых, какие стоят в комнатах аулсовета.

Подняв вдвоём по скамейке, мы понесли их к школе. Там скамейки были расставлены по указанию учителя, и мы расселись на них, будто ласточки на верёвке. Ещё ни разу в жизни я не сидел на скамейке: я привык, что у нас все едят и беседуют, сидя на ковре, кошме или просто на земляном полу.

И вот, должно быть, с непривычки у меня вскоре до того разболелась спина, что я готов был захныкать. Не мне одному приходилось так плохо. Мальчик из соседнего аула, в ярко расшитой тюбетейке, вдруг слез со скамьи и присел возле неё на корточки.

– Что с тобой? – встревожился Менлимурат-ага.

– Спину больно, – сморщившись, ответил мальчик. Мы стали смеяться, но ещё несколько человек, в том числе и я, сползли со скамеек.

Когда мы устали писать палочки, из которых позже сможем составлять буквы, учитель стал рассказывать нам, как много пользы может принести людям и обществу учёный, знающий человек. Я не понял, что означает слово «общество», но боялся прервать учителя вопросом. Другие ребята тоже молчали, будто у них языки отнялись.

– А где же остальные? – живо спросил учитель.

– Прячутся в лесу.

– Их много?

– Ну да, там и девочки есть, – сказал я и тут же устыдился. А что, если ребята начнут всем рассказывать, как я выдал своих товарищей?

– Кто меня поведёт в лес? – спросил учитель, пристально оглядывая класс.

Я молчал. Довольно и того, что я начал этот разговор. Конечно, теперь на меня будут указывать пальцем и говорить: «Не доверяйте ему: предаст!»

Хотя Менлимурат-ага смотрел на всех, мне показалось, что именно на мои плечи ложится вся тяжесть такой помощи. Я ниже и ниже опускал голову.

– Кого вы боитесь, ребята?

– Да они же нас отлупят, – вдруг сказал один мальчик.

И я сразу поднял голову:

– Мы вас поведём, только близко подходить не будем.

– Надо быть мужественнее, – покачал головой учитель.

В классе было очень тихо, и в этой тишине прозвучали слова учителя:

– А вы боитесь разыскать в лесу своих товарищей и привести их в школу. Неужели я позволю вас бить? Поднимите руку, кто завтра пойдёт со мной...

Я оглянулся на ребят, увидел, что многие подняли руки, и тоже поднял свою. Учитель кивнул мне и улыбнулся.

Обсудим вместе

Почему родители не хотели отдавать мальчика в новую школу?

Домашнее задание

Как вы понимаете выражение: «Учитель формирует будущее»? Напишите небольшое эссе на эту тему.

Читаем продолжение произведения

5

Прямо за нашим аулом начинался настоящий лес. Лишь берега озера – там, где не рос камыш, – оставались голыми и потрескавшимися, и земля далее поблёскивала, точно её тщательно подмели.

Мы с учителем продирались сквозь камыши, потом через густой кустарник, пока не добрались до лесной чащи. Мы были вдвоём, остальные ребята не решились прийти, хотя и обещали.

Менлимурат-ага неуверенно оглядывался – видно, он совсем не знал наших мест. Зато мне они были знакомы как пять пальцев. Иногда учитель останавливался – казалось, хотел получше запомнить дорогу. Я с гордостью выполнял обязанности проводника.

Я уже привык к учителю и не боялся задавать ему вопросы. И поэтому я задал главный вопрос, который давно уже меня тревожил:

– Сколько лет вы учились, ага?

Он усмехнулся.

– Десять лет назад, когда я остался сиротой...

– Так вы сирота?

Эти слова вырвались у меня невольно, я вовсе не хотел перебивать его. Но он казался мне таким жизнерадостным, сильным, счастливым, и вдруг – сирота!

– Да, – сказал учитель, – мои бедные родители рано меня покинули. Отец утонул, спасая овец своего хозяина, а мать вскоре умерла от малярии. Ведь там, где нет лекарств, эта болезнь страшнее чахотки.

Я молчал, боясь снова перебить его, и он стал говорить о том, что, наверно, постоянно его мучило: если бы тогда можно было достать лекарство, мать осталась бы жива. В те дни у осиротевшего мальчика зародилась мечта учиться, выучиться на доктора, безотказно помогать людям. Но это была мечта, а судьбу приходилось благодарить и за то, что горластый торговец рыбой, жаривший её прямо посреди улицы, нанял Менлимурата истопником.

А уже через несколько дней Менлимурат оказался в интернате и получил возможность учиться, чтобы потом помогать людям. Только теперь он избрал профессию учителя.

– В интернате я учился пять лет. Меня тогда хотели послать учителем, но я побоялся. После я ещё столько же учился в Ташкенте...

Ничего себе! Если бы Менлимурат-ага оставил дома грудного сынка, то нашёл бы его уже большим, как герой наших сказаний Жадигер своего сына Алпамыса. Нет, я надеялся стать образованным года за три.

А что такое Ташкент – город или школа? Город представлялся мне множеством домов, тесно прижавшихся друг к другу. Дедушка Есемурат рассказывал однажды, что человек может потеряться, подобно песчинке, среди этих домов. Но учитель говорил сейчас о Ташкенте совсем иначе, и мне тоже захотелось попасть в этот большой, мудрый и добрый город.

Я задал ещё один вопрос, который считал очень для себя важным:

– Сколько книг вы прочитали, ага?

– О-о... – Тут он замялся. – Пока что немного – наверно, несколько десятков.

У меня дух захватило. Несколько десятков! Мулла когда-то с гордостью сообщил нам, что прочитал за свою жизнь пять толстых книг. Я сам надеялся к концу года одолеть букварь. А учитель считает, что несколько десятков – это совсем немного. И всё же было тут нечто удивительное: пять книг муллы казались нам тогда чем-то неодолимым, а десятки книг учителя манили к себе, точно добрые друзья. Да и вообще, когда мы слушали муллу, мир представлялся нам злым и жестоким, населённым коварными, нечестными людьми. А слушая учителя, мы убеждались, что человек могуч, великодушен, прекрасен. Нам хотелось познакомиться со всеми, о ком он рассказывал. Наверно, если бы эти замечательные рассказы послушали мои друзья, они больше не прятались бы от учителя в лесу.

Я растерялся и молча пошёл вперёд. И вдруг я увидел мальчишек! Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, на куче сложенной кем-то мякины. Я глядел на них, они на меня. Бежать им было поздно, и они только теснее прижимались один к другому, словно птенцы в гнезде.

– Ты позовёшь их? – отступив назад, тихо спросил учитель.

– Сказать, что вы зовёте?

– Не надо. Кажется, они меня не заметили.

Айтмурат, Сайып, Кунназар всё так же сидели рядышком и таращили на меня глаза, когда я подошёл к ним. Казалось, они глазам своим не верили, что это именно я, но потом сорвались с места и окружили меня, точно отца, вернувшегося с базара. Мы все были рады встрече.

– Говорят, учитель насильно увёл тебя в школу? – заговорили они наперебой. – Он бил тебя? Крепко? А ты сбежал и пришёл к нам, да? Он намного хуже муллы Дуйсена?

– Погодите, – сказал я, не зная, кому раньше отвечать. – Вопросы нужно задавать поочерёдно.

Возможно, я повысил голос, говоря это. Или, вернее, мы слишком хорошо знали друг друга, поэтому сразу замечали новое.

– Где ты научился так говорить? – изумлённо спросил Кунназар.

Я не мог врать лучшим своим друзьям. Что бы ни случилось дальше, я хотел говорить только правду. И я стал рассказывать о первом приходе учителя, о том, как я неудачно прятался.

И тут я увидел учителя.

Раздвигая кусты смуглыми руками, в светлой рубашке с закатанными рукавами, он легко шёл нам навстречу. Лицо его было радостным, точно он торопился к друзьям.

– Так это он и есть? – недоверчиво спросил Айтмурат, будто ожидал появления чудовища, а не человека.

Менлимурат-ага подошёл совсем близко и весело и дружелюбно поздоровался:

– Салям вам, ребята!

Ребята сдержанно поклонились учителю, и каждый почтительно вложил сомкнутые ладони в его протянутые навстречу руки.

А когда мы все вместе шли обратно и ребята поочерёдно задавали учителю самые разные вопросы, я почувствовал, что он украдкой благодарно пожал мою руку. Несмотря на жару, его рука была очень холодна. Нелегко, видно, дался ему сегодняшний день!

7

Учеников в нашем классе становилось всё больше. Никто уже не вспоминал «уроков» муллы. Правда, странным казалось, что девчонки учатся вместе с нами. Лично я не слишком их уважал. Начать хотя бы с того, что они всё замечают, любую мелочь: выспался ты или нет, умылся или не успел, как ты ходишь, какие у тебя тетради. Только и следи за собой, а то насмешек не оберёшься.

А класс наш, высокий, с белыми, как самая белая бумага, стенами, становился всё красивее. На окнах появились цветы – это мы их вырастили; скамейки выстроились ровными рядами – мы уже не уставали сидеть на них.

Перед каждой скамейкой стоит другая, поменьше. Туда мы кладём книги, тетради, карандаши. Менлимурат-ага, проходя между рядами, проверяет наши тетради. Сначала мы только учились читать и писать, слушали рассказы учителя. Потом Менлимурат-ага ввёл одно новшество: стал проверять, кто из нас приходит в школу грязным, у кого запущены тетради, порваны книги. Ведь теперь каждый из нас стал владельцем двух книг – учебников. Провинившихся Менлимурат-ага стыдил перед всем классом. И по-прежнему в свободные минуты он рассказывал нам истории, которых знал великое множество.

Один раз Менлимурат-ага сказал нам:

– Знаете ли вы, ребята, что такое настоящее единство? Там, где есть единство, не может быть врага, которого не удалось бы победить. Недаром наши предки говорили: «Если шесть человек враждуют друг с другом – у них ребёнок пищу вынет изо рта, а если четверо дружны – они поднимут самый тяжёлый груз».

Мы всегда слушали учителя разинув рты и лишь после начинали догадываться, к чему он ведёт речь.

– Нет, я не должен всё время напоминать об одном и том же, – возразил учитель. – Вам придётся самим выбрать старосту и санитарную комиссию. Они будут следить за порядком, а вы слушайтесь их, чтобы мне не приходилось в это вмешиваться.

Ребята стали шептаться. Учитель уже предложил нам однажды выбрать старосту, но в тот раз мы так и не договорились ни о чём: каждый предлагал в старосты своего ближайшего товарища. Менлимурат-ага слушал наши споры молча, а потом даже не напоминал об этом случае. И вот сегодня...

– Кунназара! – крикнул Сайып.

– Подумаешь, другие не хуже! – завопил со своего места Турдыбай, и не трудно было догадаться, кого он подразумевал под этими «другими».

Но тут поднял руку Кунназар. Он был у нас самый серьёзный – сначала хорошенько подумает, а потом скажет, да и руку поднимал реже других.

Ребята притихли.

– Я предлагаю выбрать руководителем санитарной комиссии Гулай, – сказал Кунназар.

– Чем она лучше других? – крикнул Турдыбай.

– Она аккуратная.

Мы стали разглядывать покрасневшую Гулай и, пожалуй, впервые заметили, какая она чистенькая, как тщательно – волосок к волоску – заплетены её блестящие тонкие косички. Перед ней лежали ровной стопочкой тетради и книги, в раскрытой тетрадке не было ни единой кляксы.

– А в старосты я предлагаю Турдымурата, – негромко сказал Кунназар.

Услышав такое, я едва не полетел со скамейки. Но получилось так, что я подпрыгнул и вскочил во весь рост.

Так мы получили должность: Гулай – руководителя санитарной комиссии, а я – старосты класса.

После уроков Менлимурат-ага задержал нас, начал объяснять, что нам придётся делать. Я ловил каждое его слово, а Гулай сидела опустив голову. Мне показалось, что она и радуется, и тревожится о чём-то. Потом я вспомнил, что у неё, кажется, тяжело болеет мать и ей приходится самой вести всё хозяйство.

– Главное, помните, что вы сами должны быть примером во всём, – сказал нам на прощание учитель.

8

Дома мне очень хотелось про сегодняшние события рассказать маме, но она гремела посудой и не глядела на меня. Мне показалось, что настроение у неё не очень хорошее. Кроме того, я боялся показаться хвастуном.

Приходя домой, я обычно сразу угадываю настроение отца или матери. Если отец чем-то недоволен, он становится совсем бледным и начинает придираться к матери из-за всякой чепухи, да и мне в таких случаях достаётся. Поэтому, прежде чем начать разговор, я всегда внимательно смотрю ему в лицо.

Зато сегодня отец вернулся с собрания сияющий. Он говорил самые обыкновенные слова, а усы его всё время топорщились, готовые раздвинуться в улыбке.

– Отец, – сказал я, обнимая его за шею, – я теперь староста класса.

– Что это такое – староста? – спросил он ласково.

– Руководитель всех ребят.

– Сынок, – сказал отец и сильными руками приподнял меня над полом, – ни деды наши, ни прадеды не получали никаких должностей. А я сегодня тоже стал звеньевым колхоза.

Звеньевой – руководитель звена в колхозе, то есть бригадир небольшой группы колхозников, работающих вместе на одном участке.

Отец опустил меня на пол, а сам, гордый и довольный, занял почётное место на кошме в ожидании ужина. Я, как взрослый, сел по правую руку от него. Конечно, именно такими вот гордыми должны быть люди, которые получили должность. А мать, гремя посудой, молча поглядывала на нас. В другие дни, когда она готовила ужин, я таскал ей хворост, помогал разжигать очаг, но ведь сегодня был совсем особенный день.

9

Пока происходили события, о которых я рассказывал, Сарсенбай всё ещё лежал в больнице. Мы часто справлялись о нём у муллы Дуйсена, но мулла ничего не отвечал. И вот до школы долетела весть о возвращении Сарсенбая.

После уроков Менлимурат-ага задержал нас:

– Ребята, не навестить ли нам Сарсенбая?

Я удивился: сам учитель хочет идти к больному мальчику, которого даже не видел ни разу. И мы все вместе отправились к Сарсенбаю.

Юрта муллы стояла в отдалении от остальных. Стояла она рядом с глинобитным домиком. Предки наши жили только в юртах – их было легко разобрать и перевезти на любое расстояние. Когда народ наш перестал вести кочевую жизнь, люди начали строить себе глинобитные дома, но и от старого, привычного жилья – юрты – не отказались. И получилось так, что юрта стала жилищем летним, а дом – зимним. Например, в нашей юрте уже осенью начинало дуть из всех щелей. Но юрту муллы покрывала большая мохнатая кошма – тут можно было жить до самых холодов.

Учитель вошёл в юрту, а мы остались во дворе…

Когда мы выходили из школы, холодный, пронизывающий ветер злобно захлопывал за каждым из нас дверь. Ребята были одеты в тёплые ватники и телогрейки, каждый старался закутаться получше. И лишь на Сарсенбае был старенький, порванный бешпент.

– Почему ты не оделся потеплее? – спросил я, остановив его.

Ребята нас окружили. А он уже никого не стеснялся и, всхлипывая, начал рассказывать.

Оказывается, на другой день после нашего прихода он хотел пойти в школу, но отец не пустил его. Чтобы Сарсенбай не удрал, мулла запер дверь и ушёл куда-то. Кричать было бесполезно – никто не услышит крика. Прошло много времени, но вот Сарсенбаю показалось, что кто-то остановился у двери. Потом шаги стали удаляться – ведь на двери висел замок. Тогда Сарсенбай громко кашлянул и услышал голос учителя, позвавшего его. Всё утро Сарсенбай проплакал; он так устал от слёз, что уже не мог отвечать на тревожные расспросы учителя. В это время во двор вошёл мулла. «Кто у вас в доме?» – строго спросил учитель. «Никого нет», – солгал мулла. «Там Сарсенбай», – сказал учитель. «Да, верно, – как будто припомнил мулла. – Он всё ещё болеет».

Сарсенбаю стало обидно, он не удержался и крикнул из-за двери: «Меня уже вылечили!» Дверь отворилась, и Сарсенбай кинулся бежать, но на пороге упал: отец утром сильно избил его. Учитель подхватил Сарсенбая, долго успокаивал.

– Я хочу пожаловаться на отца аксакалу, – закончил свой рассказ Сарсенбай.

– Что же ты скажешь? – спросили мы.

– Он нечестный, – с ненавистью сказал Сарсенбай. – Он всех бранит, всех поучает, а сам нечестный. Ты думаешь, я напоролся на острогу из-за своей жадности? Я никому не говорил, а это отец любит сладкие дыни. И ему всё равно, откуда они. Мы чужие ели, а свои сушили. Отец шутил, и получалось, что воровство – даже геройство. Я вас, друзей, обманывал, подменивал потихоньку ваши дыни. Если бы вы заметили, разве вы дружили бы со мной?

В голосе у него было такое отчаяние, что я осторожно погладил его по руке.

Эх, Сарсенбай, Сарсенбай, мы всегда это замечали, с самого первого раза, и прощали тебе, потому что во всём остальном ты был верным товарищем! Мы просто считали тебя сладкоежкой, вот и всё.

– И ты пожаловался? – с ужасом спросил Айтмурат.

– Нет ещё. Но отцу сказал, что пожалуюсь, если не будет пускать меня в школу. Теперь отец не ругает и не бьёт меня, но и не разговаривает. Увидит, сразу насупится. Даже не ест вместе со мной. Если бы мама была жива... Может быть, потом отец всё поймёт и полюбит меня?

Голос у Сарсенбая прервался. Не глядя друг на друга, мы зашагали по сырой, скользкой дороге.

Домашнее задание

Как описаны традиционные взгляды и обычаи в ауле каракалпаков? Запишите наиболее яркие из них, на ваш взгляд.

Читаем продолжение произведения

10

С каждым уроком мы всё лучше читали и писали. Теперь мы не только списывали с доски, а сами придумывали целые сочинения. Некоторые из таких сочинений называются письмами. Недавно сестра привезла мне письмо от Бекбая, который тоже учился в школе. Я надеялся в скором времени ему ответить (описать нашу жизнь и дела).

А вчера учитель велел нам написать дома сочинение, под названием «Зима». Просто удивительно, как он догадался! Когда мы сидели в школе, никакой зимы ещё не было, а к ночи небо затянуло серым туманом и рыхлый снег повалил хлопьями. Я долго стоял во дворе, смотрел на небо и на побелевшую от снега землю, чтобы потом всё это описать в своём сочинении и в письме Бекбаю. Даже утром я вскочил раньше всех. То есть это мне так показалось, что раньше.

Хотя было ещё совсем темно, мать возилась у очага, а постель отца оказалась пустой. Я решил, что отец расчищает снег вокруг дома и юрты, быстренько оделся и выбежал во двор. Но отца во дворе не оказалось.

– Где отец? – спросил я у матери.

– Ушёл на склад.

Я удивился. Что отцу делать ночью на складе? Он же не сторож.

– Зачем ушёл? – спросил я с испугом.

– Склад обокрали, – тяжело вздохнула мама. Она тоже вступила в колхоз и принимала близко к сердцу все колхозные дела. Нередко они спорили с отцом, и мне даже казалось, что мама правильнее разбирается во многих вещах.

Услышав мамин ответ, я прямо задрожал. Как же это мы ничего не знали, не замечали и позволили обокрасть наш склад! А ведь там хранилось зерно для колхозного сева, которое собирали у всех жителей аула. Самое лучшее, самое крупное, отборное зерно!..

И я помчался к складу.

Там уже собралось много народу. Склад был глиняным, и в одной стене оказался пролом. Председатель колхоза, учитель и ещё несколько человек осматривали пролом, другие обходили помещение склада. А в толпе стоял дедушка Есемурат в меховой шубе и шапке и поёживался, точно от холода. Ведь это он был колхозным сторожем.

Председатель колхоза, всё ещё разглядывая и ощупывая пролом, задавал старику вопросы и строго допытывался, куда он уходил со склада. Старик отвечал так тихо, что я придвинулся поближе.

– Когда выпал снег, я продрог и пошёл одеться потеплее, – жалобно отвечал Есемурат.

– Как ты мог уйти, народ доверил тебе своё добро! – волновался председатель.

– Разве я ожидал? Это так быстро произошло, – ещё тише сказал старик.

Слыша дрожащий голос старика, я жалел его, но, когда я начинал думать, что из-за него воры утащили зерно, мне казалось, что я его ненавижу.

– Вора не нужно далеко искать, – услышал я голос своего отца. – И Есемурат лучше нас это знает. Хитро придумано: снег, мол, занесёт следы – и поминай как звали.

– Да, да, – поддержал Сералы, отец Гулай. – Не мог он прозевать воров, врёт он всё.

Председатель колхоза и Менлимурат-ага молчали, холодно глядя на старика. Потом председатель сказал:

– Отведите его в контору.

Двое колхозников подошли к дедушке Есемурату. Старик совсем пал духом: точно признавая свою вину, он уронил голову на грудь и покорно пошёл за колхозниками в контору.

Люди стали расходиться. Оставшиеся мешки вынесли со склада, чтобы спрятать в конторе. Отец ушёл вслед за председателем; он меня даже не заметил, а я решил задержаться немного и получше всё разглядеть, чтобы потом подробно рассказать ребятам.

Воры пробили в стене такую огромную дыру, что человек мог свободно пройти через неё. Сунув туда голову, я понял, как они выволокли большие, тяжёлые мешки, и хотел было уйти, но вдруг заметил торчавшую из-под снега тряпку. Люди совсем затоптали её. Я потянул за конец и вытащил утерянный кем-то носовой платок – серый, с широкой синей каймой. Я спрятал его в карман, чтобы при случае вернуть хозяину. Конечно, я мог бы сразу крикнуть: «Кто забыл платок?» – но рядом уже никого не было.

11

Раньше мы понятия не имели, что такое носовой платок. Но однажды учитель повёл нас в лавку и подарил каждому по носовому платку. Оказывается, это удобная вещь! Измажешь щёку или руку чернилами, послюнявь платок, потри это место – и чернил как не бывало! Да и наша санитарная комиссия, Гулай, была очень довольна, стала меньше к нам придираться.

Сама она стирала свой платок, наверно, каждый день и во время урока раскладывала его перед собой на скамейке, точно скатерть.

В школе на первом же уроке Менлимурат-ага рассказал нам о краже на складе.

– Бывают люди, – сказал он, – которые прикидываются честными и хорошими, а мысли у них совсем другие. Понять таких людей подчас нелегко даже нам, взрослым...

– Жаль дедушку Есемурата, – сказал Сарсенбай.

– Нет, он виноват, – сурово возразил учитель. – Если и не участвовал в краже, виноват: помог ворам своей небрежностью.

Мы все внимательно слушали, кроме Гулай. Она грустно и задумчиво смотрела в окно. Её матери становилось день ото дня хуже. Приезжавший из города врач хотел забрать мать в больницу, но она ни за что не согласилась ехать и сказала, что умрёт дома. Гулай иногда не приходила в школу и стала такая колючая, что с ней трудно было говорить.

– Эй, староста, – крикнула она мне на перемене, – убери-ка носовой платок! Ходишь с хвостом.

Я обиделся и посмотрел на свой карман. Оттуда торчал угол платка с синей каймой. Я запрятал платок поглубже, но обида на Гулай не проходила. Ведь она не Турдыбай, который мне завидует. Могла бы отозвать в сторонку и сказать, а не позорить меня перед всеми ребятами.

И снова мысли мои вернулись к платку. Кто его потерял? Почему он лежал под снегом? И вообще, кто из наших колхозников пользуется носовым платком? У отца и матери я в жизни платка не видел.

Хорошо, что учитель не вызвал меня в этот день, – я наверняка осрамился бы, потому что совсем не знал урока.

А после занятий меня остановила Гулай:

– Что это значит, Турдымурат?

Это она спросила уже не вслух, а шёпотом, отведя меня в сторонку.

Я пожал плечами. Мы вместе вышли из школы и шагали рядом по обочине дороги, увязая в липкой грязи.

– Турдымурат, – шепнула Гулай, – покажи-ка платок...

Глаза у неё были круглые и сердитые.

Из школы вышел Сарсенбай и направился к нам. Гулай оттащила меня за руку подальше, и Сарсенбай остановился, удивлённый.

– Прячетесь? – крикнул он издали. – Я и без вас всё знаю. Хотел сказать, а теперь не скажу! – И Сарсенбай убежал.

– Вынь платок, – приказала Гулай.

Не понимая, в чём дело, я на всякий случай вытащил из другого кармана свой платок и протянул ей. Это был уже не тот платок, что подарил учитель, а новый, в ярких разводах. Его привёз из города отец. Я держал платок в руке, ветер надувал его, и красные, жёлтые, зелёные полоски шевелились как живые.

– Не тот! – возмущённо крикнула Гулай.

Она сунула руку в мой карман и вытащила оттуда большой, серый от грязи платок с синей каймой.

– Где ты взял его?

Какое дело этой девчонке, где я взял платок? Хозяин и без неё найдётся, а она способна что хочешь выдумать, я вижу это по её лицу.

И я сказал как можно спокойнее:

– Оба платка мои.

– Ну что ты выдумываешь? – Она даже засмеялась. – Вы и один-то умудряетесь забыть.

– Теперь у меня два, – настаивал я. – Один для рук, другой для лица.

– Да? – спросила она, взгляд её снова стал сердитым и недоверчивым. – Лучше бы ты сочинил, что получил подарок от муллы Дуйсена.

– От муллы Дуйсена? – изумился я. – При чём тут мулла?

– Турдымурат, неужели ты мог стащить у Сарсенбая платок?

– Я нашёл его! – вырвалось у меня.

И тут я рассказал ей всю правду: что хотел вернуть платок хозяину сразу, но не смог этого сделать. Сказал и о своих сомнениях.

– Это платок муллы Дуйсена, – уверенно сказала Гулай. – Я его узнала сразу, когда он торчал из твоего кармана. Таких платков больше ни у кого нет. А я видела, как мулла им утирался, когда пил у нас чай.

Мулла раньше приходил и к нам, но я ни разу не заметил, утирает ли он пот с лица. Я подивился про себя наблюдательности Гулай, но вслух сказал:

– Чем ты это докажешь? А вдруг ты спутала?

– Ты пока никому не говори, – стала шептать Гулай, не меньше моего взволнованная. – Я сегодня проверю, есть ли у муллы платок. Он каждый день приходит к нам, всё обещает вылечить маму, – Гулай помрачнела и тяжело вздохнула. – Но, знаешь, я не верю ему. Мне кажется, злой человек не может принести добро в дом. Я непременно сегодня посмотрю, есть у него платок или нет.

– Как же ты посмотришь?

– Я заварю чай покрепче, когда буду угощать его. Ему станет жарко, и я увижу, чем он утирается.

Я всё больше изумлялся сообразительности Гулай.

Она побежала к своему дому, а я ещё долго смотрел ей вслед. Вот она какая, наша санитарная комиссия! А всегда казалась тихоней. Или, может, она в школе так изменилась и осмелела?

12

Отец с матерью были ещё в поле, когда ко мне прибежала Гулай. Я выуживал из котла холодные куски мяса, прежде чем приняться за уроки.

– Как дела? – спросила Гулай и умолкла, прислонившись к стене.

Весь её вид выражал скрытое торжество. Я понял, что она опасается посторонних, и вскочил с места, стараясь незаметно вытереть руки о рубашку.

– Дома никого нет, говори. Ты узнала?

– Мулла приходил к нам обедать...

– Ну, ну? – торопил я.

Гулай перешла на шёпот:

– Мулла выпил чаю, вспотел и стал обшаривать карманы. Представляешь, Турдымурат? Он обшарил карманы, не нашёл платка и даже растерялся. Я подала ему полотенце, иначе ручьи пота потекли бы в пиалу.

– Но как мог его платок очутиться у склада? – медленно произнёс я.

– Неужели ты ещё не понял? Значит, мулла обокрал склад. Мешки тяжёлые, ему стало жарко, он утёрся платком и обронил…

– Разве мы умнее старших? – поразмыслив, сказал я. – Ведь вором считают дедушку Есемурата.

Мы оба задумались. Гулай во все глаза смотрела на меня, будто ждала, что я сам отвечу на свой вопрос. Она стиснула указательными пальцами щёки и сидела бледная и невесёлая.

Но вот Гулай снова вскочила:

– Нет, дедушку Есемурата не все считают вором. Ты слышал, что говорил Менли-мурат-ага? Он виноват, но ворами могли быть и другие, на кого никто даже не думает.

Я предложил сразу пойти к учителю, к председателю колхоза и всё рассказать. Гулай удержала меня. Она напомнила мне мои собственные вчерашние слова. Где у нас доказательства? Всё похоже, всё сходится, но вдруг всё же платок потерял кто-нибудь другой?..

Удивительная девочка! Сама заставила меня поверить ей и теперь сама удерживала от решительного шага. Я пожал плечами и стал рассеянно перелистывать учебник арифметики. Когда не знаешь, как быть, лучше всего заняться чем-нибудь привычным, не вызывающим сомнений. Я решил взяться за уроки, но Гулай остановила мою руку, потянувшуюся за карандашом.

– Отнеси платок домой к мулле, слышишь? – опять зашептала она, а сама побледнела ещё сильнее. – Брось его у сарая и следи. Если мулла поднимет, всё будет ясно.

Вовсе не ясно! Кто в ауле не знал жадности нашего муллы? Ведь он жил только тем, что получал от других. Он способен и чужой платок спрятать в карман. Так я и объяснил Гулай.

– Это разные вещи, – покачала она головой. – Свой платок он поднимет не задумываясь. Сунет в карман, и всё. А брать чужой платок, да вдобавок грязный, любому противно. Чужой он возьмёт совсем иначе.

С этим нельзя было не согласиться.

– Сейчас отнесу, – сказал я и захлопнул учебник. Тут уж не до уроков.

– Нет, не сейчас. Он только что вышел от нас и отправился домой. Нужно дождаться, пока он снова отлучится из дому. Не показывайся даже Сарсенбаю, – говорила она очень серьёзно, заглядывая мне в глаза и всё ещё не выпуская моей руки.

Я кивал, соглашался, но, едва Гулай ушла, выскочил во двор и стал издали наблюдать за домом муллы, который был хорошо виден.

Долго я наблюдал, но не заметил ни муллы, ни Сарсенбая. Верно, мулла по пути домой завернул ещё к кому-нибудь, а Сарсенбай гулял. Я счёл момент подходящим, нащупал в кармане платок с синей каймой и отправился, пригибаясь и оглядываясь, к дому муллы. Не прошёл я и несколько шагов, как вспомнил про свирепую рыжую

собаку: из-за неё мы даже к Сарсенбаю боялись заходить. Ну ясно, стоит мне зайти во двор, как собака набросится на меня. Попробую прихватить лепёшек – ведь собака такая злющая оттого, что вечно сидит голодная. Если она увидит мою доброту, вряд ли она станет на меня кидаться. Я вернулся домой, взял две лепёшки и, совсем расхрабрившись, смело подошёл к дому муллы. Осторожно заглянув через плетень, я увидел пустой двор. Сарай, про который говорила Гулай, стоял в другом конце двора. Если кинуть платок отсюда, он не долетит. Может, завернуть в платок ком глины? Нет, тогда мулла заподозрит неладное. А если...

– Эй, малый, чего тебе тут надо?

Я обернулся и увидел муллу Дуйсена. С перепугу я чуть не выронил лепёшки. Рыжая собака появилась из глубины двора и тоже глядела на меня жёлтыми глазами, навострив уши, словно повторяла вопрос хозяина: «Ну, говори, говори, чего тебе тут надо?»

– Или мать снова испугалась? – спросил мулла, открывая калитку.

Вопрос был как нельзя кстати! Раньше нередко случалось, что моя мать, испугавшись чего-то во сне, платила мулле за избавление от всяких страхов. Он ведь был в нашем ауле не только муллой, но и доктором; только доктором необычным, вроде колдуна. Лекарств он никаких не давал, на больного обычно даже не смотрел, а просто бормотал про себя непонятные слова, плевался и после говорил, что всё пройдёт. Наверно, сейчас, заметив лепёшки, мулла решил, что меня послала мать.

– Да, отец, – солгал я. – Вот она просила вам передать.

– Небогато, – буркнул мулла и, забрав обе лепёшки, вошёл в юрту.

Я последовал за ним.

– А чаю, сахару она не прислала? – спросил мулла уже в юрте.

– У нас чай кончился, сахар тоже, – соврал я поспешно, а на душе скребли кошки: ну и достанется мне, если мать узнает про мою выдумку! Она давно уже не вспоминала ни муллу, ни ночные страхи, а если и вспоминала, то посмеиваясь сама над собой.

– Портится народ, портится, – бормотал мулла, а сам поплёвывал в сторону, точно с досады. – Ну, ступай, скажи матери: через два дня всё пройдёт.

Что мне было делать дальше? Если собака накинется на меня, мне нечем задобрить её. Попросить муллу проводить меня до калитки – я не смогу подбросить платок. Будь что будет! Я вышел из юрты, юркнул к сараю, но там, как назло, положив морду между вытянутыми лапами, дремала собака. Я шарахнулся назад.

– Эй ты, шельма, чего слоняешься по двору? – крикнул мулла, показавшийся на пороге юрты.

– Собаки боюсь, ата... – захныкал я. – Собака у вас очень злая.

Мулла одобрительно хмыкнул, взял хворостину и пошёл впереди меня к калитке. Зажмурившись, я швырнул к дверям сарая скомканный платок. Он упал как раз там, куда я метил. Прошмыгнув под рукой муллы, отворявшего калитку, я почался домой.

Ата – отец, почтительное обращение к старшему.

Обсудим вместе

Как меняется сознание детей в повести? Какие качества проявляются у них в самый ответственный момент?

Домашнее задание

Нарисуйте иллюстрацию к эпизоду, который тронул вас больше всего.

Читаем продолжение произведения

13

Когда отец Гулай – долговязый Сералы – заходил к нам, он вечно подшучивал над моей матерью, называл её то сестрёнкой, то невестушкой. В такие минуты он казался мне добряком. Шутил он и со мной, но чаще всего я не мог разгадать, добрые эти шутки или злые.

А один раз я совсем растерялся. Сералы зашёл к нам попросить о чём-то отца, всё время шутил и насмешил нас с матерью до слёз. Потом отец проводил его, а вернувшись, покачал головой: «Худо приходится бедняге...» Я сперва подумал, что Сералы жаловался отцу во дворе, но сообразил, что, когда глядел на них в окно, они друг другу ни слова не сказали. Только у калитки отец ободряюще пожал руку гостя обеими руками.

Мать, соглашаясь с отцом, всё ещё вытирала слёзы, которые от смеха выступили на глазах. А я-то и не знал, что под шуткой некоторые люди могут прятать беду, одиночество или усталость!..

Подбросив мулле платок, я вернулся домой, кое-как сделал уроки, а после отправился к Гулай рассказать обо всём. Хотя за мной никто не следил, я, как заправский юный разведчик, выбрал обходный путь. Наконец я добрался до их дома, постучался, вошёл и... увидел муллу Дуйсена. Он восседал на мохнатой кошме рядом с отцом Гулай и прихлёбывал из пиалы горячий чай.

Неужто Сералы поверил, что мулла без всяких лекарств вылечит его жену? Я слышал, как она жалобно охала, стонала и бормотала что-то за цветастой занавеской. Это, конечно, не моё дело, но я твёрдо знаю, что между Сералы и муллой раньше не было такой дружбы. Однажды я сам видел, как они дрались.

Это было давно, жарким летом; тогда у нас ещё не прорыли канала, и Сералы обвинял муллу, что тот забрал слишком много воды на свой огород. Небольшие арыки должны были напоить все поля и огороды. Воду даже запирали на замок, а потом пускали осторожно, чтобы её хватило на всех, ровно столько, сколько нужно земле и каждому растению.

Только жадный, нечестный человек мог обманывать других. Поэтому, когда Сералы дрался с тощим, жилистым муллой, никто не вмешивался.

Увидев снова муллу, я испугался, но не подал виду.

– А, родня моей родни, зачем пожаловал? – обратился ко мне Сералы, а глаза у него были усталые и равнодушные. Зато мулла скользнул по мне цепким, подозрительным взглядом.

– Мне нужна Гулай, – ответил я.

Мулла посмотрел на Сералы, Сералы на муллу. Лица у обоих были удивлённые. В эту самую минуту распаренный горячим чаем мулла утирал лицо. Он утирался тем самым платком с широкой синей каймой... тем самым... я даже полосы грязи узнал.

Невольно я сделал шаг вперёд и вскрикнул.

– Ошалел ты, что ли? Весь табак у меня сдул, – заворчал мулла, жёлтыми пальцами снова сгребая в кучку рассыпанный по кошме табак.

– Ой, бок закололо! – притворился я. – Меня продуло, ата.

– Турдымурат, – шёпотом сказала Гулай, – ты видел?

– Видел, ты умница, – ответил я, хотя не привык хвалить девчонок.

– Давай последим за ним, – произнесла она деловито. – Отец подумает, что мы у тебя. А мы спрячемся вон там, за юртой.

Долго сидели мы, не спуская глаз с дома, но никто не выходил. Нам уже стало казаться, что время остановилось и всё на свете застыло неподвижно. Изредка где-нибудь раздавался лай собаки, ей отвечала другая, и снова воцарялась тишина. А хлопья снега падали и падали, медленно кружась над землёй, точно выбирали место для посадки.

Но вот дверь дома тихо скрипнула. Скрюченная фигура муллы возникла в узкой полосе света и снова скрылась. Мулла вернулся в дом, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Чего он не уходит? – встревожилась Гулай.

– Может, боится? – предположил я.

Мы переговаривались тихо, прикрывая рот рукой, – вряд ли за два шага можно было расслышать наш разговор.

– Говорят, от опиума человек становится трусом, – ответила Гулай. – Мулла всегда добавляет в табак опиум и делается как пьяный.

Тут я вспомнил историю, которую слышал от отца. Один бездельник до того накурился опиума, что стал бояться даже муравьёв; не ложился на землю и беспрестанно отряхивался. Вот и мулла, видно, испугался темноты. Я хотел сказать об этом Гулай, но вдруг кто-то, подкравшись сзади, закрыл мне глаза. У меня чуть сердце не лопнуло. Гулай кинулась бежать.

– Обожди, Гулай, – услышали мы тихий голос и узнали Сарсенбая.

Я стал ругать его, чтобы скрыть свой испуг. Гулай присоединилась ко мне. Сарсенбай молча выслушал все бранные слова, какие мы могли припомнить, и неожиданно сказал:

– Я всё знаю. Вы следите за моим отцом. Позвать его?

Гулай снова сорвалась с места.

– Погоди, – с горьким тихим смехом остановил её Сарсенбай. – Я весь день за вами наблюдаю. Не думайте, я знаю больше вашего. Потому и пришёл сюда. Дедушка Есемурат ни при чём.

Больше он ничего не сказал и пригорюнился, сидя на корточках, прижавшись к стене юрты. Мы тоже не знали, чем его утешить, и сидели молча. Немного погодя из дома снова выглянул мулла Дуйсен. Потом он вышел в сопровождении отца Гулай.

– Видишь, просит проводить, – шепнула мне в ухо Гулай. – Боится.

Мулла и сопровождавший его Сералы прошли мимо нас к калитке. Мулла озирался по сторонам, тихо покашливал в рукав. Он и впрямь был похож на человека, которого мучит нестерпимый страх. Сералы шагал за ним, втянув голову в плечи.

– Ночь тёмная, – услышали мы тихий голос муллы. – Самое время...

Они прикрыли калитку и, негромко переговариваясь, направились прямо в сторону озера и леса. Когда они отошли на порядочное расстояние, мы двинулись за ними и лишь тут заметили, что у муллы и у отца Гулай в руках было по лопате. Сперва они прижимали лопаты к себе и шли крадучись, потом зашагали размашистее и смелее.

От аула тёмной ленточкой тянулась к лесу извилистая тропинка, по которой люди возили дрова и хворост. Придерживаясь тропы, мулла и Сералы, всё убыстряя шаг, шли к лесу. Мы на расстоянии следовали за ними. Иногда мулла останавливался, осматривался, потом шёл дальше. Начался лес. Тут нам было легче маскироваться, но зато пришлось ускорить шаг, чтобы не потерять их из виду.

Вот они остановились у раскидистого дерева. Ну конечно, это наш любимый торангыл, гостеприимное дерево, похожее на юрту. Но сейчас листья с него облетели, и голые чёрные ветки торчали, как застывшие в отчаянье руки, которые силятся кого-то оттолкнуть.

Мулла обошёл дерево, Сералы последовал за ним. На минуту оба исчезли из виду. А уже в следующее мгновение мы увидели, что они копают землю.

– Видите? – тихо сказал Сарсенбай. – Это они обокрали склад. Им нужно перепрятать мешки.

Я повернулся к Гулай, чтобы сказать с упрёком: «Видишь, не зря твой отец подружился с муллой», и увидел её огромные отчаянные глаза. Обеими руками она зажимала себе рот, чтобы не крикнуть, потом хотела броситься к отцу. Теперь уже мы с Сарсенбаем зажимали ей рот и тащили её прочь от этого места, а она колотила нас ногами и плакала. Сзади нам почудился шум, и мы побежали.

«Этот подлый мулла погубил твоего отца», – чуть было не сказал я в утешение Гулай. Но рядом, сгорбившись точно старик, шёл Сарсенбай. Так втроём добрались мы наконец до нашего дома.

– Это ты, Турдымурат? – спросила из темноты мать. – Где тебя носит допоздна? Кто там плачет, Гулай, что ли? Что-нибудь случилось с мамой, девочка?

Гулай осталась у нас в доме, я велел Сарсенбаю побыть с нею, а сам выскользнул из дому. Оглянувшись, я увидел, как во тьме вспыхнули звёздочками окна нашего дома. Это мать, обеспокоенная, зажгла лампу.

А я бежал к учителю, только к нему, чтобы поскорее рассказать обо всём. Кто-то шёл навстречу. Я свернул в сторону и побежал, пригибаясь к плетням. Но и позади слышался скрип осторожных шагов.

В окнах учителя не было света. Я торопливо забарабанил по раме. Никто не отвечал. А тихие, скрипучие шаги остановились прямо за моей спиной. Я постучал снова, и в этот миг цепкие корявые пальцы стиснули мой затылок. Жёсткие руки зажали мне рот, я оторвался от земли и беспомощно бился, чувствуя, как меня уносят всё дальше от дома учителя.

Я не видел, кто несёт меня, но он сам себя выдал.

– Мы тебе укоротим язык, – услышал я бормотание муллы. – Будешь лезть в чужие дела...

Внезапно я тяжело ударился о землю. Но тут же кто-то склонился надо мной и схватил меня за плечи.

– Турдымурат, жив? – услышал я встревоженный голос учителя. – Мальчик мой, что случилось, почему ты ходишь ночью?

Только сейчас я сообразил, что мулла бросил меня, убегая от учителя.

– Мулла... Сералы...

Больше я ничего не смог выговорить. К нам подошёл Сарсенбай – не знаю, откуда он взялся. Вместе мы кое-как рассказали о случившемся.

– Хорошие вы мои, – сказал учитель, обнимая нас обоих. – Спасибо вам, но разве можно так рисковать? Счастье, что я заметил тебя издали, от конторы. Меня и дома-то не было. Пойдёмте к председателю, он тоже многое выяснил, но, возможно, вы кое-что добавите. Значит, весь день сегодня воры ходили, как в петле...

В конторе мы увидели нескольких колхозников, незнакомого человека в тёмной гимнастёрке. Тут же были мой отец, дедушка Есемурат. Сарсенбай молча подошёл и прижался к старику. Дедушка дрожащей рукой гладил Сарсенбая по голове, а тот прятал мокрое лицо в складках его тёплой шубы.

Эти люди не знали только одного: где спрятаны мешки. У меня так болела спина, что я не мог никуда идти. В лес их повёл Сарсенбай.

А я долго ворочался на лавке возле тёплой печки и думал об отце Гулай – Сералы. Случилась беда, заболела жена, и он сразу попал в лапы муллы. Ещё я думал о том, что теперь мулла не будет мешать и маму Гулай нужно отправить в больницу, к хорошим, заботливым докторам, которые вылечили Сарсенбая. Она наверняка поправится. А Гулай пусть пока поживёт у нас – мои родители всегда её любили.

Потом снова мне вспомнился Сералы, согнутый, с головой, втянутой в плечи, каким он шёл вслед за муллой. Я ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть.

14

Последним в этот день был урок физкультуры. Солнце светило ослепительно, и на снег было больно смотреть. Мы мчались наперегонки, и снег звенел под нашими ногами.

А прежде мы и не знали, что такое физкультура. Мулла говорил, что каждому человеку отпущено аллахом определённое число дыханий. Кончится дыхание – человек умрёт. Человек может сам приблизить свою кончину, если станет ускорять дыхание, и может прожить дольше, если будет дышать медленно. Мне очень хотелось прожить подольше, и я часто нарочно задерживал дыхание. Лёжа в постели, я даже считал по пальцам, сколько раз мне пришлось вобрать и выпустить воздух.

Поэтому вначале мы с ребятами боялись физкультуры – ведь после быстрого бега приходится часто дышать. Но Менлимурат-ага бегал вместе с нами, и каждому хотелось обогнать его. И вообще на уроках физкультуры было весело: мы не просто бегали, а играли в занятные игры: например, отнимали друг у друга флажок. Это не легко – обойти противника и передать флажок одному из своих товарищей. Тот передаёт его второму, второй – третьему. Выигрывает та сторона, где более быстроногим окажется последний – он должен вручить флажок учителю.

Так вот, у нас шёл урок физкультуры. Одну группу возглавлял я, вторую – Кунназар. Не успели мы закончить игры, как раздалась команда учителя:

– Разойдись!

Председатель колхоза – главный руководитель колхоза, отвечающий за порядок и успех всего хозяйства.

Мы решили, что был звонок, и помчались прямо в класс. Там сидели председатель колхоза и незнакомый человек, видимо городской, в кожаном пальто. Мы расселись по местам, стараясь не шуметь.

– Ребята, – сказал Менлимурат-ага, – с вами хочет говорить секретарь райкома.

Тут я вспомнил, что однажды, пробравшись на колхозное собрание, слышал этого человека. Только в тот раз он был не в кожаном пальто, а в тёмной рубашке и говорил горячо и громко. Если он так заговорит сейчас, эхо прокатится по всей школе.

Но он заговорил тихо и мягко.

– Большое спасибо вам, ребята, – сказал он. – Спасибо за то, что на вас можно надеяться. В эти трудные дни вы жили общими со всеми нами тревогами и заботами.

Секретарь райкома – главный руководитель района от партии. Он решал важные вопросы в жизни района, как сейчас хоким.

Менлимурат-ага и секретарь райкома пожали друг другу руки.

– Но впредь будьте осторожнее, ребята, – сказал секретарь райкома. – Помните, что каждый из вас дорог всей стране, каждого из вас ждут большие дела. Вот и всё. И ещё раз спасибо.

Они собрались уже уходить, но тут я поднялся со своего места.

«Если бы к нам не приехал учитель, мы бы до сих пор знали одни альчики, – хотел сказать я. – Наверно, у нас уже колени продырявились бы. Или мы все попались бы на острогу дедушки Есемурата...»

Так я хотел сказать, но ни один звук не вылетел из моего горла. Я повернулся к учителю, который, улыбаясь, смотрел на меня.

– Спасибо учителю! – крикнул я и сел на своё место.

Ребята шумно поддержали меня:

– Спасибо, спасибо, учитель!

И, когда секретарь райкома и председатель колхоза с радостными, благодарными лицами повернулись к нашему учителю, шум в классе стал ещё сильнее.

Мы повскакали со своих мест и окружили нашего любимого друга Менлимурата-ага.

Перевод О. Романченко

Обсудим вместе

1. Какую роль в повести играет встреча мальчика с учителем? Как она повлияла на мировоззрение главного героя?
2. Как автор описывает отношение простых людей к знаниям и обучению в обществе того времени?
3. Какие чувства испытывает Турдымурат к учителю? Что изменилось в жизни ребят с приходом учителя?
4. Почему повесть называется «Спасибо, учитель!»?

Практические задания

1. Составьте 5–7 вопросов, которые вы бы хотели задать Менлимурату, и придумайте возможные ответы от его имени.
2. Проведите исследование: «Как образование влияет на жизнь человека?» Составьте список из пяти преимуществ, которые даёт качественное образование.

Домашнее задание

Напишите эссе «Что значит быть благодарным учителю». Используйте примеры из текста и из собственного опыта.

Глава IV

МИР ПОДОБЕН РАДУГЕ

МУХАММАД ЮСУФ
1954–2001

М. Юсуф – народный поэт Узбекистана, чьё имя прочно связано с искренностью, теплотой и любовью к родной земле. Он вошёл в литературу в конце 1970-х годов и сразу привлёк внимание своей необычайной способностью говорить просто, но глубоко о самом главном: о матери, Родине, судьбе человека, природе. Его стихи – это дыхание народа, голос земли, песня души. Мухаммад Юсуф не просто поэт. Он – отражение своего времени и живое сердце узбекской поэзии.

Подготовка к встрече с текстом

1. Как вы понимаете выражения «любовь к Родине» и «народная душа»? Можно ли это передать в стихах?
2. Кого из поэтов Узбекистана вы знаете? Слышали ли вы имя Мухаммада Юсуфа?
3. Какими качествами должен обладать поэт, чтобы стать «народным»?
4. Что вы ожидаете от знакомства со стихами Мухаммада Юсуфа?

О ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Расцвет таланта Мухаммада Юсуфа – одного из наиболее одарённых узбекских поэтов конца XX века – пришёлся на период становления независимого Узбекистана. Его жизнь была короткой, но яркой, однако его голос продолжает и сейчас звучать в стихах и сердцах. Начало его творчества запомнилось читателям стихотворением об узбекской тюбетейке и потом ещё долгие годы было своеобразной визитной карточкой поэта:

Лишь у поэтов и приверженцев традиций
Наш головной убор не сдал ещё позиций.

Стихотворение Мухаммада Юсуфа «Человек» – это глубокое философское размышление о сущности человека, его роли в мире и ответственности перед самим собой и другими. Поэт наделяет образ человека особой духовной высотой, словно возводя его к священному началу. Он говорит о человеке не просто как о существе из плоти и крови, а как о носителе великой силы – доброты, веры, разума и внутренней свободы.

Если верой в Завтра окрылён ты,
Значит, ты и вправду человек.

Поэт с тонким лиризмом показывает, насколько важно сохранить человеческое лицо даже в самые трудные времена. Он обращается ко всем нам, призывая быть достойными высокого звания – человек. В стихотворении чувствуется и боль, и надежда, и вера в то, что человечность – это главное, что должно остаться в нас, несмотря на все испытания.

В стихах Мухаммада Юсуфа звучит необыкновенная искренность, кажется, что сам воздух дрожит от напряжённой тишины, в которой поэт говорит шёпотом о самом важном. Его слова просты, но именно в этой простоте кроется истинная сила – сила настоящего чувства, не прикрытого красивыми фразами, не спрятанного за маской.

Поэт умеет передать состояние души, и каждое его слово становится живым, дышит, болит и любит.

Судьба, зачем меня ты сделала поэтом?
Да разве для мужчины мука эта…

Основной темой стихов Мухаммада Юсуфа была любовь к родной земле. Об Узбекистане он писал всегда: и в начале своего пути, и в более поздний период творчества. Особого внимания заслуживает лирика поэта в годы независимости.

Каждый поэт пишет о Родине, но так искренне и неповторимо творил только Мухаммад Юсуф. При этом его стихи, посвящённые родному краю, отличаются особым настроем, невероятной пластикой и яркой образностью. Так любить Родину, как любил её Мухаммад Юсуф, могли лишь только самые преданные и верные сыны Отечества. За каждой его строчкой ясно вырисовывается национальный дух народа, его радости, переживания, любовь, мечты и вся жизнь.

«Никому не отдадим тебя, Узбекистан!», «Родина моя», «Андижан» – произведения, которые формируют патриотические чувства в сердцах читателей. Любовь поэта к Родине превосходит все остальные чувства. Арыки, тополя, посаженные поэтом, голубое небо становятся для него источником вдохновения. Поэт в каждой строчке возвеличивает жизнь, описывает её реально, подчёркивает, что главная цель существования – это любовь к Родине.

Живу в Ташкенте – по горам скучаю,
По разнотравию лугов скучаю.
По одуванчику – доверчивому другу –
Среди коробок каменных скучаю.

Под ливнем бегал я ещё вчера,
И пел, лицо росою умывая.
Лукавых бабочек ловила детвора…
По детству моему давно скучаю.

Стихотворение Мухаммада Юсуфа «Узбекистан» – это яркий образец патриотической поэзии, в которой глубоко передана любовь к родной земле и культуре. Через образы природы и традиционные символы автор выражает свою веру в силу и красоту своей страны, доказывая, что родина – неотъемлемая часть его сущности.

«На бабочку я обменяю…» – это своего рода поэтическое отречение от материальных благ, славы, признания ради простых, но по-настоящему ценных вещей. Мухаммад Юсуф говорит о внутренней свободе, искренности и сознательном выборе простоты, показывает, что все внешние достижения ничто, если в них нет настоящей жизни.

Бабочка, радуга, кусочек дыни, пиала сумаляка – образы, кажущиеся простыми, но за ними стоит целый мир, в котором важнее не внешнее, а внутреннее, не накопленное, а прочувствованное, не признание толпы, а близость к своему народу, к земле, к корням. Это символы настоящей жизни, естественности, близости к земле и своему народу.

Сменяю на кусочек дыни я славу бренную свою,
Для своего живу народа и скромно песнь о нём пою.

В 1998 году Мухаммаду Юсуфу было присвоено почётное звание Народного поэта Узбекистана. Чем же заслужил он народную любовь и признание? Прежде всего, ярким, своеобразным поэтическим талантом, высоким эстетическим уровнем своих произведений. Уже многие десятилетия Мухаммад Юсуф продолжает быть эталоном художественности для поэтов Узбекистана.

Читаем стихотворение

ЧЕЛОВЕК

Злая ночь проглатывает звёзды.
Мрак такой, как будто бы навек.
Если в эту ночь не сдержишь слёз ты,
Значит, ты и вправду человек.

Крик новорождённого ребёнка,
Новой жизни дерзостный разбег.

Если верой в Завтра окрылён ты,
Значит, ты и вправду человек.

У любви – отравленные стрелы.
Утешенья жажду – слышу смех.
Если боль мою со мной разделишь,
Значит, ты и вправду человек.

На тропе истории не счислить
Грозных дат, свинцовых страшных вех.
В час тяжёлый верил ты в Отчизну –
Значит, ты и вправду человек.

От рассвета до заката жизни
Труд верша не для себя – для всех,
Нужен дальним ты и нужен близким,
Значит, ты и вправду человек.

Перевод Г. Резниковского

Обсудим вместе

1. Почему, по мнению поэта, человек может заплакать в ночи? Что символизирует «злая ночь»?
2. Как поэт описывает начало новой жизни? Почему он называет крик ребёнка «дерзостным разбегом»?
3. Какие чувства вызывает у вас строка «Если боль мою со мной разделишь»?
4. Что, по мнению поэта, делает человека по-настоящему человеком?
5. Как вы думаете, почему Мухаммад Юсуф использует одинаковую строку в конце каждой строфы? Что это даёт стихотворению?

Практические задания

1. Перечислите качества, которыми должен обладать человек.
2. Попробуйте сочинить четверостишие, начинающееся со слов: *Если ты…*

Домашнее задание

Напишите эссе «Что значит быть человеком».

Читаем стихотворение

УЗБЕКИСТАН

О, милая отчизна!
О, дивная страна!
Ты, Родина, на радость нам дана.
Любимая, навеки я твой сын,
Поэтом стал в тени твоих вершин.
Я наше клеверное поле не отдам
За Колизей, Биг-Бен и Нотр-Дам.

Ты цветёшь между рек, средь могучих гор,
Красотою твоей не насытить взор.
Сколько судеб видал, сколько разных стран –
Я тобой лишь горжусь, мой Узбекистан.

Видел в дальних странах множество красот,
Может, я придирчив, может, слишком прост,
Но отдам парижский лучший ресторан
За тандыр во дворе, за родной ширман.

Там всё чуждо вокруг, и язык не мой,
Слова мне не сказать, будто я немой,
Из зениц сон ушёл, из души покой.
И трёх дней не прошло, а хочу домой –
Нужен мне не вояж, а кишлак родной.

Вечно будешь ты жить, а с тобой и я
Стану вешней травой для тебя, земля.
Буду ждать бахмальских ярочек в апреле –
Аравийских лучше ярочки газелей.

Каждый день с тобою – праздник для меня.
Я приветствую всех, знающих тебя,
Трудно жить без Родины даже краткий миг –
Жаль мне тех, кто край мой сразу не постиг.

Перевод Р. Казакбаевой

Тандыр – печь-жаровня, мангал особого шарообразного или кувшинообразного вида для приготовления разнообразной пищи у народов Азии.

Бахмальский район – административная единица на юге Джизакской области Узбекистана.

Ярочки – молодые овечки.

Обсудим вместе

1. Как автор описывает свою любовь к Родине? Какие образы он использует для выражения своих чувств?
2. Почему автор так сильно гордится своей страной? Какие конкретные детали подчёркивают эту гордость?
3. Какую функцию выполняет сравнительный приём в стихотворении (например, сравнение родной страны с другими странами и достопримечательностями)?
4. Почему автор предпочитает свою родную землю, несмотря на все красоты других стран?
5. Какие ощущения и эмоции он испытывает, находясь вдали от дома? Какое значение имеют такие фразы, как «я хочу домой» и «трудно жить без Родины»?

Практические задания

1. Проанализируйте структуру стихотворения.
2. Проведите дискуссию: «Почему важно помнить и ценить свою Родину?»

Читаем стихотворение

НА БАБОЧКУ Я ОБМЕНЯЮ...

Богатство всё я обменяю на бабочку в моём саду,
И жизнь свою на радугу, что в чистом небе, я менять пойду.
Сияньем город весь покрытый бетоном жалит мне бока,
Никак к такому не привыкну, съедает здесь меня тоска.

И даже если дом мой станет великолепнейшим дворцом,
На глиняный кирпич сменяю дворец, глупцом прослыв при том.
На поэзии я не помешан, и вить мне не надо гнездо,
Однако, как поэт известен, но всё готов отдать назло!

Сменяю на кусочек дыни я славу бренную свою,
Для своего живу народа и скромно песнь о нём пою.
И всё, годами написал что в свою толстенную тетрадь,
На сумаляка пиалу готов я поменять.

Перевод В. Райхеля

Обсудим вместе

1. Что готов отдать лирический герой ради бабочки в саду? Почему именно бабочка?
2. Почему герой противопоставляет город, покрытый бетоном, природным образам?
3. Каково отношение лирического героя к всенародной славе?
4. Какие национальные и культурные образы использованы в стихотворении?
5. Что подразумевается под образом пиалы с сумаляком в последней строфе?

Практические задания

1. Найдите примеры противопоставлений в стихотворении и объясните их значение.
2. Охарактеризуйте настроение стихотворения. Как оно меняется от начала к концу?
3. Проанализируйте образы природы и объясните, какова их роль в раскрытии темы.
4. Попытайтесь сочинить собственное стихотворение, где вы отказываетесь от чего-то материального.
5. Заполните таблицу в тетради. Что символизируют указанные образы в стихотворении?

Бабочка	
Радуга	
Дыня	
Пиала с сумаляком	
Бетонный город	
Толстенная тетрадь	
Глиняный кирпич	

Домашнее задание

Выучите наизусть одно из стихотворений Мухаммада Юсуфа.

ШУКУР ХОЛМИРЗАЕВ
1940–2005

Ш. Холмирзаев – один из выдающихся представителей узбекской литературы XX века, писатель и журналист, мастер короткой прозы. Он особенно известен произведениями «Над пропастью», «Динозавр», «Свобода», «Узбекский характер», «Луна за облаками», «Жизнь вечна», в которых глубоко исследует внутренний мир простого человека, тему памяти, традиций, исторического наследия и нравственного выбора. Ш. Холмирзаев умело сочетает реализм с элементами национального фольклора и интеллектуальной прозы. Язык его произведений прост, но поэтичен, часто наполнен философскими размышлениями.

Подготовка к встрече с текстом

1. Что для вас означают понятия «честь» и «достоинство»?
2. Какие вопросы нравственности вам кажутся наиболее актуальными в современном мире?
3. Подумайте, какую роль в произведениях литературы играют моральные ценности. Приведите примеры.

О РАССКАЗЕ «ПАСТУХ»

Проблемы нравственности занимают важное место в произведениях Шукура Холмирзаева. Автор затрагивает вопросы, касающиеся человеческой природы, выбора, долга и ответственности. Часто в произведениях Шукура Холмирзаева герои оказываются перед сложным моральным выбором, который определяет их дальнейшую судьбу. Как правило, этот выбор связан с тем, что герои должны решить, следовать ли своим эгоистическим желаниям или выполнить долг перед другими людьми, перед обществом, семьёй, традицией.

В небольшом рассказе «Пастух» рассматриваются «вечные» этические проблемы добра, любви, совести. Для героя рассказа, старика Остонакула, настолько важны идеалы добра и совести, что он готов скорее понести наказание за свою «вину», чем лишить жизни живое существо, способное чувствовать боль и страх. Старый пастух даже обращается к волу как к человеку: «О, господи! Что же с тобой? Может, устал? Встань! Встань!» И не случайно автор рассказа так подробно описывает состояние вола, психологически тонко подчёркивая боль и страдания, испытываемые животным. Шукур Холмирзаев делает читателей сопричастными к приближающейся смерти, заставляет испытывать жалость к мучениям живого существа: «Вол поднялся, кожа его дрожала. Он осторожно пошевелил хвостом. До самого Кукбулака вол не сорвал ни травинки. Его товарищи с хрустом поедали мелкий хворост, а старый вол едва брёл, невесёлый, с поникшей головой...»

Старик Остонакул не просто жалеет умирающую скотину, он уважает тот труд, который исполнял вол. Старик не может нарушить основной нравственный закон жизни: за добро нужно платить добром. Высокая нравственность старика вменяется ему в «вину» руководством совхоза. Но он выше их обвинений, главное для него – следовать законам Добра.

Творчество Шукура Холмирзаева глубоко пропитано нравственными проблемами, которые заставляют читателя задуматься о духовных ценностях, о том, что значит быть честным, ответственным и справедливым человеком. Его произведения служат источником размышлений о том, как важно оставаться верным своим принципам, несмотря на сложности жизни.

Обсудим вместе

Как вы думаете, какие поступки человека заслуживают уважения?

Домашнее задание

Заполните таблицу в тетради.

Положительные черты характера	Отрицательные черты характера	Обоснование

Читаем рассказ

ПАСТУХ

Колхозная контора стояла под орешиной. Вдоль здания тянулось картофельное поле, а за ним речка. Берега её густо поросли кустами ежевики и джиды. На противоположном берегу, у самого подножья бугрящихся желтоватых холмов, теснилось несколько войлочных юрт, лачуг и загонов для скота.

Кумач – хлопчатобумажная ярко-красная ткань.

Контора была построена недавно, но стены её внизу уже успели отсыреть и набухнуть. Над входом был прибит кусок кумача с надписью «Агитпункт–2». Он висел ещё с весны и изрядно полинял под дождём и жарким солнцем. Слева от входа – кабинет начальника. Перед ним стул, на нём ведро воды и алюминиевая кружка, надетая на дужку ведра. В центре кабинета – большой стол. На столе – карта отделения совхоза.

Обычно в конторе бывает пусто. Руководители отделения весь день на полях, в свободное время – дома, вечерами – в центре совхоза, на берегу реки Шерабад, что в тридцати километрах отсюда.

В этот вечер в конторе было многолюдно. Начальник отделения, кассир, агроном, зоотехник, бригадиры.

На повестке дня – проступок старика Остонакула.

Старик стоит почти у самой двери, сгорбленный, с опущенной головой. Ему тяжело стоять, и он переступает с ноги на ногу. Из уважения к начальству палку он оставил в сенях.

– Ну что, отец, берёте на себя вину?

Старик исподлобья смотрит на сидящего в центре стола коренастого, широкоплечего начальника.

– Что тут скажешь, виноват.

Щупленький зоотехник Турабай с плоским лицом – проведёшь ладонью от лба до подбородка, ни одной выпуклости либо впадины не обнаружишь – вскочил с места:

– Что же это такое, он хочет отделаться признанием своей вины? А я требую, чтобы он заплатил сколько положено за пёстрого вола.

Вол – самец крупного рогатого скота, бык.

Начальник отделения сунул руку за воротник грязного коломянкового кителя, сморщил мясистое лицо и почесал шею.

– Вот досада, – сказал он, передёрнув плечами. – Выдохлись вы, что ли, отец? – Он уставился на старика. – А мы вам доверяли. Вы же ещё днём увидели, что он заболел, нужно было тут же и прирезать. И не было бы столько разговоров.

Китель – форменная куртка со стоячим воротником из пеньковой или плотной льняной ткани.

– Он ночью сдох, ночью! – сказал зоотехник. – Я сам разрезал печень, она была абсолютно холодной! Старик просто уснул!

Старый Остонакул молчал. Он смотрел на двигающиеся губы зоотехника и кивал, соглашаясь.

Начальник отделения кряхтя поднялся с места:

– Всё, отец, разговор окончен. Заплатите за вола. – Он обвёл взглядом присутствующих. – Будем считать, что вол сдох по недосмотру. Договорились?

Старый Остонакул медленно поднял голову:

– Хорошо, сынок, я заплачу.

– Только не тяните! Вы не бедный и ещё крепкий, родственники у вас тоже есть. Да и старуха небось припасла.

Вот так...

Собрание окончено.

Старик отошёл в сторонку и сложил на груди руки. Он хотел выйти последним, но бригадир подошёл к нему и похлопал по плечу:

– Пошли, отец, пошли, – сказал он. – Теперь хорошенько присматривайте за волами. Пусть нагуливают жир. А то как бы не лишиться вам места.

Старик снова кивнул и вышел из конторы.

Начальство направилось к двум грузовым машинам, что стояли за зданием конторы, оживленно беседуя, быть может, и о нём, старом Остонакуле.

А старик неторопливо двинулся вдоль картофельного поля, к берегу реки. Луна уже сияла на небе, и её лучи разбивались о камни под водой. На другом берегу, у юрт, поднимался дымок, а под ним виднелся пылающий красный огонь.

Вчера к вечеру старый Остонакул перегонял волов с Октумшукских холмов в аул, что на Кукбулакских холмах. Травы на пастбищах давно выгорели, но кое-что ещё осталось. Белые и красные цветы красовались, колыхаясь на длинных стеблях, на рыхлой земле росли репейники, колючки, и волы поедали и их.

Когда всё стадо уже спустилось с холмов, пёстрый вол отстал и вдруг остановился. Он тряс головой, будто ему было тяжело держать рога, один из которых был давно сломан. Потом он подался назад, рванулся вперёд и свалился набок.

Старик, делая неловкие движения, заторопился и чуть ли не подбежал к волу.

– Чу, чу! – закричал он.

Но вол положил голову на землю с той покорностью, с какой бараны вытягивают шеи, завидев нож в руках мясника, и устремил взгляд замученных глаз на пастуха.

Старик огорчённо глядел на вола. Потом поднял ему ноги и начал оглядывать копыта – может, какой гвоздь влез? Нет.

Старик подошёл к морде вола и хотел открыть ему челюсть, но раздумал: «Если бы он проглотил железку, была бы пена». Старый Остонакул растерялся. Он поднял палку и ударил вола по крестцу. Вол поднял голову, но снова со стоном опустил её на землю.

– О, господи! Что же с тобой? Может, устал? Встань! Встань! – Старик обошёл вола и крепко взял его за хвост. С силой крутанул, и вол со стоном поднял грудь и встал на передние ноги. Всё ещё держа хвост в руках, старик закричал:

– Ну, скотинка!

Вол поднялся, кожа его дрожала. Он осторожно пошевелил хвостом. До самого Кукбулака вол не сорвал ни травинки. Его товарищи с хрустом поедали мелкий хворост, а старый вол едва брёл, невесёлый, с поникшей головой. Он часто останавливался, будто прислушивался к чему-то.

Родниковая вода образовала большую лужу поодаль. Волы вошли в лужу и стали пить. Потом долго облизывали губы и носы, озираясь вокруг. Пёстрый вол на минуту сунул нос в илистую воду и отошёл от лужи. Он хотел снова лечь, но старик, заметив это, закричал на него и не дал ему лечь.

– Старуха, – сказал Остонакул жене, – пёстрый вол заболел.

Старая Ойсулув, закусив зубами кончик белого марлевого платка и прищурив и без того небольшие глаза, задумчиво уставилась на старика. Потом, пропустив его вперёд, сама пошла к загону. Она открыла боковую дверку и вошла вовнутрь. Волы разбрелись по загону, тёрлись друг о друга, обнюхивали остатки еды вместе с пылью, шевеля ноздрями, а несколько волов уже улеглись у края загона.

Пёстрый вол растянулся у самого входа. Он тяжело дышал. Старуха наклонилась к нему, упершись руками в колени, и стала внимательно разглядывать его. Потом быстро вышла, взяла совок, что стоял у котла и прошла в юрту. Она отсыпала горсть гармалы из кулька, заткнутого между брёвнами, сунула под него тлеющие угли и подула. Затем выглянула из юрты. Старик расстилал молитвенный коврик для вечернего намаза.

– Сглазили этого вола, что ли, а, старик? Кто его видел? – спросила старуха Ойсулув. – В последнее время он так хорошо вошёл в тело.

Не глядя на жену, Останакул ответил:

– Наверно, ты и сглазила.

Старуха понесла совок с дымящейся гармалой в загон. Она дважды обвела совок вокруг головы пёстрого вола, подула, чтобы дым попал ему в морду. Потом положила совок и села ждать, когда прогорит гармала.

Когда старуха расстелила скатерть для ужина, старый Остонакул вдруг резко поднялся и выдернул нож из ножен, висевших на поясном платке. Он вынул из ступы длинный брусок и начал точить нож.

Старуха внесла шавлю на глиняном блюде.

– Поешьте сперва! Никуда он не денется. Если часы его сочтены, что ж нам делать?

Старик вздохнул:

– Зоотехника, что ли, привести?

– В район пойдёте? Тридцать вёрст не шутка. До тех нор... и помереть может.

– И то верно. – Старик опустился на подстилку. – И в конторе отделения телефона нет. Всё хотят поставить, да каждый раз забывают.

Старуха Ойсулув разломила лепешку и начала наливать чай.

– А может, всё-таки железку проглотил?

– Не знаю. Но болезнь у него внутри.

– Ешьте.

Через некоторое время старый Остонакул снова сидел на корточках около вола и старуха стояла тут же, прислонившись к задней стенке загона.

– Старик, это тот самый вол, который в прошлом году целую неделю не сходил с круга, молол зерно?

Пастух поглядел на жену ввалившимися глазами и, облизав пересохшие губы, устремил взгляд туда, где бугрились Октумшукские холмы.

Богарная – земля в зоне орошаемого земледелия, на которой сельскохозяйственные культуры возделывают без искусственного орошения.

До прошлого года совхоз сеял там пшеницу. Земля была богарная, и на эти холмы не мог проехать комбайн. Землю обрабатывали на волах и колосья молотили с помощью воловьих копыт. На одном из совхозных собраний решили больше пшеницу на Октумшуке не сеять – дорого. Сколько людей занимать, сколько волов. Одним деньги плати, других корми. Урожай не оправдывает затраченного труда.

И с тех пор волы остались без работы. Решили их откормить и сдать на мясо. А старому Остонакулу поручили это дело.

Старик особенно был привязан к пёстрому волу. Почему? Это был самый старый вол, и трудился он долго, вместе с Остонакулом.

– Старуха, – сказал Остонакул, – может, кислым молоком его напоить?

– Ну вот ещё, – улыбнулась старая Ойсулув, – люди узнают, засмеют.

Старик вымученно улыбнулся.

– Будете резать? – спросила старуха. – Уже темнеет.

Пастух кивнул. Старая Ойсулув ушла в юрту.

Засучив рукава, старик вытащил большую эмалированную чашку и тщательно вымыл её. Расстелил кожаную подстилку и вынес из шалаша острый топор. Затем взял два ведра и пошёл за водой к Кукбулаку.

Вернулась старуха. Останакул сидел на корточках около пёстрого вола.

– Эй, что с вами стряслось? – сказала старая Ойсулув. – Или расстроился? Что ж делать, старик! Если вол сдохнет, нам придётся платить убытки. Придётся мне самой зарезать его... только после чтоб стыдно вам не было.

– Э! – старый Остонакул поднялся. – Что ты мелешь! Ты же видишь, что он не может с места сдвинуться. А здесь резать нельзя. Другие волы почуют кровь и доставят нам хлопот.

Старуха Ойсулув улыбнулась:

– Всё причины ищете?

Старик выдернул нож, подошёл к волу и взял его за морду. Руки у него задрожали. Он ухватился за воловий рог и повернул ему голову. И тут он увидел шею вола: из-за редких тёмных шерстинок виднелась стёртая кожа – след ярма. Остонакул жалобно посмотрел на старуху, отпустил рог вола и, отряхнув одежду, отошёл и присел на старую кошму.

Старуха ушла.

Пёстрый вол так больше и не поднялся. Старик принял его последнее дыхание. И до последней минуты надеялся, что вол не умрёт.

...Пастух постоял у реки и медленно спустился вниз. Наступая на камни, виднеющиеся из-под воды, он перешёл на другой берег. Не обращая внимания на привязавшихся к нему аульских собак, он прошёл между загонами, юртами, дворами и вышел к холму. Перевалив холм, старик нашёл тропинку. Она казалась белой при лунном свете. Старик шёл к своей юрте. Он расскажет старухе о решении начальства. «Ну вот, я же говорила», – скажет старуха. Что он сможет ответить? Во всяком случае попытается как-то объяснить ей.

Перевод Н. Владимировой

Обсудим вместе

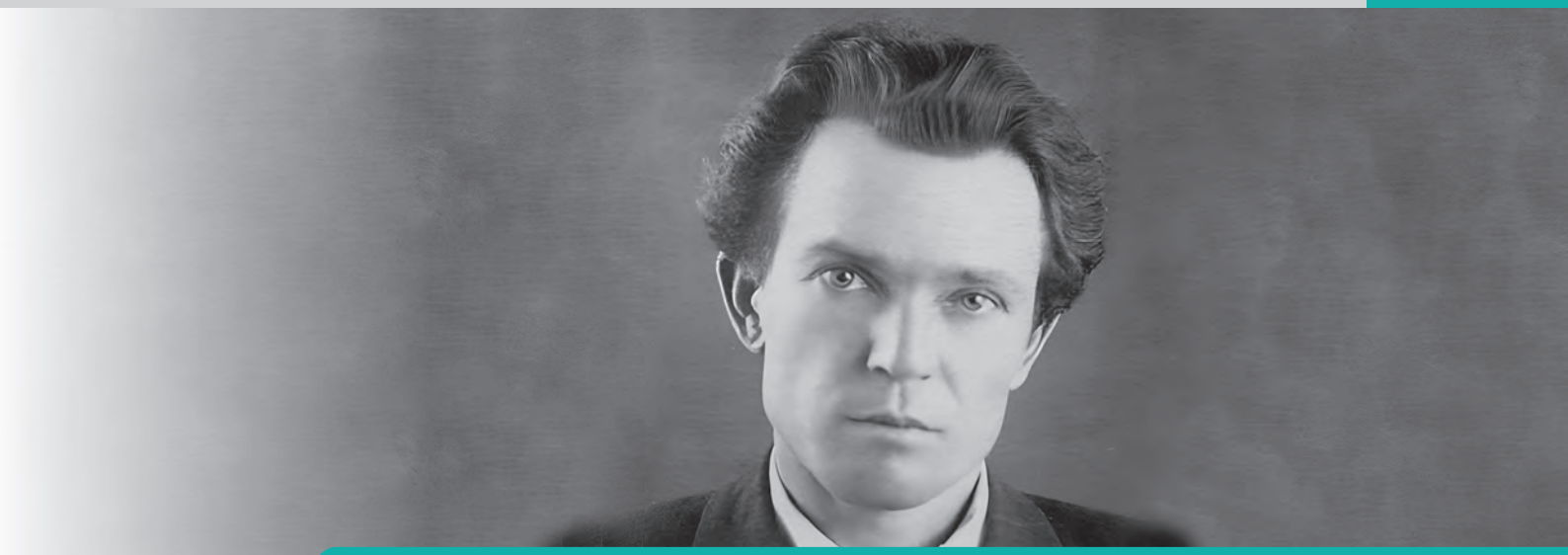
1. О чём прежде всего рассказывает автор в произведении «Пастух»? Какие важные темы он поднимает?
2. Какова роль пастуха Остонакула в рассказе и как его образ отражает главные идеи произведения?
3. Какие проблемы взаимоотношений между людьми рассматриваются в произведении?
4. Как в рассказе раскрывается тема выбора и какое влияние она оказывает на судьбы героев и развитие сюжета?
5. Какие поступки героя оказывают наибольшее влияние на развитие событий?
6. Почему, по вашему мнению, автор выбрал именно такую концовку для рассказа?

Практические задания

Составьте вопросы по тексту рассказа и задайте их одноклассникам.

Домашнее задание

Попробуйте изобразить пастуха Остонакула (нарисовать или описать словами).

ЯВДАТ ХАСАНОВИЧ ИЛЬЯСОВ
1929–1982

Я.Х. Ильясов – узбекистанский писатель, которого можно назвать настоящим следопытом в мире древней и средневековой истории Центральной Азии. Он писал на русском, башкирском, татарском, узбекском языках увлекательные повести и романы, где оживают забытые города, герои и легенды Востока: «Стрела и солнце», «Тропа гнева», «Согдиана», «Заклинатель змей», «Золотой истукан», «Башня молчания». Его книги, изданные миллионными тиражами, разошлись практически по всему миру.

Подготовка к встрече с текстом

1. Как вы думаете, что лежит в основе исторического произведения?
2. С какими произведениями исторической прозы вы знакомы? Назовите их.
3. Допускает ли произведение, основанное на фактах, использование художественного вымысла?
4. Какие поступки человека вы можете назвать подвигом?

РОМАН «ТРОПА ГНЕВА»

«Тропа гнева» – это исторический роман, действие которого разворачивается в древней Согдиане (Центральная Азия) во времена походов персидского царя Дария I. Главный герой – Ширак, пастух и простой согдийский юноша, становится примером проявления настоящего героизма во имя своего народа.

Дария предупреждали, что массагеты – народ непредсказуемый. Вступить на их земли – значит обречь себя на неведомое и смертельно опасное для жизни. Пример его предшественника – Кира, которого правительница Томирис напоила его же собственной кровью, – был очень серьёзным предупреждением. Но потомок династии Ахе-

Массагеты – имя, используемое античными авторами для обозначения иранноязычного кочевого народа, обитавшего на территории Скифии.

менидов жаждал новой добычи – золота, скота, рабов. И не услышал голос разума. А потому многотысячное войско Дария не устояло перед одним лишь человеком. Ширак, двадцатилетний пастух, не имевший ни жён, ни коней, ни рабов, переживший потерю самых дорогих ему людей, вдруг осознал смысл жизни, ступил на Тропу Гнева и с чистым сердцем исполнил великое служение своему народу и родной земле.

Когда персидские войска вторгаются в Согдиану, Ширак, пережив личную трагедию (гибель любимой девушки Фароат), решает пожертвовать собой ради спасения своего народа. Он предлагает ввести армию Дария в глубь пустыни, якобы зная кратчайший путь, но на самом деле заводит их в безводные просторы, обрекая захватчиков на гибель от жажды и истощения.

Этот поступок сравнивают с подвигом Ивана Сусанина. Ширак – герой, который ценой собственной жизни остановил завоевателя. Его «тропа» – это путь гнева, боли, любви и патриотизма.

Иван Сусанин – русский национальный герой, крестьянин из села Домнино, прославившийся спасением царя Михаила Фёдоровича от польско-литовского отряда во время русско-польской войны.

Читаем произведение

ТРОПА ГНЕВА

(в сокращении)

Полководец вышел из-за олив и грузно растянулся на траве.

– Подними себя! – приказал царь.

Датис медленно встал, неохотно подошёл к Дарию, нагнулся и поцеловал полу его одежды. Взгляд царя был строг. Высокий, сутулый, с хищным носом, сын Гистаспа походил сейчас на орла, восседающего на скале перед броском на добычу.

«О! – ещё раз воскликнул мысленно Датис. – Кажется, в Бактре напрасно говорили, что сын Гистаспа слаб, точно ягнёнок, и послушен могущественным советникам, как раб. Этот человек правит сам. Впрочем, посмотрим…»

– Я слышал о тебе, – сказал царь, глядя прямо в глаза полководца. – Ты хорошо служил моему дяде Камбизу.

Он показал руками на ковры. Датис и Гобрия сели. Дарий помолчал, постукал ногтями по рукояти кинжала и вдруг выругался, как ремесленник. Датис разинул рот. Гобрия понимающе кивнул и усмехнулся.

– Сто сорок дней назад, – заговорил Гобрия, – ты, господин, приказал мне: «Гобрия,

иди на север, узнай всё, что может узнать человек, о племенах массагетов. Ровно через сто сорок дней ты будешь здесь и расскажешь мне о том, что видел и слышал…» Я пошёл на север с купцами Бактра. Я узнал о племенах массагетов всё, что можно было узнать о них. И вот я вернулся. Слушай же, господин…

Дарий вытянул шею. Гобрия прислонился горбом к столбу, обхватил руками колени и закрыл глаза, чтобы отчётливей восстановить в памяти всё, что он видел и слышал в далёких краях.

– Страна массагетов лежит у моря Вурукарта. В море Вурукарта впадают Аранха и Яксарт (Амударья и Сырдарья). Подходя близко к морю, Аранха и Яксарт распадаются на сто рукавов и образуют болота, заросшие тростником и кустарником. Дорога там опасна для человека: в чаще бродят шакалы и тигры. К югу от моря, слева от Аранхи – пустыня Чёрные Пески. К юго-востоку, между Аранхой и Яксартом, вторая пустыня – Красные Пески. В Красных Песках возвышаются горные кряжи. Один синеет напротив Хорезма, справа от Аранхи. Другие – в глубине пустыни.

Вурукарта – Аральское море.

Гобрия передохнул, бросил на Дария косой взгляд. Царь слушал советника, сцепив зубы, словно его изнутри мучила острая боль.

– Люди там обитают всюду – в пустыне, в горах, на островах, среди болот, – снова заговорил горбун. – Жители страны называют себя «маза-гета» – великие геты. Они делятся на семь племён: саков-хаумаварка, дербиков, хорезмийцев, апасаков, яксартов, тохаров и авгалов. Некогда все массагеты входили в Хорезмское царство. Ныне многие общины живут сами по себе.

Датис слушал рассказ мудреца, не пропуская ни одного слова, – он старался понять, для чего нужны Дарию сведения о массагетах. Последние слова горбуна пробудили в памяти Датиса недалёкое прошлое. Датис хорошо знал, почему многие из массагетов с некоторых пор жили «сами по себе».

Первым из иранцев столкнулся с массагетами Кир, основоположник Персидского царства. Одно десятилетие и ещё три года назад Кир попытался привести к покорности саков-хаумаварка и дербиков, о которых упомянул мудрец. Поход окончился плачевно – массагеты отрубили царю персов голову. Камбиз, сын Кира, отомстил сакам-хаумавар-

ка и дербикам за отца и подчинил их власти ариев. Более всех повезло племяннику Камбиза, удачливому сыну Гистаспа, вот этому самому, что сидит сейчас перед горбуном. Он без войны подчинил Хорезм, Страну Солнца, угрожая хорезмийцам поголовным истреблением. После этого и отпали от Хорезма племена массагетов.

Итак, уже три массагетских племени покорились властителям Ирана. Наступило, кажется, время, когда и над другими массагетами засверкают острые мечи персов-ариев.

«Так вот они, «хорошие новости!» – Датис вытаращил глаза: так изумила его неожиданная догадка. – Значит, скоро в поход! Не за этим ли меня сюда привезли?!»

– Все эти племена имеют свои постоянные места обитания, – продолжал горбун. – Ближе всех к Ирану – саки-хаумаварка. Они кочуют между Мургабом и Аранхой. По берегам среднего течения Аранхи – владения дербиков. Ниже по реке находится земля хорезмийцев. Однако, господин, тебе хорошо известны эти племена. Они – твои данники. Скажу о других массагетах.

– О тех, которые живут… э-э… сами по себе, – вставил царь.

– Именно так, господин! Следующее крупное племя массагетов – апасаки. Они населяют страну болот. Тохары и авгалы осели на восточных берегах моря Вурукарта. Яксарты – на среднем Яксарте; эта река получила название от них. Занятия массагетов разнообразны. Одни роют каналы, копают землю и выращивают плоды. Другие пасут скот, питаются молоком и мясом. Иные охотятся на зверя. Массагеты говорят на разных наречиях. Язык саков-хаумаварка, хорезмийцев, апасаков и яксартов сходен с говорами Согда, Бактра, Марга, а также Ирана. Дербики, тохары и авгалы говорят по-фракийски, но хорошо понимают и наречие хорезмийцев. Обычаи массагетов одинаковы. Во главе рода и племени стоят вожди. Старейшины владеют богатствами, однако без доброго согласия простых воинов не делают ничего. Все важные дела массагеты решают сообща и для этого собираются в круг. Они поклоняются богу солнца Митре, богине земли Анахите и Священному Мечу, которому приносят в жертву пленных врагов. Племена массагетов – крупные, каждое выставляет на поле до десяти тысяч воинов. Все массагеты – отчаянные наездники, стреляют из луков без промаха. Трусов массагеты презирают, воинов же, погибших не от меча или стрелы, а от болезни, считают нечестивыми и бросают зверям на съедение. Никто не покорит массагетов, – твёрдо заявил горбун, заканчивая рассказ, и, не без умысла помолчав, угодливо добавил: – Кроме тебя, господин…

***

– Что влечёт купца по опасным тропам? – пробормотал Отанес. – Что гонит кочевого вождя купцу наперерез? Что заставляет сына вождя подать отцу, возвратившемуся с добычей, кубок с отравленным вином?

– Забота о благе народа! – воскликнул Гобрия.

– Он меня сразил! – Отанес едва удержался от смеха. – Лучше бы сказал: «жажда обогащения». Э! Все цари были не только воителями, но и торгашами, однако такого алчного человека, как сын Гистаспа, мир ещё не знал. Почему мы называем его царём царей? Вернее сказать: «царь торгашей»!

Отанес недаром назвал повелителя торгашом. Под игом Дария стонали племена персиды, мидяне, обитающие на юге от Гирканского моря, эламиты, что живут по реке Карун, притоку Тигра, ассирийцы, населившие области Верхнего и Нижнего Заба, мидяне, земля которых находится на западе Малой Азии, каппадокийцы с Галиса, греки-ионяне с Энглейских островов, люди Киренаики, расположенной в Северной Африке, мудрецы-египтяне, горцы-армяне, финикийцы с восточного берега Великого Моря Заката, парфяне из пустыни Дешт-и-кевир, эфиопы из страны, лежащей вокруг озера Тана, маргиане, хорезмийцы, гедрозы, сагарты, карманы, саттагуши, народы Арианы, Палестины, Бактра и Гандхары, но Дарию этого не хватало.

Дарию принадлежали обширные дачи с великолепными виноградниками, пашнями и пастбищами. Дарию принадлежали крупнейшие в государстве ремесленные заведения. Дарию принадлежали сотни тысяч рабов – землекопов, каменотёсов, древоделов, башмачников, гончаров, оружейников, ювелиров, швейников, медников, ткачей и виноделов. Но царю этого не хватало.

Амбары царя ломились от зерна, масла, вина и плодов. Сокровищница его была набита сапфирами, рубинами, изумрудами, лазуритом, горным хрусталём, сердоликом, ониксом, агатом, янтарём, жемчугом и перламутром. Доход повелителя персов составлял в год четырнадцать тысяч пятьсот шестьдесят талантов, или около тридцати миллионов мер жёлтого металла. Золото, захваченное во всех уголках мира, по воле царя заливали в глиняные сосуды, и оно лежало в каменных подвалах Дария мёртвым грузом, тогда как народы покорённых стран прозябали в нищете. Но сыну Гистаспа этого не хватало!

– Да, забота о благе народа! – продолжал между тем Гобрия. – Помните ли вы, как однажды саки-тиграхауда напали на Мидию и разгромили селения наших братских племён? Отомстим же сакам за их набег!

Сын Гистаспа поднялся с трона. Глаза его засверкали, как у голодного волка. Все замерли от страха. Дарий сделал шаг вперёд и зашипел в лицо Отанеса:

– Разве я владыка нищих? Что мне народ? Да пропадёт он пропадом! Вас-то я не притесняю? Не раздаю ли я вам земли, золото и рабов? Не мне ли вы обязаны своим блеском? Чем вы были бы при Гаумате? Я говорю это всем вам, тут сидящим! Если бы не я, вы лизали бы пятки индийским жрецам! И вы ещё выражаете возмущение? Сын Гистаспа плох для вас? Вместо хвалы и благодарности вы чините препятствия на моём пути? Эй, «бессмертные»!

Послышался грохот каблуков. Во всех дверях заблистали секиры.

– Слушайте меня, достойнейшие мужи страны Арнан-Ваэджа! – Дарий криво усмехнулся. – Мне надоело словоблудие. Поэтому я буду краток. Дарий, сын Гистаспа, Ахеменид, идёт на массагетов. Понятно это вам? Кто не хочет войны, может уйти. «Бессмертные» проводят.

Старейшины застыли на местах, как идолы, стоящие на террасе царского дворца.

– Что же вы? – Дарий прищурился. – Идите…

– Куда они пойдут? – взревел Датис. – Все согласны с твоим решением, господин!

– Да? Но я этого не вижу!

Совет Старейшин в едином порыве пал ниц перед повелителем.

Домашнее задание

Схематично изобразите карту местности, о которой рассказал Гобрия царю Дарию I.

Читаем продолжение произведения

***

Они шли по стану. Персы точили ножи, чинили сбрую, играли в кости. Некоторые стонали под шубами – воинов косила болотная лихорадка. На башнях городища, которое ещё недавно принадлежало Кунхазу, дремали дозорные. Там и сям звучали заунывные песни, рокотал бубен. Люди работали, ходили и развлекались как бы в полусне, зевая от скуки.

«Зажирели, – отметил Ширак и тотчас забыл об окружающем. Он чувствовал – горбун готовит ему ловушку. Может быть, страшную. – Ничему не удивляйся! – твердил себе Ширак, сцепив зубы. – Стой крепко, как скала, даже если перед тобой поставят… живую Фароат!»

Мысль эта была так дика и нелепа, что пастух едва удержался от крика. Ширак разом ослаб, колени его задрожали. Он лёг бы на землю, зарылся головой в песок, чтобы ни о чём не думать. Но горбун – Ширак это чувствовал каждой жилкой – зорко следил за ним, подмечая малейшие изменения в выражении его лица, глаз и губ. Нечеловеческое напряжение заставляло Ширака спокойно переставлять ноги, непринуждённо размахивать при ходьбе руками и смотреть только вперёд, напустив на лицо равнодушие дикаря. Все чувства и мысли постепенно отошли куда-то в сторону. «Не выдай себя!» – вот что заполняло всё существо Ширака.

Он успокоился и даже повеселел. На губах его мелькнула такая же змеиная усмешка, как у горбуна. «Шакал, – злорадно выругался Ширак про себя. – Посмотрим, кто кого поймает». От мудреца не укрылась усмешка пастуха. Гобрия насторожился.

– Ты… чем доволен?

Ширак принял вид человека, очнувшегося от своих дум.

– Я вижу меч в животе Сохраба, – сказал он, скаля зубы. Дорого стоила пастуху выдержка! Пальцы его посинели, на лбу выступили капли ледяного пота.

Они стояли у дырявого шатра, окружённые телохранителями и военачальниками. В тени палатки дремал, опустив голову, человек в цепях и отрепьях.

– Это сак, – сказал горбун лукаво. – Он знаком тебе?

Человек поднял голову. Жилы Ширака натянулись, как тетива лука, язык прилип к гортани. Прямо в глаза ему глядел… Кунхаз…

«Жив! Неужели выдаст? Сейчас закричит, назовёт моё имя», – разом пролетело в голове Ширака.

– Он не нашего племени, – сказал Ширак спокойно. – Я никогда не видел его.

– Может, он тебя знает? – улыбнулся горбун. – Эй, ты, подойди сюда.

Кунхаз не шевельнулся.

– Подведите, – сердито бросил горбун телохранителям. Те подхватили Кунхаза под мышки, приволокли и поставили перед Ширaком. Кто бы поверил, что старик с чёрными провалами щёк, оскаленным ртом и гноем на глазах – старейшина апасаков? Но Ширак не ошибался. Безобразные черты пленника ещё хранили жалкие намёки на былую пригожесть. Они воскрешали образ Фароат.

– Тебе знаком сей человек? – Горбун брезгливо ткнул Кунхаза палкой в плечо и кивнул на Ширака. Кунхаз всмотрелся в глаза Ширака… и встрепенулся! Оба глядели друг на друга одно мгновение. Однако оно показалось им долгим, как век. И многое они сказали без единого слова.

Кунхаз: «О Ширак! Ты жив!.. Ты пришёл ко мне, моё дитя. Тебя тоже схватили. Вот какой вышла встреча. Давай же обнимемся, мой сын».

Ширак: «Стой! Не узнавай меня, отец, не узнавай меня. Иначе я пропал!»

Кунхаз: «А-а… Тебя послал Сохраб? Понимаю, Ширак, понимаю! Я не выдам тебя, моё дитя, не выдам. Но где Фароат?»

Ширак: «Не говори о Фароат. Она там, куда иду я».

Кунхаз: «О боги! Я готов кричать! Но я смолчу… Я смолчу, пускай сгорит моё сердце. Ладно, Ширак. Иди, делай дело, которое доверили тебе массагеты. Отомсти за Фароат, отомсти за меня. Прощай, Ширак».

Ширак: «Прощай, отец. Я отомщу за тебя…»

– Не знаю этого щенка, – пробормотал Кунхаз.

Он устало опустился на песок. Ширaку не хватало дыхания, но на лице не промелькнуло даже тени. Горбун оскалил зубы от удовольствия.

– Саки – твои враги. Обнажи кинжал, отруби голову старейшине лягушек.

Это было выше сил! «А! Песня жизни спета до конца. Начинается пляска смерти. Пока схватят – четверых, пятерых…» – лихорадочно соображал Ширак, чувствуя животом тёплую рукоять кинжала. Миг! Один миг остался до последнего шага. Великим напряжением воли Ширак успокоил себя. «Ширак оказался дураком, он провалил наши замыслы», – сказал бы завтра массагетам старик Сохраб. Вот что удержало пастуха от непоправимого поступка. Он криво улыбнулся.

– Прости, господин. – В голосе пастуха царедворец уловил обиду. – Массагеты не оскверняют мечей кровью дряхлых стариков!

«О Ариман! – Горбун закусил губу. – Он сразил меня своим благородством».

– Хорошо. Иди отдохни в палатке. Дайте ему вина, мяса дайте. Будет нужно – я призову тебя, Кавад…

Персы ушли. Ширак схватился за лоб и бросился на циновку. Хорезмиец боялся, что голова не выдержит боли и разлетится вдребезги! Он грыз циновку, еле сдерживая себя от вопля. Взрыв бешенства был завершением того небывалого напряжения, которое испытал Ширак при встрече с Кунхазом. Мозг пастуха впервые получил тяжёлую нагрузку, и это не прошло даром.

Собрав жалкие остатки воли, Ширак взял в руки кувшин с вином и, захлебываясь, осушил его до дна. Он ощутил в груди приятное жжение. Успокоение пришло само собой.

Всю ночь сидел пастух в палатке, слушая мерные шаги стражи. Приступ полудетского отчаяния был последним шагом на пути Ширака к зрелости. Пришло радостное ощущение полноты и силы. Сердце билось ровно и спокойно. Голова была ясна, мозг рождал мужественные мысли.

«Скоро не будет меня, – размышлял сын Сохраба. – Жалко себя?»

Ширак вздохнул. Зрелым сознанием он понимал, какое необъяснимое наслаждение – чувствовать босыми ногами тёплую землю, шершавыми пальцами притрагиваться к вещам, видеть необъятное небо, слышать писк крохотного комара. Это – мир человека, уйти из него – жалко до слёз.

«Но страшно ли? – Ширак прислушался к себе. – Нет, не страшно. Скоро – конец, а страха нет во мне. Даже весело. Почему так?»

Ширак обхватил колени руками, закрыл глаза, опустил голову и стал потихоньку раскачиваться направо и налево. Мысли потекли более плавно и размеренно. Перед внутренним взором кочевника возникли пески, заросли тростника, стоянки пастухов, поселения земледельцев, тысячи мужчин, женщин и ребятишек. Затем он увидел себя, скорченного, в чужой палатке, далеко от Сохраба и от соплеменников. Пастух содрогнулся. Если бы не было крепких уз между ним и теми тысячами людей, которых он увидел мысленно, Ширак взвыл бы от ужаса перед лицом грядущего конца!

Так вот оно в чём дело! Конец не страшит человека, если он умирает за других. Человек знает: тысячи мужчин, женщин и ребятишек сейчас также думают о нём, не смыкая глаз. Тысячи думают об одном, один думает о тысячах. Тысячи заботятся об одном, один заботится о тысячах. Один за всех, все за одного. Вот почему страха не знает никто: ни тысячи, ни один человек!..

Ширак вспомнил слова отца: «Человек рождается для подвига». Заново осмыслив эти слова, пастух добавил от себя то, что постиг сегодня своим разумом: «во имя людей».

Ширак рассмеялся, как дитя, которому неожиданно преподнесли подарок, упал на циновку и безмятежно проспал остаток ночи.

Рано утром Дарий созвал приближённых на совет. Горбун уже не сомневался в преданности пастуха, но царь ещё колебался. Кто знает, чем закончится поход? Ахеменид не решался на него без доброго согласия опытных полководцев.

Предводители отрядов заполнили шатёр и заняли места согласно чину и положению. Их глаза говорили, что царедворцев несказанно обрадовало появление перебежчика. Топтание на месте и внезапные нападения свирепых кочевников тяготили всех. Приход пастуха мог внести в события крупные перемены.

– Дайте слово, – прогудел Датис.

– Говори.

– Ахурамазда обратил на нас… э-э… свой благосклонный взор! – Полководец с трудом произнёс слишком длинную для него фразу. – Он внушил этому дикарю… э-э… хм… Словом, пастух поведёт нас на стан врага. Наши мечи добудут то… э-э… к чему лежит твоё сердце.

Ахеменид не понимал, говорит ли Датис так, как чувствует, или просто хитрит. Быть может, он ухватился за перебежчика ради избавления от гнева царя? Но Дарию самому надоело бездействие. Ещё месяц, и саки по два-три человека уничтожат половину персидского войска. Сын Гистаспа раздумывал недолго.

– Да будет так, – сказал он важно. – Эй, приведите пастуха!

Ширак выглядел спокойным, даже весёлым.

«От вина», – подумал царь. Он окинул могучие плечи пастуха оценивающим взглядом и спросил:

– Тебя хорошо накормили?

– Да, господин. У тебя вкусное вино.

– Хм… Ты, я вижу, охотник до него?

– Нравится, – простодушно ответил пастух.

– Так слушай, как тебя?.. (– Кавад! – подсказал Гобрия). Слушай, Кавад. Сегодня мы выступаем. Если поход закончится благополучно, я богато награжу тебя и сделаю важным человеком в стране массагетов.

Лицо пастуха просияло.

– Головы не пожалею для тебя, господин!

Полководцы недобро глядели на ладного дикаря, предвидя в нём будущего царского любимца.

– Итак, в поход! – обратился Дарий к военачальникам. – Удар могуч втройне, когда он обрушивается внезапно. Поэтому идти надо быстро. Воины хорошо отдохнули, мы преодолеем пески за четыре солнца. Добычу и пленников оставим в городище Кунхаза под охраной особого отряда. Чтоб людям и лошадям не было тяжело, возьмём воды и мяса только на четыре дня. Так я говорю?

Запели трубы. Войска выступили в поход. Воины ликовали – наконец-то! Будет битва, будет богатая добыча! Тысячи глаз глядели вперёд, туда, в неизвестное, где резвятся на лугах жеребята, где тохарские девушки поют над рекой свои тягучие песни.

Медленно шли завоеватели по равнине. Толпы, несметные толпы вооружённых мужчин! Если б в их руках были не мечи, а мотыги, они за час разнесли бы гору или вырыли ложе для озера. Но эти люди, которых природа создала для труда, люди, место которых – под кровом родного дома, не думали сейчас ни о заброшенных пашнях, ни о покинутых жилищах. Их одурманило слово хитрого жреца. Их отравила жажда наживы. Их устрашила кара за неповиновение. И вот они шли по воле одного человека, шли скопище за скопищем по чужой стране, шли, сами не зная куда, не зная, что их ждёт завтра или послезавтра.

Проводник шагал впереди войска по древней тропе пастухов. Она огибала холмы, петляла на дне извилистых оврагов и зияла, как шрам, на глади такыра. На пути белели кости животных. Ветви чахлой полыни источали запах яда. Тропа Гнева – так называли массагеты дорогу, по которой Ширак повёл полчища Дария. Она пересекала места настолько бесплодные, что народ верил: то гнев самого Митры, великого бога Солнца, истребил вокруг все существа, летающие и ползающие.

Пустыня, пустыня! Бурая, пятнистая земля кажется выстланной облезлыми шкурами верблюдов. Малейшее дуновение ветра – и сухие кусты ферулы скачут по дюнам, точно антилопы. Такова эта страна – страна, где живое становится мёртвым, а мёртвое движется, бродит, ищет чего-то, как живое. Пустыня, пустыня! Лучи, падающие сверху широким потоком, подобны струям расплавленного железа. Они ослепляют человека. От них глухо стучит в ушах, точно где-то ударяют в бубен. От них на губах выступает

пена. От них слабые сходят с ума. Пустыня, пустыня! Под круглыми ступнями дромадеров скрипит, скрипит и скрипит песок. Хрипят кони, трубят слоны. Люди кричат и проклинают пустыню.

Наступил вечер. Воины разбили палатки и заснули, не разжигая костров. Рыбаки, проводящие время от зари до зари на море, даже во сне видят воду, воду, нескончаемые пространства воды! Так и персы видели сегодня во сне песок, волны песка, реки песка, океаны сыпучего песка, заполнившего мир. Песок! Песок! Песок! Он угрожающе наплывал из мрака на спящих, и в лагере то здесь, то там раздавались стоны воинов, утомлённых переходом.

Между тем сын Гистаспа и его советники пировали в царском шатре. Ширак получил из рук самого Дария кусок мяса и кубок вина. А горбун, «чтобы пастух не скучал в одиночестве», приставил к его палатке четырёх рослых мидян. Они, очевидно, из любви к Шираку, до рассвета не смыкали глаз.

На заре по лагерю распространился слух: около двадцати ассирийцев погибло от яда чёрных пауков. Пустыня! Миновали всего одни сутки, как войско выступило в поход, но она уже показывает свои острые зубы! Люди впали в уныние. Поев холодного мяса, воины, отряд за отрядом, снова пошли по тропе на восток.

Массагет, как и вчера, шагал впереди. Ступни проводника, обутые в мягкие сапоги, глубоко утопали в песке. Но пастух двигался легко и быстро. Зато воители, от плеч до бёдер увешанные тугими луками, колчанами, полными стрел, тяжёлыми топорами, длинными пиками и плетёными щитами, едва тащили ноги. Солнце раскалило медные панцири. Даже лёгкое прикосновение к ним оставляло на ладонях волдыри. Наёмники задыхались в своих сплошных бронзовых кирасах и глухих коринфских шлемах, но не снимали доспехов: обоз оставался в главном лагере, и каждому приходилось нести снаряжение на себе. Люди пили не переставая. Запас воды иссякал на глазах.

Стемнело. Персы снова разбили палатки. На этот раз повсюду запылали огни – страх перед чёрными пауками никому не давал покоя. Несмотря на костры, всех трясло от холода. Пустыня! Днём тут невыносимо жарко, ночами нестерпимо холодно. Люди стучали зубами и вспоминали о полуденном зное, как о благе.

Назавтра, когда солнце поднялось на высоту копья, пастух уловил в необыкновенно сухом воздухе запах пыли. Далеко на юге, над краем земли, вырастала туча. То была не тяжёлая и тёмная дождевая туча – по пустыне шла быстро рассеивающаяся вокруг удушливая мгла красноватого цвета. Гребни дюн пришли в движение. Под ногами воинов зашуршали струи песка. На войско обрушился ураган. Люди, верблюды, кони, слоны и мулы потонули в облаках поднявшегося кверху горячего песка. Рёв урагана смешивался с воплями животных.

Буря прошла, но ещё долго персы видели на коричневом небе жёлтое пятно вместо солнца. Ураган убил четыреста эллинов, не знавших, что такое пустыня. Однако не в этом было самое страшное. Жаркое дыхание урагана высушило и сморщило мехи для хранения воды. Они гремели, как пустые тыквы. Песок так раскалился, что если бы ящерицу остановили на бегу, она погибла бы в одно мгновение. Обессиленные люди лежали на дюнах, как трупы.

– Редко случается такая буря, – прохрипел Ширак, отряхивая шаровары. На зубах его скрипел песок.

Узнав о том, что запас воды исчерпан, Дарий разорвал на себе хитон.

– Воды уже нет, а твоих рек не видно!

«Начинается», – сказал себе Ширак. Но страха не было. Пастух по-детски радовался – дела шли как надо.

– Господин! – Ширак вздохнул. – Мы идём три дня. До рек ещё одно солнце пути. Разве я виноват, что вода высохла? Кто знал, что нас застигнет ураган?

«Пошёл в Красные Пески на одно солнце – запасай воды на четыре дня», – добавил пастух про себя.

Царь призвал полководцев. Возвращение – вот о чём говорили на совете. Однако городище Кунхаза, где персы оставили обоз, отстояло в трёх переходах отсюда, тогда как до рек и лугов, по словам перебежчика, придётся идти всего «одно солнце». Предводители отрядов решили: направимся вперёд, на восток.

Но после бури люди так ослабли, что царь, скрепя сердце, повелел сделать привал до утра. Греки, у которых пустыня отняла четыреста соплеменников, долго сидели на земле и причитали. Никто уже не пировал. С Ширака не спускали глаз. В темноте персы не видели выражения лица пастуха, и Ширак без опаски улыбался. Дарию отрезаны все пути назад.

Обсудим вместе

1. Почему дорога, которой повёл Ширак войско Дария, называется тропой гнева?
2. Зачем так подробно автор описывает богатства Дария?

Домашнее задание

Найдите в тексте описание пустыни. Укажите изобразительные средства, использованные автором.

Читаем продолжение произведения

Наутро войско встало с трудом. Люди уныло собирали снаряжение и нехотя занимали в рядах свои места. Дарий посоветовался с горбуном и приказал бить в бубны и дуть в дудки, чтобы развеселить людей. Грохот барабанов и верещание зурн выводили воинов из себя. Они осыпали музыкантов проклятиями.

– Потерпите! – подбадривали воинов предводители. – Вечером у вас будет столько воды, сколько захотите.

И воины терпели и шли, так как ничего другого им не оставалось делать. Иногда перед ними возникали вихри. Тысячи всадников, пращников, щитоносцев, копейщиков и пеших лучников разом замирали на месте и ждали, когда крутящиеся столбы жёлтой пыли пройдут мимо или рассеются.

– То злые духи бродят по пустыне, – говорили азиаты. – Плохо тому, кого заденет вихрь. Рано или поздно его постигнет несчастье.

Как бы в подтверждение этих слов после полудня на самом деле случилась беда. Два боевых слона, которых персы неблагоразумно взяли в поход через пески, взбесились от жажды. Их резкие крики раздирали воинам слух. Огромные животные, словно сговорившись, одновременно бросились на людей. Они взмахивали мощными хоботами и срывали лучников с колесниц, как некогда срывали плоды с кустарников там, на далёкой родине. Увязая по колено в песке, топтали пращников, как топтали молодых крокодилов в тёплых реках на юге. Распарывали бивнями животы арабских скакунов, как делали это с дикими буйволами в тропических зарослях по берегам Брахмапутры. От пятидесяти человек осталась груда растерзанных, раздавленных, окровавленных тел.

Персы сняли с боевых колесниц дышла с огромными кривыми кинжалами на концах, напали со всех сторон на взбесившихся животных и убили сначала одного, потом другого. Гандхары, которым слоны напоминали об отчизне, плакали над их трупами, как дети.

– Воды! Воды! – это слово не сходило с уст тысяч воинов. Но летом нет воды в пустыне. Надрывайся от крика, хватай за горло себя и других – нет воды. Бери кинжал, кромсай всё вокруг – нет воды. Падай на песок, барахтайся в нём, обжигая руки, лови оскаленным ртом его сухие струи – нет воды! Это пустыня! Это пустыня…

– Быстрее, быстрее! – ворчал Ширак. – Впереди вода!

Пастух знал, по следам персов, от одного тайного колодца к другому, движутся отряды массагетов. Он твёрдо помнил наказ отца – вести врагов так, чтобы они на каждом шагу теряли силы, и заманить их как можно дальше в пустыню. Сын Гистаспа ошибался, полагая, что идёт с войском к Новой Реке. Новая Река находилась на северо-востоке от городища Кунхаза, а Ширак увлекал персов прямо на восход солнца, в безлюдные просторы Красных Песков.

Представ на днях пред очами Дария и выдав себя за человека, оскорблённого массагетами, Ширак верно указал царю и советнику место, где находилась Белая Дюна. Он также без обмана назвал сроки переходов от городища Кунхаза до Белой Дюны. Иначе его сразу бы разоблачили, потому что персы, как догадывался пастух, уже имели некоторые сведения о том, где скрывается Сохраб. Обман таился в чертеже. На нём пастух, помня советы отца, умышленно исказил облик страны и умело сместил Новую Реку на восток. Даже мудрец Гобрия не поймал пастуха на этой хитрости.

Персы не дошли к вечеру до реки – впереди, как и утром, лежала пустыня.

– Где же вода? – Удар бича окровавил голую спину Ширака. – Где луга?!

Ширак скривился от боли.

– Господин! – воскликнул он с отчаянием в голосе. – Почему ты обидел бедного пастуха? Разве он не стремится к реке, как и все вы? Ты несправедлив ко мне, господин. Вспомни – перед походом я говорил: «До Новой Реки шесть переходов». Ты сказал: «Воины хорошо отдохнули, дойдём за четыре дня». Но посмотри, как шагают ваши люди! Если они будут брести, словно хромые верблюды, нам не дойти до реки и за десять переходов!

Ахеменид бешено скосил глаза на Гобрию. Горбун задумчиво проговорил:

– Он прав… пока. Мы ползём, словно черепахи, надо идти до тех пор, пока на небе не покажутся звёзды.

Помолчав, он жёстко добавил:

– Не давай пастуху ни воды, ни мяса. Проголодается – быстрее до места доведёт.

Телохранители Дария везли несколько серебряных кувшинов с водой для царя и главного советника. По чаше в сутки получал и проводник. Мудрец лишил его этой милости.

Выслушав горбуна, царь пробормотал проклятие и приказал предводителям отрядов идти вперёд, пока небо не прожгут вечерние звёзды. Войска покрыли ещё три парсанга и полегли от усталости. Несмотря на страшное утомление, воины долго не спали, размышляя о завтрашнем дне. Эти люди прошли немало суровых дорог и видели немало бед. Никто не верил, что тут, в песках, наступит их конец. Жить на свете срок или пятьдесят лет и умереть только потому, что в бурдюках случайно нет воды – воды, которой так много на земле, воды, которой воины всего четыре дня назад обмывали свои грязные руки и потные лица? Нелепо!

На рассвете все были на ногах. Каждый знал, что сегодня-то он дойдёт, наконец, до благословенных рек и лугов!

Но и пятый день похода не принёс утешения. В час, когда злобное массагетское солнце повисло на середине безоблачного неба, над краем земли вдруг возникло марево. Стена плотного, насыщенного летучим прахом раскалённо-белого воздуха отразила на себе, как зеркало, достоверно существующие, но далёкие отсюда зелёные кущи и луга. Десятки тысяч воинов бросили оружие и снаряжение и беспорядочными толпами побежали на север, протянув руки к зыбким небесным садам и рекам. Видение исчезло. Люди рыдали от горя.

– Нас обманывают злые духи, – говорили изумлённые эллины и фракийцы. Даже персы, дети знойных бесплодных гор, и арабы, рождённые в песках, пали духом. После этого уже никто не верил в голубые озёра, возникающие вдали, – то были котловины, заполненные горячим воздухом. Войско едва ползло. Людям казалось, что они идут уже месяц, идут год, десятилетия – вечно идут по пескам! Никогда ничего не было – ни городов, ни рек, ни цветов! Была, есть и будет пустыня! Пустыня! Пустыня…

Огромные мёртвые пространства жёлтых песков и угнетающе чистого неба, шорох скудных трав под ногами, клубы пыли, с утра до ночи упрямо лезущей в глаза, нос, рот и уши, резкая смена зноя и холода и неугасимое пламя жажды, сжигающее нутро, – всё это необыкновенно раздражало воинов. Люди не выносили звука человеческой речи. В ответ на самое безобидное слово угрожающе сверкали зубы и ножи. Непослушных мулов остервенело били ногами или обухами боевых топоров. Тугие узлы никто не развязывал – их злобно разрубали мечами. На коротких стоянках завязывались стычки. Персы избивали мидян, мидяне убивали эллинов, эллины пускали в ход кинжалы против ассирийцев. Воины гонялись один за другим по лагерю, воздух сотрясался от брани, и телохранители царя применяли бичи, а иногда – и секиры, чтобы навести порядок.

На пути Ширак изредка замечал черепах, и сердце пастуха сжималось от горя. Он верил, что душа Фароат, происходившей из рода Черепахи, перешла после смерти в одно из этих странных существ. «Не она ли глядит на меня вон там, на дюне?» – думал Ширак, с трудом удерживая рыдание.

На закате шестого дня похода в пустыне произошло необыкновенное событие. Когда передовые отряды вступили в узкую, угрюмую лощину, кто-то завыл на барханах нечеловеческим голосом. Песок под ногами воинов пронзительно заверещал, где-то запела флейта, глухо загремел гром. Персы остолбенели. Шум сразу прекратился. Но едва проводник сделал шаг, пески снова тоскливо и жутко запели.

– Обиталище дайвов! – Эти слова в одно мгновение облетели все отряды. Воины оцепенели от ужаса.

Коэс, удивлённо тараща глаза, набрал песок в горсти. Песок, стекая между его пальцами, свистел и визжал.

– О Афина-Паллада! – испуганно воскликнул грек, торопливо отряхивая ладони.

К Дарию, бледному, точно мрамор, подбежал старик араб в сером шерстяном плаще. При каждом шаге лучника песок под его ногами то злобно лаял, как овчарка, то хрюкал, подобно дикой свинье, то ухал, словно филин.

– Это голос властелина пустыни! – прошептал араб, вздрагивая от страха. – Я слышал его там, на родине, в песках Руб-эль-Хали. Принеси в жертву трёх белых верблюдов и быстро уходи отсюда. Иначе нам будет плохо!

Персы привели верблюдов-альбиносов, считавшихся священными, окропили кровью животных поющие пески и поспешно покинули таинственное место.

«Духи Красных Песков помогают мне! – ликовал Ширак, хотя и сам испугался поющих песков. – Это они наслали на врага ядовитых чёрных пауков. Это они подняли бурю. Это они обманули персов садами, сотканными из воздуха. Значит, боги не сердятся на меня за то, что я совершил клятвопреступление. Боги знают, для чего я произносил перед персами имена Земли и Солнца».

– Шестое солнце на исходе! – Дарий рванул к себе верёвку, на которой вот уже два дня вели Ширака. – Где Новая Река?..

Окрик Дария вывел пастуха из себя. Он остановился и заскрежетал зубами.

– О Митра! Зачем я повёл в пески этих жалких овец! Они ползут, как улитки, и ещё обвиняют меня в том, что мы не достигли воды! – Ширак стиснул кулаки. – Если вы, дети собак, оскорбите меня ещё раз, я перережу вам глотки! Вы не можете идти быстрее? Так подыхайте же в пустыне! С меня хватит. Я устал. Если хотите, убейте меня.

Ширак сорвал с плеча верёвку, швырнул её в повелителя мира и тяжело опустился на песок. Его, как и всех, томили голод и жажда. Он хотел сейчас одного – покоя, глубокого полного покоя.

– А-а! – зарычал Ахеменид. – Ты вот какой! Бейте его! Бей…

Сын Гистаспа едва не подавился собственным бешенством. Телохранители царя выхватили мечи и бросились к пастуху, но в это мгновение над ними засвистел бич.

– Назад! – завопил Гобрия и снова замахнулся бичом. Телохранители отступили.

– Владыка мира погорячился, – зашипел горбун. – Он отменяет своё повеление. Понятно? Если проводник умрёт, кто выведет нас из пустыни, дети праха? Берегите пастуха, как мешок золота! А ты, массагет, – обратился мудрец к Шираку, – держи себя скромно, как подобает слуге царя. Ты устал? Эй! Налейте ему три чаши воды! Пей, пастух, и помни: если завтра мы не дойдём до реки, я своими руками вырву твои глаза!

Когда царь успокоился, горбун прошептал ему на ухо:

– Надо идти в темноте, до утра. Войско погибнет, если мы не доберёмся к реке на рассвете. Объяви привал, Датис!

По приказанию горбуна телохранители царя надели на руки перебежчика тяжёлые бронзовые цепи. После короткого отдыха резко запели трубы. Но отряды не подавали признаков жизни. Предводители стали поднимать воинов ударами палок. Люди вставали, проклиная всех духов, добрых и злых, и тут же со стоном падали на песок. В середине войска внезапно, словно пожар в сухой степи, вспыхнул бунт. Гандхары и асваки, не забывшие о гибели слонов, схватились за секиры. К индийцам присоединились египтяне и три сотни арабов. За годы службы вдали от родины люди накопили в сердцах неистовую злобу. Сейчас она вырвалась наружу. Размахивая топорами, две тысячи воинов ринулись к палатке царя.

– Бейте Дария! Зачем он завёл нас в пески?

– Пусть он сам ищет золото в чужой стране!

– Уйдём к сакам!

Ахеменид растерялся. Сейчас бунт перекинется во все отряды! Самым страшным было то, что воины-персы спокойно взирали на происходящее, а кое-кто даже примкнул к мятежникам! Дарий умоляюще протянул руки к советнику. Мудрец, не теряя времени, бросил на мятежников отряд «бессмертных». Усталых людей окружили и расстреляли из луков. Устрашённые этим зрелищем, воины двинулись, наконец, вперёд. Полки шли вразброд, подобно отарам голодных животных, и причитания воинов напоминали блеяние овец. Орда текла по дюнам, взметая тучи пыли, и над лесом бесполезных сейчас длинных пик летали стаи неведомо откуда взявшихся ворон.

Всю ночь брели персы, и звёзды с удивлением смотрели с холодного неба на тёмные скопища, ползущие по земле неизвестно куда. Тысячи воинов, лошадей, верблюдов, мулов и колесниц отстали в пути, но сын Гистаспа, ради спасения главных сил, не задерживался ни на одно мгновение. Он устал до отупения и не думал уже о массагетах. Единственным его желанием было спасение войска. Мудрец ехал рядом с царём и настороженно следил за Шираком. Пастух понуро шагал между всадниками из личной охраны Дария.

«Неужели обманул? – терзался Гобрия. – Невозможно! Чтобы пастух, который не видел ничего, кроме песков, обманул Гобрию, главного советника величайшего в мире царя? Кто в это поверит! – Но подозрение не покидало Гобрию. – Ахурамазда!» – сокрушенно вздыхал мудрец.

Рассвело. Воды не было. Взошло солнце. И… что это? Перед войском сверкало в низине огромное чистое озеро!

– Вода! – Горбун спрыгнул с коня, сорвал с груди золотые цепи, подбежал к Шираку и набросил на шею пастуха. – Благослови тебя Ахурамазда, мой сын! Благослови тебя Ахурамазда!

Пастух закрыл руками лицо. Плечи его вздрагивали. Он, очевидно, плакал. А может быть, и смеялся.

– Вода!!!

Десятки тысяч воинов грянули к озеру с песчаных бугров. Одни растягивались у берега и жадно, как звери, припадали к воде. Другие вбегали в озеро по пояс. Иные, рыдая, черпали влагу шлемами.

– Спасены, – шептал Гобрия, облизывая сухие губы. – Спасены!

Но в это время пустыня дрогнула от яростного вопля: вода озера оказалась настолько солёной, что один глоток её разъедал губы, как яд.

Горбун схватился за сердце и упал на песок.

Пустыня, пустыня! Страна бродячих призраков, страна разочарования. Далёкое тут кажется близким, близкое – далёким, и нет ничего достоверного, кроме страшного солнца и страшного песка.

Дарий вздохнул и открыл глаза. Он лежал вниз лицом на ковре, обхватив руками холодное тело серебряного сосуда. Узкое горло кувшина плотно закрывала деревянная втулка. Внутри слабо плеснуло. Царь поднял голову. Он находился в шатре: кто разбил шатёр, кто внёс его туда, сколько часов или дней он тут пролежал, Ахеменид не припомнил.

Над ухом царя раздался стон.

– Воды? – Гобрия с трудом оторвал царя от сосуда и оттолкнул его в сторону. – Собака! Ты забыл обо мне!

Советник с усилием вытащил втулку, налил в чашу воды и выпил. Налил и выпил ещё. От слабости у него кружилась голова, дрожали руки, но мудрец не пролил ни одной капли влаги. Вот как дорога вода в пустыне. Серебро сохранило воду в чистоте и свежести, но хватило её всего на две чаши. Всё же глаза горбуна прояснились. Он выдернул из ножен кинжал.

– Измена? – Дарий оскалил зубы и потянулся за мечом. Но Гобрия, не обращая внимания на повелителя, побрёл, шатаясь, к выходу. Теперь Ахеменид испугался, что останется один.

– Куда? – спросил он хрипло.

– Обманул… массагет, – ответил мудрец.

– Массагет! – Дарий вскочил на ноги так резко, что кровь разом отлила у него от головы. Он упал и едва не потерял сознание. Но злоба придала ему силы. Дарий поднялся, обогнал Гобрию и выбежал наружу.

Невероятное зрелище предстало взору властелина южных стран. На дюнах и в лощинах, кругом, куда хватал глаз, лежали трупы. Ряды распластанных на берегу озера воинов напоминали об утопленниках, выброшенных волнами на песок. Дышла колесниц, скатившихся в солёную воду, походили на мачты кораблей, потерпевших крушение. Над растерзанными тушами коней взмахивали чёрными крылами стервятники. Над пустыней висела незримым, но плотным пологом жуткая тишина. Так бывает на поле брани после долгого кровопролитного побоища.

Мороз пробежал по спине повелителя мира. Он едва не завыл, как собака, брошенная хозяином в пустыне. Ему показалось, что он остался один – один в глубине диких, бесплодных пространств, откуда нет возврата!

– Неужели все погибли? – спросил он шёпотом у подбежавшего мудреца, и в голосе его прозвучал ужас.

Обсудим вместе

1. Что, по-вашему, движет Шираком: личные мотивы или патриотический долг?
2. Как Ширак проявляет смелость и самоотверженность? Мог ли герой поступить иначе?

Домашнее задание

Попробуйте создать иллюстрацию к произведению. Какие цвета и краски будут присутствовать на вашей картине?

Читаем продолжение произведения

Горбун молча показал рукой на холмы. Только тогда царь заметил между грудами мертвецов слабое движение. Люди вяло, без единого слова, вырывали друг у друга пустые бурдюки. Многие размеренно колотили себя в тощие груди и рычали, роняя с губ жёлтую пену. Быть может, они видели в бреду широкие просторы Нила, Тигра, Евфрата, Окса, через которые переходило непобедимое персидское войско? Быть может, они слышали плеск и шипение холодной, кипучей воды? Вода, вода! Когда ты рядом и тебя много, тебя никто не ценит и не бережёт. Тебя разливают не жалея, тебя загрязняют нечистотами, и лишь тогда, когда тебя нет и ты далеко, люди начинают понимать, что ты слаще мёда, дороже золота и краше алмазов.

Сын Гистаспа выхватил меч и трижды прокричал, как бы подавая клич тревоги:

– Массагет! Массагет! Массагет!

И те, кто был ещё жив, поднялись, как один, словно голос повелителя возвратил им утраченные силы. Их было ещё много, этих воинов, и все они горели жаждой мести. С криками «Массагет! Массагет!» они бежали на зов своего господина, обнажая на ходу мечи и потрясая секирами.

Ширак стоял на бархане и глядел на восток. Телохранители Дария следили за хорезмийцем горящими от ненависти глазами. Впереди, до самого края земли, как мрачное пожарище, чернела гаммада – ровное каменистое пространство, лишённое даже той скудной растительности, которая встречается на дюнах. Страшно человеку в песках, но гаммада трижды страшнее барханов. Она одним своим видом убивает человека.

– Конец!

Ширак вздохнул, сел на песок и обхватил колени.

Ахеменид, утопая до колен в сыпучем песке, подбежал к пастуху и остановился перед ним, стиснув челюсти. Воздух со свистом пролетал между его зубами. В груди царя клокотало бешенство. Он передёргивался от головы до пят и с трудом удерживался от того, чтобы вот так, не говоря ни слова, ударить пастуха наотмашь мечом по виску.

– А-а, сын праха! Так где же Новая Река?

– Новая Река? – Ширак показал на север. – Далеко, там…

Иранцы дрогнули и застыли, будто Ариман одним мановением десницы обратил их в камни. Ширак покосился на Дария и от души расхохотался.

– В него вселился дух пустыни! – воскликнул Дарий. – Он лишился разума!

– Вы сами все тут одержимы недобрым духом, – проворчал Ширак. Молодые глаза пастуха глядели мирно и спокойно. – Разве люди со здравым умом скитаются по чужим странам и гоняются за богатствами с мечом в руке? Они их у себя дома трудом своим добывают.

– Куда, ты завёл нас, пастух?

– Не видите?

Ширак злорадно усмехнулся и повёл рукой вокруг себя.

– Для чего ты это сделал, сын дикаря?

Ширак молча пожал плечами. Разве и так не ясно, для чего? И персы поняли. Дыхание смерти лишило их дара речи. Наконец Гобрия сказал:

– Хорошо, ты спас массагетов. Но много ли тебе радости от этого, если ты сам сегодня умрёшь? Что тебе массагеты, когда ты сам на грани жизни и смерти? Не лучше ли спасти себя? Разве тебе не дорога своя голова?

В голосе мудреца слышалось глубокое удивление. Ширак посмотрел на Гобрию и ничего не ответил.

Он сидел неподвижно, точно идол, и персы глядели на него с изумлением, как на невиданное чудовище. Он был для них загадочен, как сфинкс. Никто не сказал бы, какие чувства он испытывает. Никто не знал, о чём он думает. Никто не понимал, какие побуждения заставили этого двадцатилетнего пастуха принести себя в жертву ради других.

Вперёд выступил Отанес. Лицо его побелело от волнения, губы дрожали.

– Тебе не жалко их? – Отанес показал на густые толпы истерзанных, обезумевших от жажды воинов. – Это люди. Люди! Понятно тебе это слово, дикарь? Люди! У них дома отцы и матери. У них дома жёны. У них дома дети. Десятки тысяч отцов, матерей, жён и детей! Десятки тысяч людей! Только богам подобает вершить судьбы такого огромного скопища человеческих душ. Но ты – не бог, ты – человек! Как же ты один – один! – можешь взять на свою совесть столько жизней? Пристойно ли это тебе, жалкому человеку? Неужели ты не чувствуешь, пастух, как это чудовищно?

Глаза Ширака потемнели.

– А! Вы заговорили о жалости? Почему же вы не помнили о ней там, на своей родине, когда собирались в поход на массагетов? Почему вы не помнили о ней, когда захватили городище Кунхаза и резали апасаков десятками и сотнями? Почему вы не помнили о ней, когда отсекали пленникам руки? Нет, вы не заслуживаете жалости! Отцы? Матери? Жены? Дети? Но где Кунхаз? Он был отцом. Где Фароат? Она была моей женой. Где тысячи других массагетов – отцов, матерей, жён и детей? Вы их убили, и они уже никогда не увидят солнца. Вы их убили, и они уже никогда не сядут у костра за пиршественным котлом. Вы их убили, и они уже никогда не услышат весёлую песню. Их души скитаются в стране мрака и требуют возмездия! Их жизни – на вашей совести! Так почему же мне не взять на свою совесть ваши жизни? Разве я поступаю несправедливо? Кто виноват в том, что погибли тысячи персов? Я? Но разве я приказал вам идти

походом на массагетов? Почему вы не сидели в своих домах? Почему вы оставили свою страну и пришли к нам? Э! Хватит разговоров! Вы сами накликали на себя беду. Вы заслуживаете смерти, и вы умрёте!

Ахеменид стоял, опустив голову и закрыв ладонями лицо. Плечи его поникли, колени резко вздрагивали. Таким жалким персы не видели своего царя никогда.

– Нет! Нет! – застонал сын Гистаспа в ответ на свои мысли и беспомощно опустил руки. Потом вдруг стукнул себя кулаком по лбу, торопливо скрылся в шатре, приволок сумку с золотом и высыпал под ноги пастуху кучу сверкающих монет. После этого он сорвал с груди и шеи все драгоценности, отстегнул золотые ножны, снял пояс из серебряных пластинок и бросил их на монеты. Глаза его лихорадочно блуждали.

– Дети! – обратился он к воинам незнакомым, отрывистым голосом. – Мы не погибнем! Несите золото и серебро, кубки и чаши!

Персы в едином порыве сдирали с себя дорогие украшения и швыряли их под ноги пастуха. Куча золота и серебра росла на глазах. От неё на лица окружающих падало мягкое сияние. Весело звенели монеты, чаши и браслеты, но Ширак ничего не слышал. Он задумчиво глядел на Тропу Гнева.

– Пастух, это всё твоё! – с отчаянием крикнул Ахеменид, ударив ногой в груду жёлтого металла. – Покажи нам, где вода! Покажи нам, где вода! Вода! Вода!

Сын Гистаспа зарыдал. Ширак очнулся, окинул сокровища равнодушным взглядом и отвернулся. Как, оборванец отказывается от таких сокровищ?!

Полководец Датис схватил Ширака за плечо и взревел, как буйвол:

– Покажи, где вода, или я проломлю тебе череп!

Мудрец Гобрия вцепился в другое плечо пастуха и прогнусавил ему на ухо:

– Покажи, где вода, или я своими руками сдеру с тебя кожу!

Пастух одним движением сбросил с плеч ладони персов, покачал головой и сплюнул.

– Вы хуже шакалов, да поразит вас Митра! – сказал он брезгливо. – Уходите от меня, грязные твари!

Лицо Дария перекосилось от злобы. Не помня себя, он вырвал у ближайшего телохранителя секиру и занёс её над пастухом.

– Уничтожу!

– Уничтожай! – Ширак усмехнулся. – Зато я победил тебя. Для чего рождается человек?..

Он поднялся во весь рост, протянул руки к востоку, захватил в лёгкие сразу три меха воздуха и закричал – громко, весело и протяжно, славя без слов, голосом души, восходящее солнце. Ясное око Митры ласково глядело с неба на свободного человека.

Хорезмийца ударили по голове. Полыхнуло в глаза пламя смерти. И Ширак увидел Фароат. Но пастух уже не помнил ни очей Фароат, ни губ Фароат, ни волос Фароат… Жена, доброе лицо матери, горы, барханы, тропы, городища, колодцы, заросли саксаула, стада овец, орлы, облака – все они пролетели перед ним как в сладком детском сне, и все они, непонятно как, слились в угасающем сознании массагета в один любимый, неповторимый образ – образ родной земли.

И образ этот жил в сердце Ширака до той доли мгновения, когда оно, сердце, сделало последний удар, пропустило через себя последнюю – крупную, красную, уже густеющую каплю крови…

– Ахурамазда отвратил от нас лучезарное лицо! Конец нам пришёл, дети!

Дарий бросил секиру и упал на песок.

– Ахурамазда?! – вскипел Отанес. – Бог – в небе, он плохо знает земные дела! Ты нас погубил, сын Гистаспа! Кто гнал тебя в эту страну? Разве я не говорил тебе: «Вспомни о Кире»? С кем ты связался? Разве найдутся на земле воители, что покорили бы массагетов? Пусть варваров мало, пусть они бедны и плохо вооружены – их никто не сломит, ибо их закон – дружба и братство, и они ценят свободу выше всего на свете. Все полчища Ирана ничего не стоят перед этим народом, так как самый заклятый враг для твоих воинов – ты сам. Чего ждать от человека, воюющего по принуждению ради чужого денежного мешка? Ты не подумал об этом, тебя ослепила жажда добычи, поэтому ты и погиб. Торгаш! Недаром даже твоё имя происходит от слова «золото».

Выкрики Отанеса хлестали царя, как бичи. У Дария волосы встали дыбом – он зримо представил себе, как Ариан-Ваэджа, великое государство, которое он сколотил мечом из многих стран, развалится, подобно дряхлой башне: опора исчезла, как дым, пропала в массагетских просторах!

Дарий схватился за голову. Снова мятежи, дым пожарищ, шествия непокорных толп… Ты мечтал, сын Гистаспа, молодым тигром навалиться на строптивых саков, моровым поветрием пройти по Чёрным, Красным и всяким другим пескам, искоренить всё живое, что подвернётся под руку? Ты мечтал обогнуть море Вурукарта, истребить сарматов, переправиться через Ра, разгромить скифов, ударить на Элладу, затем устремиться на запад, где люди, по рассказам греков, ещё бродят в лесах, точно звери? Ты верил, что пределы державы персов раздвинутся до небесных чертогов Ахурамазды, что все народы и племена мира сын Гистаспа зажмёт в своём кулаке, на правых и виноватых наденет оковы?

Мечты пошли прахом! Из-за кого же? Пастуха! О нет! За этим пастухом – какие-то грозные, страшные силы, непонятные ему, наместнику бога на планете. Дария объяло смятение. Он боялся сойти с ума. Гобрия! Гобрия! Он поможет советом, он найдёт дорогу спасения! Но горбун оттолкнул руки царя, протянутые к нему, выругался и отвернулся. Датис! Вот кто не покинет в беде! Но полководец попятился от повелителя, как от бешеной собаки.

Союз тигра, шакала и гиены распался, как остов истлевшего скелета. Все трое жаждали войны против массагетов. Они заверяли один другого в преданности, но забыли свои клятвы при первой крупной неудаче. Такова дружба, берущая истоки в мешке золота.

– Что делать, о сын бога? – спросил Отанес ехидно.

– Все в руках Ахурамазды, – промямлил Ахеменид.

– Что делать, мудрец?

Горбун ещё глубже втянул голову в плечи. Он был ещё достаточно крепок, чтобы вывести из песков если не всё войско, то царя и его приближённых. Но сознание того, что он, мудрец, которого почитали могучие самодержцы, обманут, как дитя, нищим пас-

тухом, его ошеломило и обратило в ничтожество. Горбун мрачно озирал пустыню и ничего не понимал. Путаные, беспорядочно пролетающие в мозгу советника мысли напоминали бред раненого воина.

– Что делать, воитель? – обратился Отанес к Датису.

Полководец ничего не ответил.

– Что делать, Мегабаз?

Молчание.

– Что делать, Коэс?

Эллин прохрипел на своём языке что-то похожее на проклятие.

Все чувствовали глубокое взаимное отвращение. Они с наслаждением распороли бы друг другу животы. Они с диким восторгом вырвали бы друг у друга трепещущие сердца. И от этого их удерживало лишь полное отупение, лишь неизмеримое бессилие тела и духа.

– Властители… – Отанес скривил губы и повернулся к воинам. – Предводителя арабов ко мне!

Из толпы лучников неторопливо, как бы с неохотой, выступил шейх Сулейман Эль-Кувейра.

– Слушаю тебя, господин, – сказал он угрюмо. Среди мятежников, на днях убитых «бессмертными», были и его сородичи.

– Вы – дети пустыни, Сулейман. Я слышал: вы находите воду там, где другие умирают от жажды. Не можем ли мы спасти людей?

– Подумаем, – сухо ответил араб.

Он подозвал к себе трёх стариков-соплеменников и взобрался с ними на холм на берегу солёного озера. Прикрыв ладонями глаза, чтобы их не слепило солнце, арабы долго глядели на небо, потом на юг. Затем они отрывисто заговорили и слезли с бугра. Обойдя озеро, лучники разделились, легли на землю и поползли, как на охоте, осматривая камни. Вдруг Сулейман взмахнул рукой. Старики поспешили на зов Эль-Кувейры. Ухо Отанеса уловило гортанные возгласы следопытов.

– Над чем они там колдуют? – вскричал Отанес нетерпеливо.

Арабы не спеша направились к лагерю.

– Ну?! – сердито воскликнул Отанес.

– Вода близко, – спокойно ответил араб.

– Вода близко!!! – эти слова привели обессиленных людей в неистовство.

– Тихо! – крикнул Сулейман. – Слушай, господин.

Мы смотрели на небо: птицы летят с юга и улетают обратно. Мы смотрели на юг: над краем земли – голубая полоска. Это горы. Мы смотрели на камни: на них – следы антилоп. Следы, ведущие на юг, плохие, слабые – животные устали, их мучила жажда. Следы, ведущие с юга, хорошие, отчётливые – антилопы шли с водопоя. На юге, в горах, за два перехода отсюда – вода!

– Если горы так близко, почему их не видно? – усомнился Отанес.

– Воздух горяч, пыли много, – пояснил араб.

Датис обернулся к воинам.

– Слушайте меня, эй, вы! Там, на юге, – вода. Кто ждёт смерти – оставайтесь на месте, кто ищет жизни – вперёд!

Положив изнемогающего Дария на носилки, персы, напрягая остатки сил, побрели на юг. Позади, на берегах солёного озера, лежали тысячи воинов. Эти люди не искали уже ни жизни, ни смерти – она сама их нашла. Религия предписывала приверженцам Заратустры: «Не хороните, не сжигайте, не бросайте в воду покойников, выносите трупы на холмы». Маги Персеполя, первые пособники Дария в его воинственных замыслах, могли радоваться – никто не хоронил, не сжигал, не бросал трупы в воду – они, как и полагается, усеяли собою возвышенности.

Первыми дошли до гор арабы. На рыжем холме задымил костёр.

– Что тут у вас? – тревожно спросил Отанес, влезая на бугор. – Где вода?

Шейх указал на глинобитное укрепление.

– Следы говорят: недавно тут жили саки.

– Меня это мало радует! – разгневался Отанес. – Где вода, я спрашиваю тебя?

– А меня радует! – огрызнулся шейх. – Вода там, где люди жили, понял ты? Тут колодцы, массагеты их засыпали, уходя отсюда. Надо найти, понял ты?

– Колодцы? Как же пьют воду антилопы?

– В горах текут ручьи. Но пока мы найдём их, войско погибнет. Воды и тут много.

– О! – Отанес привлёк араба к себе и, хотя Эль-Кувейра отстранялся, дважды приложился губами к его волосатым щекам. – Тогда я прикажу «бессмертным» найти эти колодцы!

– Нет, нет! – Сулейман предостерегающе поднял руку. – Они всё погубят.

Арабы отогнали воинов от холма и осмотрели песок возле укрепления. Они долго разрывали мечами пласты сыпучей земли, но колодцев не было. Наконец, когда Сулейман уже отчаялся найти воду, в двух местах внезапно проступили небольшие воронки. Тонкие струи песка текли куда-то вниз.

– Вот они! – закричал шейх.

– Слава Ахурамазде, – проговорил Отанес, отирая навернувшиеся на глазах слёзы.

Воины же так отупели от горя, что их уже ничего не волновало. Кто бы поверил, что эта орда растерзанных получеловеков, полуживотных ещё недавно составляла цвет персидского войска, что эти люди когда-то шутили, хохотали, били в бубны и пели песни? Они давно оторвались от родных мест. Их ничего не связывало и с народом той страны, куда они пришли с мечом в руке. Между ними не было дружбы, к предводителям же своим все испытывали неугасимую ненависть. Поэтому первое тяжёлое испытание и превратило их в скотов. Как мало надо, чтобы человек стал зверем, если в сердце своём носит не добро, а зло. Персы сидели на корточках вокруг колодцев и молча ждали, когда Сулейман доберётся до подземного источника.

Арабы черпали песок щитами и откидывали его в сторону. Груды песка росли, но воды всё не было.

– Глубоко стало, – сказал Отанесу шейх. – Опускайте нас на волосяных верёвках.

Наконец воины Сулеймана, соорудив из плащей подобие мешков, подали наверх груды мокрого лежалого грунта. Люди жадно поползли к сырой глине, но лучники отбросили их назад.

– Это земля, не вода, собаки! Сожрёте – издохнете. Где терпение?!

Арабы не спеша, по одному, вылезли из ям, и по курчавым смолистым бородам сынов пустыни стекала вода.

– Воды много, из этих колодцев саки поили тысячи овец, – шепнул Отанесу шейх Сулейман Эль-Кувейра. – Однако следи за порядком. Если все бросятся к колодцам – завалят.

Отанес, подпрыгивая от нетерпения, выстроил вокруг огромных колодцев греков-копейщиков и лучников-арабов.

– Воины! Сохраняйте спокойствие, стойте на месте. Воды много, всем достанется!

Над горами нависло молчание, более страшное, чем душераздирающие вопли, и в этой гнетущей тишине толпы воинов пошли на колодцы, как в атаку. Но после того, как полторы сотни слишком нетерпеливых легло под секирами, народ присмирел. Арабы торопливо наполняли мехи и передавали главарям из отрядов. Первым напоили Дария, потом Гобрию, персов и греков. Бурдюки, туго набитые упругой влагой, пошли по рядам. Люди обрели спасение.

Правда, не всем выпала счастливая доля. Из ста тысяч человек, выступивших из Марга, к благодатным горам, где сметливые арабы отыскали воду, дошла всего половина, причём около двадцати тысяч оставшихся в живых воинов едва ли было пригодно для боя.

Зашло солнце. Войско, выставив дозоры, отдыхало у колодцев. Люди пили, не уставая. Распухали животы, влага шла обратно, а воины всё пили, лакая воду, как собаки.

– Жалкие твари, – выругался Отанес. – Что будет, если нагрянут саки?

– Вся надежда на моих лучников и на греков, – сказал Сулейман Эль-Кувейра. – Эй, Коэс, Мандрокл, Скилак! Скажите своим гоплитам, чтобы не спали.

Ночь густела. Нависла плотная духота. Откуда-то поплыли грозовые тучи. Звёзды исчезли. Небо затянуло сплошным чёрным пологом. Отанес, Коэс и Сулейман стояли на вершине холма и до боли в глазах глядели в темноту.

– Сердце говорит: плохо нам будет, – прошептал Отанес тревожно.

– Не пугай, – поёжился шейх Сулейман. – И так нехорошо вокруг.

– Нас что-то окружает, – просипел грек.

– Что окружает? Темнота, больше ничего.

– Нет, послушайте! Они идут…

– Кто?!

Коэс умолк, не смея произнести страшное слово. Полководцы с напряжением слушали дыхание ночи, но ни звука не долетало из пустыни. Однако люди чувствовали, что вокруг них движется нечто огромное и грозное.

– Смотрите! – вскричал вдруг эллин.

В пустыне вспыхнул огонёк.

– Факел, – содрогнулся Отанес.

– А вот ещё, на другой стороне!

– И ещё!

– И ещё!

Пустыню и горы разом озарили тысячи факелов. Они обложили стан персов плотным огненным кругом, и круг этот быстро сужался.

– Трубачи! – заголосил Отанес, бегая по горе. – Тревога! Тревога!..

Тысячи огненных стрел прочертили небо. Стрелы падали на персов сплошным косым дождём. Их было так много, словно массагеты вырубили и оперили до последнего

стебля все тростники, растущие на берегах Аранхи. Вокруг персов вспыхнула сухая трава. Чёрные фигуры воинов метались между кострами, хорошо видные массагетам, скрытым во мраке. Проливая потоки крови, отчаянно отбивая атаки массагетов, войско тесно окружило холм – единственную надежду на спасение.

Разметав отряды врага ураганом стрел, массагеты исчезли в темноте.

– Ну, что ещё? – бешено крикнул Датис, рывком распахнув полог шатра, в котором притаился «владыка мира». – Останемся в этой стране, чтобы взять её в наши руки, или пусть уж она живёт «сама по себе»?

Дарий поглядел на полководца глазами затравленного тигра. «Гиена! – с горечью подумал он. – И на тебя я опирался как на брата! Вот когда ты показал свои клыки. На плаху предателя!» Царь повернул голову к выходу, чтобы крикнуть «бессмертных», но сдержался. Сейчас не время для раздоров. Если «бессмертные» лишат жизни Датиса, его конники взбунтуются и уничтожат Дария.

– Смейся, наглец, – вяло пробормотал царь и шёпотом добавил: – Доберёмся до Персеполя, и я сверну тебе шею!

Добраться по Персеполя… Удастся ли это? При мысли о своей супруге Атоссе, о детях Ксеркссе и Масисте, которых, не дай того бог, он, быть может, уже никогда не увидит, владыка мира едва не завыл от горя.

– Мудрое решение, – злорадно усмехнулся Датис. Он снова думал об Оройте.

– Где Гобрия, Отанес, Мегабаз? Где Коэс? Зови всех! Бросайте раненых! Отберите самых выносливых коней, других забейте на мясо. Главное – воды запасите, по три меха воды на каждого человека!

После полуночи отряд из двадцати тысяч персов, мидян, греков и ассирийцев тайком ушёл на запад. Позади долго звучали крики покинутых воинов. Люди призывали кару богов на голову Дария и убивали себя ударами кинжалов.

Два фракийца покинули колодцы и отыскали по кострам стан Сохраба. Дрожа от страха, они шли между шатрами и твердили, как во сне: «Сын Гистаспа бежал, сын Гис-

таспа бежал». Саки не понимали их слов, что-то грозно кричали на своём языке и грубо толкали наёмников. Хотя было уже поздно, массагеты не спали. Их радовал успех. От шума, говора и весёлых возгласов стан походил на торжище. Особенное оживление царило у крутого холма, расположенного в середине лагеря. Тут ярко пылали кучи хвороста, и фракийцы увидели на вершине бугра сверкающее лезвие огромного железного меча, врытого в землю вверх остриём. У подножия холма стояли на коленях какие-то люди. Фракийцы узнали в них персов. Кочевник сак быстрыми взмахами ножа перерезал пленникам глотки. Массагеты совершали жертвоприношение богу войны. От этого зрелища у одного из фракийцев отнялся язык. Второй, опустив голову, безостановочно повторял:

– Сын Гистаспа бежал! Сын Гистаспа бежал!

Человек, чем-то отличающийся от других массагетов, спросил перебежчиков по-фракийски:

– Кто бежал? Когда бежал?

Фракийцы бросились к нему, словно нашли родного брата. Их окружили тохары и авгалы.

– Сын Гистаспа бежал! Не убивайте нас…

Их не убили. Им дали мяса, обмыли и перевязали раны. Нури, старейшина тохаров, сообщил Сохрабу о бегстве Дария. Массагеты настигли врага на рассвете. Персы закрепились на возвышенности, готовые защищаться до конца.

Их снова окружили и обрушили на них лавину оперённых тростинок. От стрел некуда было укрыться. Персы прятались за трупы коней, но тут массагеты доставали их секирами. Отогнать разъярившихся конников не было никакой возможности. Коэс два раза выстраивал свою поредевшую фалангу и бегом бросался на массагетов, но «скифы», как называл их стратег, оба раза окружали отряд эллинов со всех сторон и разили врага из тугих луков. К полудню у массагетов опустели колчаны. Они все разом повернули коней и ускакали за дюны. Персы от души возблагодарили богов. Сын Гистаспа, заботясь лишь о собственной голове, отобрал самых лучших воинов и поспешно двинулся на запад. Около десяти тысяч раненых и убитых иранцев, мидян, греков и арабов он оставил у злополучного холма в дар голодным птицам.

Как бы издеваясь над завоевателями, солнце, которое все эти дни беспощадно преследовало Дария, сегодня исчезло. Лохматые чёрные тучи обложили небо и плыли над отрядом персов, изворачиваясь и налезая друг на друга. Казалось, все злые духи Красных Песков собрались вместе, чтобы настичь и поглотить остатки арийского войска. Подавленные мраком, царившим вокруг, персы угрюмо гнали коней.

Дарий спешил к городищу Кунхаза, где перед походом в пески он оставил отряд мидян, добычу и пленных апасаков. К укреплению подошли среди ночи. Городище встретило персов зловещим молчанием. Ни костров, ни криков дозорных. Ахеменид испугался и решил встретить утро на берегу озера.

Воины предчувствовали беду и не спали. Они сидели на корточках, сжимая в руках поводья конских уздечек, и шёпотом переговаривались. Их окружала темнота, полная непонятных шорохов. Внезапно на башне городища раздался крик. Все оцепенели от ужаса. То плакала сова. Из раскрытых ворот укрепления метнулись в заросли неуло-

вимые тени. Воинов била дрожь: из тростников на них смотрели сотни диких огненных глаз. Тишину прорезал чей-то утробный вопль, словно заголосила женщина. Вой подхватили десятки тонких детских голосов. Хор изливал тоску в тысячах разнообразных рулад, и при этих звуках в жилах персов стыла кровь. Стаи шакалов пели песню осени, песню грядущих ветров и холодов, но персам казалось, что их проклинают души зарезанных ими женщин и детей.

Рассвело. Персы не нашли в запустелом городище ни пленников, ни добычи. Зато на площади возвышался холм из голов. То были головы мидян, оставленных Дарием. Это зрелище так потрясло царя, что он в припадке отчаяния едва не вонзил себе в горло кинжал. Дарий жалел не мидян – он сожалел о пропавшей добыче. С чем предстанет Ахеменид перед глазами верховных жрецов, с нетерпением ожидающих его в храмах Персеполя?

Иранцы принесли в жертву Ахурамазде белого коня и собирались в путь, однако путь оказался закрытым: на равнине их ждал Сохраб. Толпы массагетов стояли неподвижно, без всякого шума, и ждали, когда выйдут враги. Они не нападали, не спешили нападать – они хотели растянуть мучения охотников за рабами.

Персы решили пробиться на юг через болота. Разведчики отыскали зыбкую извилистую тропу. Дарий отправился вперёд с отрядом «бессмертных». За персами следовали арабы. Шествие замыкали наёмники.

Коэс неловко сидел на слишком горячем варварском коне и хулил Мойр, богинь судьбы, за то, что они сделали его кентавром. Всадники ехали попарно между двумя стенами необыкновенно высокого тростника. Густые метёлки сплетались наверху, образуя шелестящую от ветра кровлю, и в редкие просветы заглядывало хмурое небо. Лошади увязали по колено и часто падали. Из чащи доносились крики диковинных птиц. От комаров не было спасения. Иногда в стороне от дороги раздавалось грозное рычание, и за кустами тамариска бесшумно пробегали огромные полосатые кошки.

Массагеты выждали, когда войско Дария окажется на острове среди болот, и подожгли заросли. Тысяча потерявших голову завоевателей сгорела в бушующем пламени и задохнулась в клубах дыма. Другие бежали по дебрям напролом и тонули в протоках Аранхи, слыша крик массагетов:

– Ширак идёт! Ширак!

У Дария оставалась единственная надежда на спасение – мост. До него вместе с царём добрались всего восемь тысяч воинов. Чем ближе подходили персы к месту переправы, тем громче стучали их сердца, тем веселей становились люди. Все воспрянули духом, уверовали в избавление от гибели.

Но моста не было! На пустынной реке Ахеменид не увидел ни одной лодки, ни одного жалкого челнока. На этом берегу возвышался ещё один холм из черепов мидян, а на противоположной стороне, к ужасу Дария, персов ждали тысячи воинов в рогатых шлемах. И ждали не в гости. Шах-Сафар, узнав о подвиге Ширака, пожертвовал ради общего дела заложниками, находившимися в Марге, и выступил против своего «старшего брата».

Проклиная и Аримана, и Ахурамазду, готовые перерезать друг другу глотки, персы в неистовстве пускали в Аранху стрелы и рассекали воду кинжалами.

– Ширак идёт! Ширак!

Отряды Сохраба охватили Дария полукругом. Засвистели стрелы. Сын Гистаспа заметался, точно скорпион в кольце огня. Отчаяние персов достигло предела. Не помня себя от ярости, они бросились на преследователей, изрубили в куски три тысячи массагетов, захватили свежих коней и ускакали на юг, сами не веря, что уцелели. Теперь их оставалось около пяти тысяч. Они мчались вдоль берега реки, надеясь оторваться от Сохраба, переправиться через Аранху или добраться до Согда.

– Ширак идёт, Ширак!

Этот крик прозвучал в то утро, когда персы уже решили, что спасены. Навстречу им вышло войско дербиков и саков-хаумаварка. Подвиг Ширака заставил и Омарга с Томирис примириться с гибелью заложников. Никогда массагеты персов, а персы массагетов не рубили с таким ожесточением! И те и другие не щадили себя ради победы. Противники забыли о луках и поражали один другого секирами, кинжалами, камнями, разбивали черепа, распарывали животы, сдирали кожу с голов, среди грохота битвы привязывали добычу к поясам и снова брались за оружие, чтобы снять ещё один скальп или расстаться со своим.

Над полем битвы звучало имя Ширака, ставшее боевым кличем разгневанного народа. Берег Аранхи чернел от трупов персов и массагетов. Бешенство придавало силу иранцам. О стойкие ряды греков разбивались отряды наездников пустыни. Арабы пускали в ход зубы и ногти. С нечеловеческим напряжением тысяча воинов Дария вывернулась из рук массагетов и бежала в заросли лоха.

Возле дербикского городища Чар-Джува сын Гистаспа и Гобрия на утлых тростниковых плотах переправили своих людей через Аранху. Тучи, скопившиеся в небе, разразились первым дождём. Оглушающе гремел гром; подобно Священному Мечу массагетов, сверкала молния. Потоки ливня хлестали по земле, иссушённой зноем долгих летних месяцев, клонили к вершинам дюн кусты тамариска и смывали слёзы с лица Сохраба.

Долго смотрел Сохраб, стоя на берегу, на жалкие обломки великого арийского войска. Перед глазами старика проплывали видения: тревожное утро, когда «орлы» изгнали «оленей» из городища возле Синих Гор, высокие стены крепости безвестно сгинувшего Кунхаза, красивые очи Фароат, улыбка Ширака.

– Ахемениды! – Сохраб стиснул кулак. – Пусть ваши самые отдалённые потомки не забывают об этом дне!

Голос вождя растворился в ударах грома; казалось, сама природа предостерегала захватчиков.

По кочевым путям, по дорогам оазисов, через болота и заросли везли массагеты на колеснице останки Ширака. Люди громко причитали, как причитал он, зарывая Фароат в песок. Люди рассекали себе лица, как рассёк свои щёки Ширак, уходя по Тропе Гнева. Люди раздирали свои губы, ибо так сделал Ширак, когда шёл на смерть за свободу массагетов. В городищах гремели барабаны, пылали костры, в бронзовых жертвенных котлах бурлила вода – массагеты прощались с Шираком.

И похоронили Ширака на равнине. В глубокую могилу пастуха не опускали его умерщвлённых жён, ибо у него не было жён; не положили убитых коней, ибо у него не

было коней; не резали над ямой рабов, ибо у него не было рабов; не снабдили пастуха ни дорогим оружием, ни богатыми украшениями, ибо хорезмиец происходил из бедного рода.

Зато у него было много земли, родной тёплой земли, насыщенной кровью Фароат, напитанной слезами массагетов. Щедро одарил народ этой землёй своего героя. И поднялся к небу величественный курган.

До сих пор стоит тот курган в пустыне. Орлы над ним парят, горячие ветры его овевают, и стебли травы на вершине поют неумолчно песню о прошлом и будущем.

1956 г.

Обсудим вместе

1. Согласны ли вы с утверждением: «Подвиг Ширака – пример истинного героизма»?
2. Кого из героев, подобных Шираку, вы знаете из мировой истории?
3. Какова роль «гнева» в произведении? Почему название романа связано с этим чувством? Как оно проявляется в жизни героев и в историческом контексте?

Практические задания

1. Представьте себе, что вы нашли дневник Ширака. У вас есть возможность от его имени написать на одной странице, что чувствовал Ширак в самый трудный момент.
2. Подумайте, как любовь к родине помогает героям романа преодолевать трудности и бороться за свою землю и народ. Составьте характеристику настоящего патриота.

Домашнее задание

Найдите информацию о подвиге Ширака в других источниках с помощью Интернета. Определите, в чём сходство и различие с образом, описанным Явдатом Ильясовым.

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ ИЛЬИН
Род. в 1950 г.

Н.Д. Ильин – известный узбекистанский поэт, писатель, переводчик, литературовед, лауреат литературного конкурса «Ватан учун яшайлик» (2011). Один из ярких представителей русскоязычной поэзии Узбекистана. Его стихи – это мост между культурами, его переводы открывают русскоязычному читателю голоса других народов с подлинной точностью и поэтической выразительностью. Он тонко чувствует интонацию языка, силу поэтического образа и умеет видеть вечное в малом. В поэзии Николая Ильина оживает солнце южных степей, звучат минареты и мерцают звёзды в небесной вышине.

Подготовка к встрече с текстом

1. Каких поэтов Узбекистана, пишущих на русском языке, вы знаете?
2. Были ли вы на встречах с современными поэтами и писателями? Чем они вам запомнились?

ЛИРИКА НИКОЛАЯ ИЛЬИНА

Николай Ильин – поэт, чьё творчество формировалось в культурном пространстве Востока. Однако в его поэзии нет стилизованной декоративности и внешних этнографических эффектов, нередко ассоциируемых с восточной тематикой. Вместо условных образов и экзотических клише – внимательное вслушивание в ритмы жизни, пейзаж и внутреннюю интонацию родной земли. Ильин бережно передаёт атмосферу южного края, не подменяя её внешними впечатлениями, а наполняя подлинным поэтическим содержанием.

Очень часто русская речь поэта вбирает в себя вкрапления из тюрко-персидских наречий, то это лишь для того, чтобы вдохнуть в стихи аромат древних времён и тем самым дать читателю возможность ощутить пульс «вечной жизни древних городов»:

Величием застывшего фонтана
Цветы из камня в воздух вознеслись –
Проникновенье чуда Регистана
В небесно-голубую высь.

Для поэзии новейшего времени чрезвычайно характерна конкретная «словесность» образа, когда слово чаще всего выступает в двух качествах: оно и материал, из которого, как из кирпичиков, строится поэтическое здание, и одновременно содержательная форма, определяющая весь комплекс ассоциаций, возникающих у читателя. Вот у Ильина в лирическом образе, оформленном словом, сохраняется исходное «душевное движение», пафос, страсть, мысль. Это как бы суть всего, что накопилось в душе, трепетный порыв взволнованного сердца, становящийся фактом искусства. И ещё, откуда-то из глубин поэтической строфы Николая Ильина явственно слышится тонкий напев негромких струн узбекского дутара, под аккомпанемент которого поэт ведёт неспешный и доверительный диалог с читателем о самом главном: о жизни, о «стоимости человеческой» в ней.

Мы жаждем жить как можно дольше,
Пусть и не очень хорошо.
Но что даёт нам жизни больше:
Года иль то, что в них пришло?

Что чуткий разум думать должен
О том, кто жаждой лет движим? –
Что лучше жил не тот, кто дольше,
Но кто полней и чище жил.

В поэзии Николая Ильина особое место занимает природа. Каждое время года прекрасно по-своему, самое главное – надо уметь подмечать это. В природе вечный маскарад красок, вечный праздник цветов, вечное движение – в пределах суток, в пределах года. Природа всегда была для поэта источником вдохновения, источником живительной силы одарённой души. Она широко отражена в искусстве – краской, словом, мелодией.

Образ осеннего листа, уже опавшего или собирающегося сорваться с ветки, практически переходит из стихотворения в стихотворение. Густой листопад поэт воспринимает как «увядания желтеющий звук», сопровождающий возведение «в древесной обители» «ослабевшему Солнцу алтарь». Нескончаемость обновления природы и вечность мироздания современно и не без иронии изложены в небольшом стихотворении, где в ноябре, когда ещё «банкноты осени лежали под ногами», природа продолжала свой извечный кропотливый труд. Она «где-то в глубине земной стихии», созидая фундамент нового начала, «в тугие почки вкладывает лист». Опадающий с дерева лист иногда вызывает у поэта не только ощущение чего-то уже потерянного, но и является неким моментом истины:

Когда же я снова возрадуюсь
Играющей светом листве…

Падающий лист в стихах Ильина – это метафора раздумий поэта о былом и будущем, настоящее же – только мгновение падающего с дерева осеннего листа.

Ключевая мысль стихотворений Ильина о природе – любовь к окружающему миру со всеми его радостями и горестями, красотой и безобразием, ибо только такое странное, казалось бы, многообразие «совместимостей» и есть жизнь:

В блестящий полдень около воды
Бродить по саду, сонному от зноя,
И узнавать растенья и цветы,
И постигать обилие земное.

Особое место в литературной работе Николая Ильина занимают переводы и исследования узбекской современной литературы.

Читаем стихотворения

Ўзбекистон, ватаним маним.
Абдулла Орипов

Я вырос в Ташкенте далёкой поры
И помню окраин поля,
Где прямо за домом ряды джугары,
Где детство текло, как прозрачный арык,
Где мирно жила махалля.
Я помню знакомых мальчишек задор,
Внимательный взгляд стариков,
Украшенный розами маленький двор,
Старинных ворот деревянный узор,
Соседей заботливый плов.
Мой город, мой мир, над которым, звеня,
Раскрыла весна небосвод,
Где знаком судьбы стала эта земля,
Страна – «элга бахт, нажот».

Обсудим вместе

Согласны ли вы с утверждением, что в своих стихах Николай Ильин создаёт художественную реальность, в которой переплетаются русская и узбекская культурные традиции?

Домашнее задание

Подготовьте материал к литературному вечеру, посвящённому творчеству Н.Д. Ильина.

РЕГИСТАН

Величием застывшего фонтана
Цветы из камня в воздух вознеслись –
Проникновенье чуда Регистана
В небесно-голубую высь.

Изящные каламы минаретов
Священные возносят письмена –
Созвучья веры, мысли и заветов,
Которым сила вечности дана.

Неблекнущим соцветьем шахристана,
Трилистником бессмертия встаёт
На солнечной платформе Регистана
Разумности минувшего оплот.

Обыденного мира ритуалы,
Как пыль веков, остались позади,
Распахнуты огромные порталы,
Чтоб высшее могло к нам снизойти.

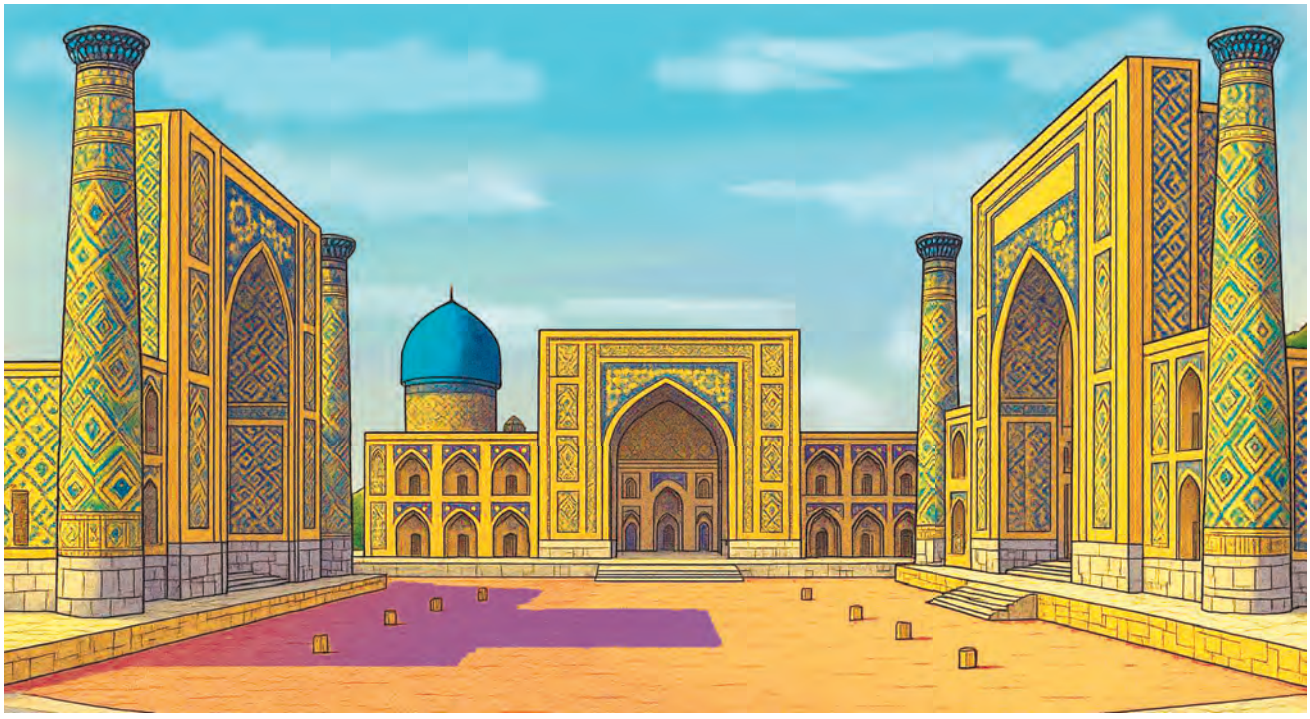
И, света синеву в себя вбирая
Сурами крепко сложенных основ,
Квадраты медресе оберегают
Колодцы неба от нечистых снов.

Для вечности равны земные сроки,
Но будят мысль вневременные сны –
И духа восходящие потоки
Колеблют гладь небесной синевы.

Высоких стен приворожённый сенью,
Ты беспредельность ощущаешь сам:
Поднимешься всего одной ступенью
И на ступень ты ближе к небесам.

Здесь то, что приближает к высшей сути,
Здесь наш и предков общий вечный дом,
Здесь время нам становится судом
Сквозь суетных волнений пересуды.

Стопами уходящий в глубь веков,
Он устремлён к открытости бездонной,
Стоящий на Божественной ладони
В сиянии глазуревых зрачков.

***

Страна бутонных куполов
И стеблей звонких минаретов,
Где самоцветы тюркских слов
Шлифуют тонкие поэты.

Страна полдневной желтизны
И звёздных украшений неба,
Где в сердце знойной тишины
Таятся вензели распева.

Где веришь этой простоте
И где, уставшее от зноя,
Заходит солнце золотое,
Оставив свой огонь листве.

Здесь, средь тепла и доброты,
Среди обилия земного
Я встретил столько красоты
И жил так долго и так много.

АНХОР

Среди дворцов в осенней дрёме,
Известных улиц, площадей
Река в полуденной истоме
Спешит в сообщество людей.

Без волн и гордого величья,
Вполне посильной шириной
Плывёт в оседлости столичной
С её домашней простотой,

Богатством крон, аллей соседством,
Пологим склоном берегов,
С причастностью к движеньям сердца,
Воспоминаниями детства
И пеньем непонятных слов.

Круговорот воды в природе,
Круговорот эпох и лет! –
Река свои уносит воды,
Где сон и явь теряют след.

Она хранит изгибы улиц,
Мостов пролёты над собой,
Стволов застывших караулы
На страже осени самой.

Я здесь листвы озябшим хором
Сумею время двинуть вспять,
Чтоб с желтолиственным Анхором
О жарком лете вспоминать.

ТАШКЕНТСКАЯ ЯСНОСТЬ

Весёлые праздники детства
И верность друзьям молодым:
Что может быть лучше соседства,
Которое стало родным?

Листвы золотые узоры,
У каждого дома цветы –
Что может быть лучше, чем город,
Которому нравишься ты?

Открытого сердца природа,
Далёкой истории быль –
Что может быть лучше народа,
Который тебя полюбил?

Из детства тянущийся лучик
Ласкает висков серебро.
Что может быть проще и лучше,
Чем добрым воздать за добро?

Обсудим вместе

1. Что помогает поэту создать атмосферу восточной сказки в стихотворениях?
2. Какое настроение передаёт стихотворение «Страна бутонных куполов...»? За счёт каких выразительных средств оно создаётся?
3. Какие образы в стихотворении символизируют гармонию человека и природы?
4. Почему поэт называет тюркские слова «самоцветами»? Как это характеризует его отношение к языку и культуре?

Домашнее задание

Выучите наизусть одно из понравившихся вам стихотворений поэта.

скачано с сайта www.idum.uz

O‘quv nashri

Nasirulla Mirkurbanov, Dilbar Miraxmedova

ADABIYOT
8-sinf

Ta’lim rus tilida olib boriladigan
umumiy o‘rta ta’lim maktablari uchun darslik

G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi
Toshkent – 2025

Редактор	*М. Мухамедова*
Корректор	*З. Сардарян*
Технический редактор	*А. Каримов*
Художественный редактор	*Д. Джалилов*
Художники:	*У. Сулаймонов, С. Фармонов*
Дизайнер-верстальщик	*К. Мельникова*

Лицензия издательства 9341, выдана 08.10.2020 года.
Подписано в печать с оригинал-макета 00.00.2025 г.
Формат 84x108 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Arial». Кегль 12. Офсетная печать.
Условно-печатных листов 25,2. Учётно-издательских листов 15,9.
Тираж 96 874. Номер заказа .

Адрес типографии:
ООО «SAHOVAT EGALARI»
Город Тошкент, Юнусабадский район,
улица Богишамол, дом №254-б.

Сведения о состоянии учебника

№	Ф. И. О. ученика	Учебный год	Состояние учебника при получении	Подпись классного руководителя	Состояние учебника при сдаче	Подпись классного руководителя
1						
2						
3						
4						
5						
6						

При выдаче учебника и сдаче его в конце учебного года классным руководителем заполняется приведённая выше таблица в соответствии с критериями

Новый	Учебник в отличном состоянии.
Хороший	Обложка целая, не оторвана от основной части книги. Все страницы имеются, целые, не порваны, не отклеены, на страницах нет надписей и линий.
Удовлетворительный	Обложка измята, испорчена, края обтрёпаны, отделена частично от основной части книги и отреставрирована пользователем. Реставрирование удовлетворительное. Вырванные страницы подклеены, некоторые страницы испорчены.
Неудовлетворительный	Обложка исчерчена, разорвана полностью или частично оторвана от основной части книги, отреставрирована удовлетворительно. Страницы порваны, отсутствуют некоторые страницы, разукрашены, испачканы, восстановление невозможно.